

АВТОР КУЛЬТОВОГО БЕСТСЕЛЛЕРА «ХИЖИНА»

УИЛЬЯМ ПОЛ ЯНГ

Ева

«Эта книга породит много шума и споров».

- Publishers Weekly -

Annotation

Новый роман, обещающий стать книгой десятилетия, от Уильяма Пола Янга, автора бестселлера «Хижина», проданного тиражом 22 000 000 экземпляров. На берег острова океанские волны выбрасывают грузовой контейнер. В нем 11 жестоко убитых женщин, бывших секс-рабынь, и 12-я девушка, сильно изувеченная, но живая. Придя в сознание, она обнаруживает, что ее спас некий Джон Коллекционер, что она почти полностью парализована и ничего не помнит из своего прошлого. С каждым днем к девушке будут возвращаться силы, а вместе с ними придет и страшная правда: ее новая внешность, ее ужасающее прошлое и то, ради чего ее спас Джон Коллекционер...

- [Уильям Пол Янг](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Стихотворение, написанное Лили](#)
 - [Примечания автора](#)

- [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Уильям Пол Янг

Ева

*Посвящается моей сестре Дебби.
Я бесконечно счастлив быть твоим братом*

William Paul Young

Eve

Copyright © 2015 by William Paul Young Originally published by Howard Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.

Cover design by *the* BookDesigners Jacket front and flap photographs by Shutterstock Author photograph (c) DOTSON STUDIOS, LLC

Перевод *Алексея Андреева*

© Андреев А., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Находка

Джон Коллекционер сидел, облокотившись спиной о ствол дерева. Голыми пальцами ног он ощущал прохладный прибрежный песок и смотрел на океан. Вставало солнце, и океан был прекрасен, как тихая, произнесенная про себя молитва. Курчавая от волн поверхность воды уходила к горизонту, где сливалась с безоблачным серебристо-белым небом.

Вдруг в соленом морском воздухе появился аромат эвкалипта, мирры и цветов абиссинской хагении. Джон улыбнулся. Он знал, что эти запахи всегда предшествуют ее появлению. Он поборол желание вскочить на ноги, лишь подвинулся, чтобы ей было куда сесть, опустил голову и сделал глубокий вдох. Он давно ее не видел.

Высокая женщина с черным, как воронье крыло, цветом кожи молча приняла приглашение и села рядом. Она подняла руку и потрепала его сидящие черные волосы с нежностью, на какую способна только мать, ласкающая своего ребенка. Нежность ее прикосновения сладостной волной пробежала по его телу, он почувствовал умиротворение, и его плечи распрямились, словно с них сняли тяжелую ношу, о которой он и сам не подозревал.

Он мог бы долго греться в лучах ее присутствия, но она никогда не появлялась просто так, а только по делу. Джон всеми силами пытался сдержать свое любопытство и наслаждался умиротворением, которое всегда испытывал от ее близости.

– Мать Ева? – произнес он через некоторое время.

– Джон?

Он не смотрел на нее, но чувствовал, что она улыбается. Эта женщина была стара как мир и все же излучала непосредственность и радость, свойственные только детям. Она поцеловала его в макушку.

– Прошлый раз мы встречались здесь... – начала она.

– ...ровно сто лет назад, – закончил Джон и продолжил: – Я признателен за то, что своим появлением ты почтила меня и отдала дань этой круглой дате.

– Да, сто лет в любом из миров – это небольшой, но все же повод для торжества. Впрочем, я здесь не только по этому поводу.

Он поднялся и стряхнул с одежды песок, после чего протянул руку Еве, чтобы помочь ей встать. Она приняла протянутую ей руку, но встала без его помощи. Ее лицо, этот шедевр бесконечной радости и горя, украшали морщины прожитых лет, которым нет числа, а вокруг головы густые белоснежные волосы сложились в виде нимба или королевской короны. Ее кожа была гладкой и ровной, как у ребенка, и светилась, а темные глаза горели, как яркие звезды.

Она увидела, что с языка Джона готовы сорваться десятки вопросов, и остановила его, подняв вверх руку.

– Джон, – произнесла Ева, – один правильный вопрос стоит тысячи неправильных. Поэтому внимательно отнесись к тому, что хочешь сейчас сказать.

Он задал свой вопрос, почти не задумываясь.

– Как долго? – с тоской в голосе спросил Джон. – Как долго нам осталось ждать конца, того дня, когда наша работа будет завершена?

Он взял ее руку и приложил ладонью к своему сердцу.

– Гораздо меньше, Джон, чем когда я впервые задала себе этот самый вопрос, – ответила Ева.

Глядя в ее глаза цвета темного янтаря, он глубоко вздохнул и кивнул.

– Я пришла, чтобы передать тебе известие, Джон. Сегодня в этом мире родится мой ребенок.

Джон нахмурился:

– Твой ребенок?! Но, мать Ева, разве все мы уже не являемся твоими детьми, твоими сыновьями и дочерьми?

– Да, это так, – ответила она. – Но мы всегда знали, что придут три особенные, исключительные женщины, которым суждено олицетворять весь род людской. Та, которой дадут обещание о семени, та, чье семя раздавит голову змеи, и та, что объединит в себе все семя человеческое. Мать, Дочь и Невеста. Скоро появится та, чей приход будет началом конца.

Джон был настолько поражен услышанным, что не заметил, как Ева подняла камешек и подошла к кромке прибоя. Потом он увидел, что женщины нет рядом, и тоже направился к воде. Ева подбросила камешек вверх, он описал дугу и бесшумно упал в воду.

– Джон, – сказала Ева, – в океане Вселенной всего лишь один камень, и расходящиеся от него круги в состоянии изменить все.

Джон смотрел на набегающие волны и чувствовал, как они подмывают песок из-под его ног. Все, что говорила Ева, всегда действовало на него успокаивающе, хотя очень часто оказывалось полной неожиданностью.

Сзади него раздался резкий голос:

– Ты витаешь в облаках грез, Джон.

Он повернулся. Легкий ветерок с моря играл его волосами.

Ева исчезла, но ее запах остался. Перед Джоном стояла Летти. Джон глубоко вздохнул.

– Мусорщики уже целый час пытаются с тобой связаться. Ведь во всей округе ты единственный Коллекционер...

Джон отвернулся от океана, нашел под ногами обточенный волнами плоский камень и запустил «блинчик». Камень с приятным звуком несколько раз подпрыгнул на поверхности воды. Джон и сам не понимал, почему каждый раз так радуется, когда удается запустить красивый скачущий «блинчик».

– А с чего такая спешка? – задумчиво спросил он Летти, наклонился и поднял еще один плоский камень.

Летти была старушкой ростом чуть выше метра. На ее плечах висела старая шаль, на ногах были неодинакового цвета носки и башмаки из разных пар, а в руках клюка. Ее лицо походило на яблоко, которое надолго оставили лежать на солнце: еще круглое, но морщинистое и слегка вяленое. У Летти были зоркие черные глаза, орлиный нос и рот, в котором отсутствовало большинство зубов. Ее клюка могла вполне сойти за жезл волшебника, и этой самой клюкой она указывала на Джона.

По выражению ее лица Джон понял, что произошло что-то важное, и выпустил из ладони камень.

– Летти?

Ее сообщение было кратким:

– Сегодня утром в воде заметили большой металлический контейнер. Его вытащили на берег и открыли. Ученые уже подтвердили, что он приплыл с Земли в реальном времени.

– Ну, такое уже неоднократно случалось, – спокойно заметил Джон.

– В контейнере оказалось двенадцать трупов. Все, кроме одного, молодых женщин.

– Боже! – выдохнул Джон.

Это слово прозвучало как молитва и восклицание одновременно.

– Судя по всему, этот контейнер использовался для транспортировки людей на большие расстояния и, скорее всего, находился на большом судне. К берегу не прибило никакого мусора, как это бывает при крушении корабля, поэтому мы пришли к выводу, что его сознательно сбросили за борт. Правда, перед этим всех находившихся в нем расстреляли. Однако у любой медали есть обратная сторона, и в любой трагедии бывает... – Она не закончила фразы, и он расслышал в ее голове нотки волнения.

Джон повернулся и сел на песок, подтянув к подбородку колени. Ему показалось, что в свежести океанского воздуха и теплом солнечном свете уже нет радости. Она вся исчезла, ушла вместе с Евой.

Он окунулся в свою боль и почувствовал, как Летти участливо коснулась его плеча, желая успокоить.

– Джон, мы не можем позволить, чтобы болезнь темноты поразила наши сердца. Мы совершенно справедливо чувствуем негодование. Мы знаем, что в мире бывает горе. Но мы никогда не должны покидать объятий радости, пусть это и выше нашего понимания. Чувствовать то, что ты чувствуешь сейчас, – это значит жить.

Он мрачно кивнул:

– Ты сказала, что все жертвы были женщинами, за исключением одной.

– Да, среди них был один мужчина средних лет. У нас всех возникло ощущение, что он, возможно, пытался защитить девушек. Однако, чтобы понять эту историю до конца, потребуется время.

– Я не хочу видеть...

– И не увидишь. Тела перевезли в Храм Скорби для того, чтобы подготовить к преданию огню. Это произойдет завтра. А сейчас нужно сделать то, что умеешь делать только ты. Потом Мусорщики разберут контейнер, а Художники найдут способы, чтобы почтить память этих бесценных детей.

Джон закрыл глаза и поднял голову к небу. В душе он уже сожалел о том, что разговор с Евой так неожиданно прервался.

– Не медли, иди, – сказала Летти. – Тебя уже ждут.

Размеры контейнера поражали. Это была железная коробка, по крайней мере, десять метров в длину. Джон подумал о том, что потребовалось наверняка не меньше десятка Тяжеловозов, чтобы выкатить ее по бревнам на берег. От кромки воды по песку тянулась глубокая борозда, показывавшая путь, по которому тащили груз. Рядом с контейнером были расставлены столы, на которых лежали вынутые из него вещи: одеяла, одежда и детские игрушки. Казалось, температура около него на несколько градусов ниже, несмотря на яркое, припекающее солнце.

Джон достал из кармана небольшую коробочку, открыл и надел на палец лежавшее в ней кольцо. Все, до чего он дотронется этой рукой, будет магически маркировано сегодняшним числом, что поможет разбирать, каталогизировать и архивировать все эти вещи после того, как их доставят в Прибежище для последующего анализа. После этого Джон вынул из кармана и натянул на руки тонкие перчатки.

Рядом с Джоном стоял небольшой черный комод с тремя выдвижными ящиками, и он дотронулся до него рукой. Поверхность комода была холодной. Он попробовал открыть ящик, но тот не поддавался. Джон подозвал стоящую в стороне Мастерницу, умеющую открывать любые замки, и та сделала свою работу за пару секунд. Джон открыл один из ящиков и увидел, что в нем хранились документы: счета, записи, отчеты.

В нижнем ящике комода лежали папки с личными делами погибших девушек. Информации по каждой из них было немного: рост, вес и возраст. В папках находились и фотографии каждой из жертв. Имена этих девушек, без всякого сомнения, были вымышленными и представляли собой названия стран Земли в порядке английского алфавита: Алжир, Боливия и так далее до буквы Л – Ливана. Джон внимательно рассмотрел фотографии и подумал о том, что у каждого изображенного на фотографии человека своя история, которую он, рано или поздно, узнает.

Он уже хотел закрыть ящик, чтобы продолжить осмотр других вещей, как вдруг ему в голову пришла неожиданная мысль. Он посчитал количество папок. Двенадцать штук, все правильно, именно такое количество людей упоминала Летти. Однако он не мог избавиться от чувства, что что-то было не так. Летти говорила, что среди жертв был один мужчина. Джон снова пересчитал папки. Их было двенадцать, и на каждой приложенной к делу фотографии было изображено лицо молодой девушки. Получается, что девушек должно быть двенадцать, хотя на самом деле было найдено одиннадцать женских трупов и один мужской. Где же еще одна? Может быть, кому-то удалось сбежать или возникла какая-то путаница с документами, допустим, личное дело положили в комод, а самой девушки в контейнере не оказалось? В любом случае была какая-то неувязка, небольшое досадное несовпадение, которое он не мог объяснить, загадка, которую пока он был не в силах разгадать.

Может быть, Ева имела в виду одну из этих девушек?

Словно по наитию он направился к контейнеру, перед входом в который выстроились в ряд резиновые сапоги. Их надевали, чтобы защититься от возможного заражения, а также чтобы не привнести в контейнер никаких микробов, что могло бы повлиять на результаты дальнейших тестов и исследований его содержимого. Джон выбрал сапоги, подходящие ему по размеру.

– Это ужасная трагедия, просто ужасная, – заметил Джону Инженер.

Надев сапоги, Джон кивнул ему в ответ.

– Мне надо ненадолго зайти внутрь, чтобы кое-что проверить, – сказал он. – Вы нашли что-нибудь еще, о чем мне стоит знать?

– Нет, пока разбираемся. Все самое важное из контейнера мы уже вынули.

Джон снова кивнул в ответ.

– Да, мы только что выключили кондиционер, поэтому внутри мороз, словно зимой. Не знаю, как так получилось, что кондиционер работал в режиме охлаждения, но с другой стороны, может, это и к лучшему: так тела хорошо сохранились. Да, и еще, поаккуратнее там – пол очень скользкий.

Дверь контейнера со скрипом открылась, и внутреннее освещение автоматически включилось. Судя по всему, оно работало от отдельных батарей, не связанных с системой кондиционирования. Перед тем как войти в контейнер, Джон сделал глубокий вдох, и, когда, уже стоя внутри, выпустил из легких воздух, изо рта поднялось облачко пара.

Приблизительно треть площади контейнера была занята самыми разными крупными предметами: коробками, ящиками и коврами. На полу лежал мусор, и Джон подумал, что рано или поздно надо будет его перебрать. Тут и там на полу и стенах контейнера виднелись кровавые пятна. Джон аккуратно обходил лужи замерзшей крови.

В дальнюю стену был вделан огромный вентилятор, лопасти которого не двигались и уже успели покрыться инеем. Джон быстро осмотрел помещение, чтобы удостовериться, нет ли в нем тайника, где могла быть спрятана двенадцатая девушка, которой он недосчитался.

Его внимание привлек выступ на стене с вентилятором. Это была чуть выдающаяся вперед металлическая пластина длиной приблизительно около полуметра. Джон подошел и внимательно рассмотрел ее. В нижней части были видны уходящие в стену металлические петли. Он провел рукой по верхнему краю и обнаружил углубления с зажимами, державшими крышку выступа, который вполне мог оказаться тайником. Джон понял, что если откроет зажимы, то вся конструкция выдвинется из стены и он увидит, что находится внутри. Что же это такое? Может быть, выдвижной столик или кровать? А может быть, и место, в котором прячется охранник?

Он задумался. Потом подул на руки и надавил на зажимы, которые с резким металлическим звуком открылись. Он начал вытягивать и опускать четырехугольный люк, сквозь перчатки ощущая ладонями леденящий холод металла. Люк оказался тяжелым, и Джону пришлось подналечь плечом для того, чтобы отделить его от стены, в которую он был вмонтирован. И вот там-то, внутри образовавшегося пустого пространства, он и нашел ее.

Внутри узкой щели оказалась практически раздавленная девочка-подросток. Кто-то с силой закрыл люк, и она не успела правильно улечься

внутри, поэтому невооруженным глазом было видно, что ее кости во многих местах сломаны. Можно было подумать, что девочка тихо спит в странной изогнутой позе, положив голову на плечо и неестественно вытянув и согнув руки и ноги, если бы не раны на ее теле и не обильно сочащаяся из них кровь. Одна нога у нее была практически оторвана от тела и держалась на лоскуте кожи. Джон с ужасом смотрел на лежащую перед ним девочку, которая словно вмерзла в окружавшее пространство и время.

Потом он резко развернулся и пошел к выходу из контейнера. В этот раз он даже не думал обходить лужи крови, а шел напрямик, не обращая на них никакого внимания. Ему следовало позвать специалистов, которые знают, что делать в подобных ситуациях.

– Я нашел еще одну девочку! – громко закричал он, оказавшись у выхода, после чего мимо него внутрь этой огромной железной коробки вбежало несколько человек.

Джон вышел наружу, снял сапоги, прошел к палатке, в которой недавно осматривал комод, и сел на землю.

– Боже! – прошептал он. – И это доказательство того, что Ты нас любишь? – Он замолчал и, посмотрев в сторону контейнера, тихо добавил: – Умоляю, возьми ее душу и подари ей покой.

Со стороны, где стоял контейнер, послышались громкие крики и топот ног. В палатку вбежал один из знакомых Джону Тяжеловозов и в порыве радости обнял его.

– Ты представляешь, Джон, она жива! Девушка, которую ты нашел, жива! – Тяжеловоз снова обнял Джона и продолжил: – Теперь тут у нас еще и Искатель. Кто бы мог себе это представить? – закончил он и вышел из палатки.

Джон ощущал только зияющую пустоту внутри. В изнеможении он обхватил голову руками. Если это тот ребенок, о котором говорила Ева, то его рождение оказалось непомерно страшным. Такое появление на свет не предвещало ничего хорошего. Что может ждать ребенка, который пришел в этот мир с такими страданиями?

Глава 2

Начало Всех Начал

К ней вернулось сознание, и она мгновенно почувствовала страшную боль во всем теле.

Почему? Что произошло? Она не знала, ее память была пуста, как чистый лист.

Потом перед глазами появились и замелькали разные не связанные между собой картинки. Вспышки света и полная темнота.

Сперва она услышала резкие и громкие звуки и почувствовала страх. Дыхание стало неровным, по лицу потекли слезы.

Потом мысленным взором увидела еще одну, более яркую, чем ранее, вспышку света, движение смазанных тел и услышала музыку. Смычковых инструментов, представьте себе на минуточку. Перед глазами появилась чернокожая женщина, неожиданно превратившаяся в загорелого мужчину с красным галстуком-бабочкой. Что за ерунда? Ей надо проснуться, но она чувствует себя такой усталой.

Она чувствует, что в голове словно воет ветер... видит огромные, бушующие, накатывающиеся на нее волны... вдох... поток воды... она не может дышать...

Когда в глазах снова стало темно, она этому только обрадовалась.

Потом она почувствовала, что снова пришла в сознание, и увидела над собой размытое и зыбкое лицо. Ей показалось, что она слышит чей-то голос. Где она находится? Кто она?

Даже с закрытыми глазами она продолжала видеть череду странных и не связанных между собой воспоминаний, кошмаров или грез. Воздух казался тяжелым, как вода. Грудь нестерпимо болела. На этот раз ее накрыла чья-то огромная тень – более реальная, чем остальные видения. Эта тень расширилась и поглотила ее целиком. Свет стал отдаляться, пока не превратился в точку, после чего весь мир окончательно погас.

Она закричала от ужаса, но не услышала звука своего голоса. Где она и что с ней происходит?

За закрытыми веками одна за другой проносились картинки. Что это? Воспоминания, галлюцинации, ужасы или видения? Она вся сжалась, пытаясь спрятаться и исчезнуть. Но где ей спрятаться? Она пыталась закричать, но услышала лишь сдавленные рыдания.

Потом она почувствовала на своем лбу что-то мягкое и теплое. Повязка? Компресс? В любом случае это было что-то приятное. Донесся какой-то резкий запах. Он окутывал и наполнял ее, обволакивая руки, ноги, голову. Пришло долгожданное облегчение. Звуки стали приглушенными. Она успокоилась.

И снова заснула.

Проснувшись или снова придя в себя, она услышала тихий разговор.

– Джон, – произнес резкий женский голос, – эта молодая особа – сплошная загадка. Хилеры пытаются установить, откуда она, но у нее такой генетический код, с которым они еще никогда не сталкивались. Никто из нас не видел ничего подобного! Это полная и необъяснимая аномалия!

В ответ прозвучал спокойный, размеренный и, как ей показалось, добрый мужской голос:

– Неисповедимы пути Господни.

Девушка попыталась открыть глаза, но веки не поднимались. Было ощущение, что на них лежит неподъемная тяжесть. Даже попытка открыть глаза довела ее до полного изнеможения. Почему, почему она не может двигаться?

– Хилерам потребуется время, чтобы понять, кто она такая, – произнесла женщина.

– Что ж, мы их не торопим, пусть бьются над разгадкой тайны. У нас есть время. Я даже не знаю, когда она выздоровеет, – с грустным вздохом ответил Джон. – Летти, признаюсь, мне и самому известно не больше остальных. Ясно только, что это загадка и за разгадку несу ответственность я.

Летти засмеялась.

– Да уж, сердобольный ты наш! – ответила она.

Девушка сделала над собой усилие. «Проснись! Проснись!» – убеждала она саму себя. Все тело страшно болело и ныло. Казалось, что она падает.

– Я одного не понимаю, – услышала она голос Джона. – Почему Ева выбрала меня? Почему меня предупредила? Как ты сама думаешь?

– Ну, может, потому, что ты сам был Свидетелем?

– А какое отношение это может иметь к девушке?

В ответ Летти стала вполголоса что-то напевать. Мелодия приносила ощущение счастья. Она больше никуда не падала, а лежала на ровной поверхности. Голоса стали отдаляться. Ее охватило чувство полного умиротворения.

«Дочь, – услышала она голос издалека. – Дочь».

Воздух наполнился запахом цветов и специй. Она почувствовала нежное, как перышко, прикосновение. Кто-то заботливо и мягко провел пальцами по ее руке. Прикосновение было приятным и словно возвращало ее к жизни.

– Мое дитя.

«Какое еще дитя?» – пронеслось в уме девушки.

Она снова попыталась поднять веки, и на этот раз глаза послушно открылись.

Рядом с кроватью стояла чернокожая женщина. Одновременно молодая и старая как мир, она казалась простой и доступной, но при этом величественной, как королева. Женщина наклонилась, нежно поцеловала девушку в лоб и улыбнулась.

– Кто ты? – прошептала девушка.

Казалось, что в присутствии этой женщины надо говорить тихо и учтиво. Впрочем, может, она и не произносила этих слов, а лишь подумала об этом?

– Я твоя мать. А ты – Свидетель. Пойдем со мной, я тебе кое-что покажу, – ответила женщина, даже не размыкая губ.

Ее пальцы сомкнулись вокруг запястья девушки, и пришло ощущение невесомости.

«Моя мать?» – с удивлением подумала она.

Слово «мать» вызвало в ней непонимание и бурю чувств. Ей сразу же расхотелось следовать за женщиной.

– Пойдем, дочь моя. Ты станешь Свидетелем мироздания, и это поможет излечить твою душу и тело.

Девушка безуспешно пыталась высвободить руку из нежных, но крепких пальцев женщины. И тут почувствовала, как ее щеки холодит ветер. Она стремительно взлетала вверх и теперь уже старалась крепко держаться за ладонь женщины. Взглянув вниз, девушка увидела собственное тело. Изуродованное, опутанное трубками, капельницами и проводами, подключенными к стоящим рядом медицинским аппаратам, оно осталось далеко внизу.

Девушка задержала дыхание и замерла. Ей было очень плохо.

«Сколько раз мне суждено умирать?» – с тоской подумала она.

– Нет, это не смерть, – заверила ее женщина. – Это жизнь. Ты только посмотри. Я обещаю, ты не разочаруешься.

И тут неожиданно женщина отпустила ее руку. Она бросила ее.

Девушка плотно зажмурила глаза в предвкушении стремительного

падения. Однако этого не произошло, она повисла в пространстве, словно в невесомости. По коже неожиданно разлилось тепло, окутавшее ее влажным покрывалом. Она почувствовала, как влага проникает ей в рот, и ужаснулась от мысли о том, что проглатывает эту странную, сладкую жидкость. Жидкости было много, она заполнила все легкие, и девушка ощутила подкатившуюся к горлу желчь тошноты.

Но она не задохнулась, а только постепенно расслабилась.

«Я дышу жидкостью? Но ведь это невозможно! Это полное сумасшествие!» – пронеслось у нее в голове.

Она широко раскрыла невидящие глаза и решила раствориться в этом сладком, жидком эфире. Она сознательно решила ни за что не цепляться, не бросать нигде якоря, не искать тихой гавани, не хвататься как за соломинку за какое-либо воспоминание. И почувствовала себя почти свободной.

Пришло умиротворение и понимание: ее не оставят одну, о ней позаботятся. Кто-то знал о том, что она здесь, и этим кем-то была чернокожая женщина, назвавшаяся ее матерью. Она пригласила девушку взглянуть на это место. «Взгляни», – говорила она. Но Вселенная была пустой и бесформенной. В ней не было ничего.

Девушка даже стала сожалеть о том, что приняла приглашение. Приманка и последующий неизбежный обман – до боли знакомая история.

Она не знала, как долго находится в этом жидком эфире. Может, это длилось наносекунду, а может, и миллион лет. Во времени и пространстве не было ориентиров, за которые можно было бы зацепиться, чтобы понять изменение чего-либо. Смотреть было нечего, потому что ничего не показывали.

Потом пришло ощущение взрыва. Она резко дернулась всем телом и вытянула шею в сторону вспышки света. Это был сильнейший, сногшибательный поток энергии и информации, и этот поток, как ядерная вспышка, докатился до нее. Это был свет. Это был восторг. Это были огонь и радость, кровь и вода. И это был голос – один и великое множество, – который наполнил и объединил зияющую пустоту.

Хаос и материя столкнулись, и от этого столкновения брызнули искры радости и силы, из которых, в свою очередь, появились энергия, пространство и время. Вокруг стояли существа-духи и громко аплодировали происходящему. Они хлопали в ладоши, и разноцветные капли жидкости разлетались во все стороны, как искрящиеся радугой драгоценные камни. Вселенная пела, и казалось, вокруг главной мелодии мироздания звучит множество радостных мелодий, напеваемых прекрасными существами-духами, наблюдавшими за процессом

сотворения мира.

Девушка чувствовала себя меньше мельчайшей пылинки и одновременно больше всей бесконечной галактики. Казалось, радость разрывает на малейшие частицы рождающуюся материю, чтобы потом снова собрать их вместе. Ее поднял хор ликующих голосов, и она почувствовала миллионы нежных и сладких запахов. Запахи благовоний создавали свою мелодию и танцевали свой танец рождения мира. Все громче слышались не Один, не Два, а Три голоса, которые на самом деле являлись Одним и тем же Неделимым голосом бытия. Раздался громкий и радостный смех.

– Это Великий Танец, – произнес голос, в котором было Три голоса.

«Танец матери?» – подумала девушка.

– Танец Начала Всех Начал.

Девушка покачивалась на волнах эфира. Ей так хотелось снова увидеть ту женщину, и она прошептала: «Мать!»

– Ну, наконец-то ты проснулась. Добро пожаловать в мир живых и в Прибежище.

Ей показалось, что она уже где-то слышала этот голос.

«Ааа, это Джон», – подумала она.

Голос был земным и твердым по сравнению голосами, которые она только что слышала, и показался девушке слишком обыденным.

«Ну, что же мне так не везет! – не без раздражения подумала она. – Я снова умерла и попала в ад. И в этом аду, оказывается, есть мужчина».

Девушка попыталась повернуть голову в сторону этого голоса.

– Нет! Не двигайся! – услышала она встревоженный возглас.

Но было слишком поздно, и она почувствовала резкую и острую боль в шее. Казалось, там, где она находится, выключили свет. Все кругом погрузилось в темноту, и перед тем как она снова потеряла сознание, в голове пронеслась мысль: «Ну, вот, все это со мной уже было...»

Что-то мягкое коснулось ее лба. Потом она услышала шепот:

– Только что ты видела сотворение мира, Начало Всех Начал. Ты наблюдала первое зачатие. Теперь мы ждем появления ребенка.

Она открыла глаза и увидела, что космос все еще расширяется во все стороны.

– Я видела сотворение мира?

– Да, его самое начало, чрево творения. – Казалось, этот голос идет ниоткуда и отовсюду, словно он был одновременно вокруг и внутри ее самой.

Девушка осмотрелась вокруг:

– Тот самый большой взрыв?

В ответ послышался громкий смех. Он стал золотой пуповиной, соединяющей ее с видимой глазу гармонией и мелодиями, из которых складывалась бесценная ткань бытия, сотканная из драгоценных камней огня, надежды, веры и любви.

Чрево творения расширялось. В нем была заложена неудержимая и яростная жизненная сила, но при этом оно развивалось по своим точным законам и в нем существовал свой собственный строгий порядок.

Девушке стало не по себе. Она ждала продолжения истории, ее поступательного развития, но одновременно не могла избавиться от привкуса цинизма, словно столкнулась с чем-то уже давно знакомым и понятным. Начало Всех Начал, эта первая история влекла и отталкивала ее. Было ощущение, что все это она давно видела и слышала, но при этом ее не оставляло понимание, что эта история совершенно новая.

Все это было прекрасно и ужасно одновременно. Перед ее глазами появился небольшой, крутящийся в пространстве синий шар, такой хрупкий и одинокий.

– Вот здесь, из воды, крови и пыли скоро зародится жизнь! Из этого чрева скоро родится ребенок, и ты, дочь моя, будешь свидетелем его рождения. Ты Свидетель Начала Всех Начал.

Эти слова прозвучали в ушах девушки как приговор. Это были слова веры, и от них в ее душе открылась кровоточащая рана.

О, нет!

– Это мой подарок тебе, дочь моя. Подарок тебе, а также каждому мужчине и женщине, что появятся в этом новом мире.

– Нет, – твердо произнесла девушка. Это слово отравленной стрелой воткнулось в ткань бытия. – Я не свидетель. Я не хочу быть свидетелем.

И тут огни Вселенной потухли.

Она пришла в себя под нечленораздельное бормотание и какие-то щелчки в углу. Она почувствовала, что лежит на кровати. Насколько мелодия Вселенной и рождения мира была радостной и приятной, настолько эти новые звуки показались ей будничными и обыденными. Было ощущение, что до этого она наслаждалась рокотом водопада, а сейчас кто-то забыл закрутить на кухне капающий кран.

При этом ей было приятно очнуться.

Кто-то поблизости напевал незнакомую незатейливую мелодию без слов. В горле першило, и она сделала над собой усилие, чтобы кашлянуть.

Звуки мелодии прекратились, и она услышала приближающиеся шаги.

– Приходи в себя. Давай попробуем еще разок, – услышала она мужской голос.

«Это, наверное, Джон», – подумала она. На этот раз она смутно видела склонившееся над ней лицо. Его контуры были нечеткими, словно она смотрела сквозь туман или со дна океана через толщу воды. Она смотрела на темнокожего мужчину с кустистыми бровями, залысиной на лбу и короткой бородкой с серебряными прожилками седины. Появление в поле зрения этого лица вызвало прилив тошноты, и она в изнеможении закрыла глаза.

Нечленораздельное бормотание возобновилось.

Джон нежно вытер слезы с ее лица, большей частью закрытого повязкой. Она вздрогнула от прикосновения и хотела сказать, чтобы ее не трогали, но не смогла открыть рот. Подбородок крепко держала скоба, чьи металлические прутья оканчивались во рту, оставляя привкус стали. Она попыталась сглотнуть и снова почувствовала, что ее подбородок находится в железной клетке.

– Все хорошо, успокойся, – раздался мужской голос, вызвавший у нее очередной рвотный позыв. – Я понимаю, что у тебя наверняка много вопросов. Со своей стороны, могу сказать, что у меня совершенно точно очень много вопросов к тебе. Но сейчас, пожалуйста, даже не пытайся говорить, – добавил он. – Пока еще у тебя это не получится, но я надеюсь, что скоро все изменится.

Если ты меня понимаешь, – продолжал Джон, – пожалуйста, открой глаза и моргни один раз. Это будет означать «Да». Если захочешь сказать «Нет», моргни два раза.

Она моргнула один раз.

– Ага, давай на всякий случай повторим. Ты отвечаешь «Да»? Ты не просто так моргнула и это не совпадение? Пожалуйста, если ты меня понимаешь, моргни еще один раз.

Она почувствовала раздражение, и ей захотелось сделать вид, что она снова потеряла сознание. Ей не нравилось, когда ей указывали, что делать, и ей не нравилось то беспомощное положение, в котором она оказалась. Но, тем не менее, она моргнула один раз.

– Замечательно. – По тону его голоса она поняла, что он действительно рад. – Очень хорошо. Мне не хотелось бы бросать слова в пустоту, когда меня не слышат и не понимают. Не согласна?

Ей, в принципе, было все равно, что он делает, кому и что говорит, поэтому в ответ она моргнула два раза.

– Прости! – быстро произнес он. – Мы пытаемся вести осознанный разговор, и мне надо задавать более четкие и имеющие отношение к делу вопросы. Давай поступим проще: в конце каждого вопроса я буду говорить «Да» или «Нет»? Мне кажется, так тебе будет проще, согласна? Да или нет?

Она моргнула один раз.

– Великолепно! Договорились! Теперь я объясню, где ты и кто я такой. Меня зовут Джон, и ты находишься у меня дома, который все называют Прибежищем. В комнате, кроме меня, есть еще миниатюрная и очаровательная Летти...

– Он имеет в виду, что я маленького роста, дорогая, – услышала девушка резкий женский голос, прозвучавший где-то на уровне ее кровати.

Девушке стало приятно, что в комнате находится женщина.

– Я гораздо старше его и ростом ниже, и он мне завидует, – со смешком произнес женский голос. – Скажу тебе так, дорогая, не волнуйся, ты одета и тобой занимаются женщины. В любом случае тебе Джона не надо бояться.

Девушка увидела, как на лице мужчины появилась улыбка.

– Летти, я могу пододвинуть стул, ты на него встанешь, и наша гостья сможет тебя рассмотреть, – предложил он, глядя куда-то вниз, где, видимо, находилась эта самая Летти.

– Спасибо, Джон, но пока мы можем и без этого обойтись. Я заглянула, чтобы сказать, что к нам пришли трое незнакомцев. По внешнему виду похожи на Ученых и, судя по всему, прибыли издалека. Они хотели бы переговорить с тобой и нашей гостьей. Вот, собственно, и все, что я хотела сказать.

Мужчина снова повернул голову в сторону девушки:

– Ты знаешь, как тебя зовут, да или нет?

Она моргнула два раза.

– Хм... Следовательно, я могу высказать предположение, что ты так же не знаешь, откуда ты и из какого времени к нам пришла. Нет, это не вопрос, это просто комментарий.

Она закрыла глаза, потому что разговор начал ее утомлять. Ей хотелось, чтобы Джон оставил ее в покое и дал спокойно поспать.

– Ты помнишь, откуда ты, да или нет?

Она два раза моргнула в ответ.

Джон задавал ей вопросы в течение последующих пятнадцати минут, но у нее пропало всякое желание на них отвечать, поэтому «разговор» получился односторонним, как игра в футбол в одни ворота.

Нет, она не помнила, где раньше жила. Она ничего не знала о своей

семье. Она знала, что была человеком и женщиной. Эти два последних вопроса показались девушке очень странными.

Да, она чувствует боль во всем теле.

Голова гудит, она не может пошевелить ни стопами, ни пальцами и даже не ощущает, как он к ним прикасается. Она может поднять брови и слегка наморщить лоб, но это все, что ей удастся сделать.

Ее пугало, что голова гудит все сильнее и сильнее, и Джон объяснил ей, в каком состоянии она находится. Он сказал, что девушка практически парализована. Ее лечат разными травами и лекарствами. Для ее полного выздоровления необходим абсолютный покой, и любые движения ей пока противопоказаны. Она на мгновение успокоилась, но ей тут же захотелось задать уточняющие вопросы о состоянии своего здоровья, однако сделать это она не могла.

Мужчина продолжал говорить, расхаживая по комнате и позванивая какими-то предметами. Она не представляла себе, чем именно он занимается и чем гремит. Наконец, он сообщил ей следующую важную информацию. Джон назвал себя Коллекционером. В обязанности Коллекционера входит хранение всего того, что течения океана выбрасывают на каменистый берег рядом с его домом. Джон также сказал, что девушка находится в Прибежище уже несколько месяцев.

По словам Джона получалось, что ее «выбросило» на берег расположенного между разными мирами «острова». Джон сказал, что с ней произошла трагедия, что-то неописуемо страшное. Вместе с девушкой на берег «острова» волны выбросили много мусора: контейнер из металла, обрывки бумаги, игрушки, мебель, в общем, артефакты времени и пространства, в которых девушка раньше жила. Все эти предметы сохранили, и они находятся на складе. Когда девушка поправится, она сможет их осмотреть.

– Я не знаю, кто ты, и мне неведома твоя история, – сказал Джон. – Ведь я всего лишь Коллекционер, а не Искатель.

Девушка поняла, что каким-то мистическим образом Искатели всегда связаны с теми, кого находят. Джон говорил об этом без тени сомнения, словно это был один из непреложных законов Вселенной.

Девушке не очень понравилось услышанное. Она должна быть «связана» с каким-то человеком, может быть, даже с мужчиной? От этого известия у нее на душе стало тоскливо.

Джон говорил на протяжении, наверное, четверти часа, а потом столько же времени потратил на извинения и предостережения о том, чтобы она не чувствовала себя виновной в сложившейся ситуации.

«Да что ж такое? – думала она. – Он болтает и болтает, и от его слов мне почти так же больно, как от ран».

Но потом она сосредоточилась на бормотании Летти, на той простой мелодии, которую та напевала. Эти звуки убаюкивали ее. Она не хотела и не могла вдаваться в то, что рассказал ей Джон. Она почувствовала, как ее уносит поток незатейливой мелодии, и провалилась в черную пустоту, надеясь избавиться от плохих мыслей, подозрений и сомнений.

Но этого, увы, не произошло.

Глава 3

Лили и змея

Девушка приблизилась к поверхности Земли и медленно спустилась на небольшой голый пригорок. Перед ней расстилалась равнина с непроходимым лесом. Далеко на горизонте виднелись сиреневые пики горной гряды.

Открывавшийся вид поражал величию, но девушка решила осмотреться вокруг, обернулась и в ужасе отпрянула от того, что увидела. На другом конце равнины высоко в воздух поднималось гигантское торнадо, состоявшее из воды и чистой энергии. Столб торнадо вздымался до самых небес, и от него исходили свет и тепло.

– Потрясающее зрелище, – слышался знакомый голос. – Я готова смотреть на него вечно.

Рядом с девушкой стояла высокая темнокожая женщина.

– Ты называешь себя Матерью, – сказала девушка, – но ты точно не моя мать.

Эта женщина привлекала ее гораздо больше, чем любое торнадо. Ее красота и благородство казались еще более удивительными, чем при первой встрече. У женщины было широкоскулое лицо, выразительные темно-карие глаза с ярко-золотой каемкой вокруг радужной оболочки и густые, туго заплетенные в косы светлые волосы, выложенные вокруг головы в виде короны. Одета она была в ниспадающие яркие одежды, сверкающие при каждом малейшем движении.

Женщина улыбнулась и стала приближать свое лицо к девушке, пока их лбы не соприкоснулись.

– Да, я твоя мать, Лили, – прошептала она.

– Лили? – Девушка вздрогнула, услышав это имя, но тут же поняла, что именно так ее и зовут. – Неужели я Лили? О Господи, конечно, я вспомнила. Меня зовут Лили Филдс!

Женщина сообщила ей не только имя.

– Так ты моя мать? Как это возможно?! Ты же...

– Черная? – Женщина громко рассмеялась, и вслед за ней рассмеялась и Лили. – Дорогая моя, черный – это прекрасный цвет, в котором слились все остальные цвета. Согласна?

– Но я даже не знаю, как тебя зовут...

– Ева.

– Ты Ева? Как в библейской притче об Адаме и Еве?

– Да, дитя мое. Я Ева, Мать Всех живых. Как ты думаешь, где мы сейчас находимся?

– Не знаю, – пробормотала Лили в ответ. – Это сон, галлюцинация или у меня просто какое-то серьезное психическое расстройство? – Она помолчала и потом спросила: – Может быть, я схожу с ума?

Девушка наклонила голову и уставилась в землю, как будто надеялась увидеть что-то, что помогло бы ей сосредоточиться и собраться с мыслями. К своему величайшему удивлению, Лили заметила, что она сама в облачении из солнечного света, которое при этом полностью скрывает ее наготу. Ей было неприятно чувствовать себя обнаженной, но свет оказался идеальной одеждой. Она не стала углубляться в мысли о том, как можно быть одетой в солнечный свет, а решила продолжить разговор с Евой.

– Ну, если бы ты знала меня чуть лучше, – пробормотала она, не поднимая глаз, – ты бы поняла, что мне здесь совсем не место.

– Дорогая моя, – ответила Ева, – да кто из людей может признать, что хорошо знает самого себя? – Тут Ева повернулась в сторону и произнесла совершенно другим, уже не добрым и приветливым, а строгим голосом: – Я чувствую чье-то тягостное присутствие. Покажи себя, не таись!

Листья кустов зашуршали, и из них показалась голова змеи. Заметила ли она Еву, оставалось для Лили загадкой, потому что через долю секунды змея стояла в стойке прямо перед ней. Лили отпрянула. Аспид смотрел ей прямо в глаза, угрожающе раскрыв свой капюшон. Раздвоенный язык высовывался из пасти и тут же прятался внутрь, словно пробуя воздух на вкус. Ева смотрела на происходящее с непроницаемым лицом, сложив руки на груди.

– Ты кто? – прошипела змея. – Я еще не видела таких, как ты.

У Лили перехватило дыхание, и она отвела глаза.

– Я никто, – тихо прошептала она. – Я никто.

– Ты утверждаешь, что ты – никто. Но при этом у «никто» есть голос. Кто ты?

– Ничто, – ответила Лили. – И я не из этих мест.

Ей показалось, что с каждым ее словом змея увеличивается в размерах.

– Занятно. – И змея отодвинулась назад, чтобы рассмотреть ее получше. – Так скажи мне, что же привело «никто» и «ничто» в наши края?

Лили не знала, что ответить.

Змея наклонила голову и снова попробовала на вкус воздух.

– Я не знакома с такими, как ты. Вы странные. В лучшем случае вы

только мешаете. И прерываете.

После этого змея резко опустилась на землю и исчезла. Лили почувствовала, будто ей милостиво разрешили жить, и вообще была в довольно взвинченном состоянии, но стояла не шелохнувшись.

– Что это было? – спросила она.

– Иногда, – ответила Ева, – змея – это всего лишь змея.

– Но она со мной разговаривала?

– А иногда змея – это чуть больше, чем просто змея. Если ложь привлекает к себе внимание, она начинает расти. Но на самом деле сейчас меня это мало волнует. Меня больше волнует то, что о твоём присутствии уже знают те, кто никогда не будет действовать в твоих интересах.

– Это меня слегка пугает, – заметила Лили.

– Не бойся, – ответила Ева. – Я видела, как развивается этот сюжет.

– Все это... – Лили подняла вверх руки, как бы соглашаясь с собственной принадлежностью к этому миру. – Так все это уже происходило?

– Нет, этому только предстоит произойти, – ответила Ева, что несколько не показалось Лили странным. – И ты здесь для того, чтобы быть Свидетелем.

– Ева? – Лили инстинктивно протянула к женщине руки, и их пальцы сплелись.

Девушку удивляло, что она спокойно и открыто высказывает свои мысли, не боясь, что ее будут за это судить или наказывать.

– Да, дочь моя, – с нежностью в голосе произнесла Ева и крепче сжала пальцы Лили.

– Я не хочу быть Свидетелем чего бы там ни было.

– Это большая честь, которую, поверь мне, оказывают немногим.

Девушка почувствовала, как в горле застрял комок, и она даже и не знала почему.

– Мне кажется, это всего лишь еще один способ проиграть. Я не очень интересуюсь религией.

Выражение лица Евы стало вопросительным:

– Я о религии ничего не знаю.

– Я к тому, что слышала эту историю. Точно не могу сказать когда, но я была тогда совсем ребенком. Бог создает мир, Бог создает человека, Бог создает женщину, потом из-за женщины вся эта идиллия заканчивается. – Лили замолчала и после секундного колебания добавила: – Я думаю, ты сама это прекрасно знаешь.

Золотая окантовка вокруг радужки глаз Евы загорелась еще ярче.

– Что я сама прекрасно знаю?

– Ну, как с тех пор женщины попали всем в немилость. И я по собственному опыту могу сказать, что Бог в нас, женщинах, тоже сильно разочаровался.

– Можешь поподробнее рассказать об этом опыте?

Лили попыталась вспомнить, какой именно опыт она имела в виду, но не смогла. Она посмотрела на их сцепленные с Евой пальцы, и ей неожиданно захотелось плакать без какой-либо на то видимой причины.

– Не бросай меня сейчас, хорошо? – тихо попросила она Еву.

– Я тебя никогда не брошу. – Лили показалось, что в глазах Евы блеснула слеза. – Ты же моя дочь, поэтому я всегда в тебе, а ты всегда во мне.

Эти слова успокоили девушку. Ева подняла взгляд вверх:

– Смотри! Близится назначенный час. Я обещаю только одно: ты никогда не пожалеешь о том, что стала Свидетелем.

– Ну, что, ты опять к нам вернулась?

Даже с закрытыми глазами Лили поняла, что слышит голос Джона. Девушка почувствовала раздражение от того, что ее разбудили.

– Я наблюдал за тобой, пока ты спала, и тебе снился сон.

«Только этого не хватало! Он за мной подсматривает», – подумала она.

Джон тихо рассмеялся, словно прочитал ее мысли, но несколько не обиделся. Лили смутилась и покраснела.

– Когда тебе что-то снится, глаза под веками двигаются, словно ты видишь перед собой все то, что происходит во сне. – Он помолчал и продолжил: – На самом деле все, что ты видишь во сне, может быть совершенно реальным. Я не специалист по разгадыванию снов, в этом я точно не силен. Можно спросить об этом у Ученых. В любом случае ты полностью погрузилась в сон и потерялась в другой реальности... какой бы она ни была.

«Потерялась, – подумала Лили, – это именно то, что со мной произошло».

Там, где она находилась сейчас, все было до боли обыденным, а ее видения казались такими яркими и реальными. Она не желала быть Свидетелем, но при этом ей не хотелось расставаться с Евой. Сон потух, как яркие всполохи заката, и с его окончанием что-то в ней словно умерло.

Девушка вопросительно подняла брови, и Джон попытался угадать вопрос, который она хотела задать.

– Так о чем же тебе рассказать? Об Ученых или снах? Об Ученых, да

или нет?

Ей почему-то показалось, что потребуется много усилий, чтобы моргнуть, поэтому она попыталась раскрыть рот, вокруг которого уже не было никакой металлической скобы. Она разомкнула губы, но смогла издать только хриплые нечленораздельные звуки. Джон решил, что это «Да», хотя на самом деле ее не интересовала ни одна из предлагаемых тем.

– Молодец! Наконец я услышал твой голос! Поздравляю! – Джон подвинул свой стул ближе к изголовью кровати. – Ученые – это эрудированные и умные ребята, которые изучают тот или иной предмет и могут говорить о нем долго и обстоятельно. Они очень образованные люди, эти самые Ученые. Они могут объяснить практически все, даже если это и неправда. – Джон взглянул на нее, ожидая увидеть улыбку, отметил, что его слова не произвели никакого впечатления, и продолжил: – К сожалению, чаще всего Ученые общаются только друг с другом и говорят на языке, который, кроме них самих, мало кто понимает. Если мне надо обратиться к Ученым, я обычно прибегаю к помощи Переводчика, чтобы разобраться в дебрях их глубоких знаний. В общем, общение с Учеными – дело далеко не простое. Но, если честно, сами Ученые – люди очень приличные, и многие из моих ближайших друзей являются именно Учеными.

Джон замолчал и наклонился ближе к ее лицу. На этот раз Лили попыталась изобразить то, что, по ее мнению, он ожидал. Она попыталась улыбнуться.

Казалось, Джон был несказанно рад ее улыбке, что положило конец раздражению, испытываемому в его адрес.

– Молодец! – радостно произнес он. – Я видел эту улыбку! Первая слабая улыбка, и я очень надеюсь, далеко не последняя. Хорошо, давай я тебе еще что-нибудь расскажу об Ученых. – Он осмотрелся кругом, словно боялся, что их подслушивают, и перешел на шепот: – Ученые часто приезжают в Прибежище. Вот недавно прибыли трое. Хотели увидеться с тобой и, я уверен, тебя исследовать. Рано или поздно тебе придется с ними встретиться. Я умею общаться с Учеными. Я знаю секрет. Главное – щедро угощать их вином или чем-нибудь покрепче. Чем больше они пьют, тем легче простым людям их понять.

Джон тихо рассмеялся. Лили должна была признать, что это замечание на самом деле было немного смешным.

– В общем, как я уже сказал, Ученые во всех смыслах милые ребята, и я многому у них научился. Хотя в их присутствии я редко в этом признаюсь. – Он помолчал и добавил: – Порой приходится приложить много усилий, чтобы выглядеть не таким умным, какой ты на самом деле.

Джон встал и громко рассмеялся. У Лили было не так много способов выразить свои чувства, поэтому она издала неопределенный звук и сделала над собой усилие, чтобы улыбнуться.

– И это я тоже видел! – воскликнул он. – Даже тень улыбки делает тебя настоящей красавицей-принцессой!

Джон наверняка хотел сделать комплимент, но ей лишь стало ужасно тоскливо. Сами слова и тон, каким они были сказаны, должны были ее поддержать, но почему-то она не почувствовала радости, а восприняла их как предвестник какой-то трагедии, о которой еще не ведала.

Страх накатывался на нее морской волной. Общее ощущение дискомфорта усиливалось из-за того, что она не могла двигаться. Лили решила сконцентрироваться на дыхании и вбирать воздух медленно и глубоко. Постепенно страх прошел. Медленно вдыхая и выдыхая сквозь плотно сжатые зубы, она почувствовала, что успокаивается.

Она лежала на спине, глядела в потолок, и слезы текли по ее лицу.

Джон нежно вытер ее щеки и глаза. Она понимала, что он хочет ей помочь и желает только добра, но почему-то его прикосновения были ей отвратительны. По телу девушки пробежала дрожь.

– Дорогая, – сказал Джон с глубоким вздохом, – ты даже не представляешь, как бы мне хотелось, чтобы ты вспомнила свое имя...

Лили казалось, что слезы – это единственный доступный ей сейчас способ общения. Слезы стали жидкими словами.

– Я скоро вернусь, – произнес Джон, погладил ее руку и вышел из комнаты.

Лили рассталась со всякой надеждой на то, что он ее поймет. Кроме злости и раздражения, она не испытывала ничего. Тяжесть этих чувств легла ей на грудь неподъемной могильной плитой. Она была рада тому, что он вышел, и закрыла глаза.

Тут она ощутила, как кто-то берет ее за руку, и сразу поняла, что это ее мать. Прикосновение было мягким и теплым. Все ее существо наполнилось радостью, а раздражение и злость мгновенно исчезли.

– Лили! – послышался шепот. – Возвращайся! Возвращайся и увидь!

Девушке передалась радость, с какой были сказаны эти слова, и с ладонью матери в руке она почувствовала себя в безопасности. Она подняла взгляд, ожидая увидеть лицо Евы, и чуть не вскрикнула. На расстоянии вытянутой руки находилась похожая на водопад стена, состоящая из вспышек света и падающей воды. Девушка подняла руку, чтобы прикоснуться к ней, но тут же отдернула, глубоко внутри себя услышав голос:

– Не достойна.

Лили отвернулась от стены. Раскаленное солнце медленно падало за линию горизонта. Тени, эти предвестники ночи, становились все длиннее.

– Мать Ева, – тихо спросила она, – что это за стена за моей спиной?

– Это граница Рая.

– Рая? Того самого Райского сада? – Лили произнесла эти слова и сама удивилась тому, сколько глубоко забытых воспоминаний они вызвали. – Совсем маленькой меня водили в соседнюю церковь. Там я сидела и слушала разные истории. А разве Рай не исчез после Потопа?

Ева рассмеялась, словно зазвенела хрустально чистая вода в горном ручье, и Лили смутилась. Женщина обняла ее и прижала к себе:

– Лили, со мной ты в полной безопасности. Я рассмеялась только потому, что твои слова показались мне смешными. Поверь, я никогда не стану смеяться, чтобы тебя устыдить.

Девушка медлила с ответом.

– Я чувствую себя такой глупой, когда не знаю то, что должна знать, – призналась она.

Ева снова рассмеялась, и на этот раз девушка не покраснела.

– Ну, как чему-то научишься, когда все знаешь? Чтобы научиться, надо сначала не знать, верно?

– Надо подумать, – сказала Лили и потом рассмеялась. – Все, теперь я тебя поняла.

Ева подняла палец, чтобы указать на то, о чем будет рассказывать:

– У Рая шесть границ, если считать и землю, на которой он стоит. По сути, Рай имеет форму куба. Ты понимаешь, что такое куб, Лили?

– Да, – пробормотала девушка в ответ. – Помню, мы это в школе проходили. Послушай, я, конечно, не хочу показаться грубой, но разве все это не сказка? Я имею в виду все это. Включая тебя саму. Я, наверное, схожу с ума?

– Лили, ты знаешь, что Бог создал все, что существует в этом мире?

– Знаю только тогда, когда сплю, – ответила девушка. – Когда не сплю, все это кажется мне галлюцинацией, и я в это совершенно не верю. Я верю только в то, что все произошло из ничего.

– Послушай, я не спрашиваю тебя, во что ты веришь. Я спрашиваю, что ты знаешь.

– А в чем разница?

– Интересный вопрос. Судя по всему, галлюцинации способны убедить тебя в существовании того, во что ты уже веришь. Почему ты полностью сбрасываешь со счетов собственный опыт?

Лили почувствовала иронию в словах Евы.

– Иногда проще и спокойнее не замечать вообще ничего, – ответила Лили. – Особенно когда все вокруг кажется железобетонно реалистичным.

Ева помолчала, после чего вновь стала рассказывать о Райском саде.

– Рай там, где большая радость, истинное и чистое наслаждение. Придет время, и в этом саду зародится жизнь, появится все, что существует на земле.

Лили почувствовала, как глубоко в душе что-то встрепенулось, словно порыв ветра всколыхнул пламя одинокой свечи.

Тут ее внимание привлекло движение, начавшееся по всей равнине. По ее периметру встали гигантские часовые, созданные из разноцветных языков огня. Эти часовые обозначили границу, внутри которой стали появляться существа-духи, выстраивавшиеся стройными рядами, словно солдаты на параде или балерины в театре. За этими существами-духами выросли ряды самых разных человекоподобных гуманоидов, животных и птиц. Потом рядами поползли всякие твари и гады: насекомые, рептилии и самые разные виды земноводных, знакомых человеку и совершенно незнакомых существ. Вдали, в водных пучинах миллионы морских и речных тварей внимали происходящему. Вселенная словно застыла, стала недвижима и, временно оставив борьбу за выживание, уважительно и внимательно прислушивалась и приглядывалась к происходящему.

Настала ночь, и вокруг засияли разноцветные мерцающие огни. В небе возникли миллионы радужно-ярких точек. Самые разные существа прибывали со всех сторон, и все они чего-то ждали. Казалось, весь космос сконцентрировался и сжался в этом месте и в это конкретное время в предвкушении того, что должно свершиться.

Лили оказалась в самом центре бесчисленного количества существ. Зазвучала музыка, и мелодия мягким покрывалом накрыла всех собравшихся. Воздух наполнился ароматом сандалового дерева, мирры, изысканных и тонких благовоний, запахом спелых и сочных фруктов, цветов гиацинта, сирени, лаванды, привкусами гвоздики, корицы, куркумы и имбиря. Казалось, божественной мелодии подпевают даже далекие звезды, бросающие свой свет на нашу Землю. Все мироздание застыло в ожидании.

Вскоре после того как все собрались, в стене Рая растворилась дверь, и из проема вырвались лучи ослепительного света. В этот момент все присутствующие пали ниц или низко склонили голову, и Лили показалось, что перед воротами Рая они с Евой остались вдвоем.

Ева незаметно толкнула девушку локтем, чтобы привлечь ее внимание:

– Смотри.

Однако пока Лили видела только приближающийся свет – вихрь приглушенных оттенков красного, как в сердолике, и ярко-зеленого, как в изумруде. Все это буйство обрамляли нити расплавленной яшмы. Цвета сталкивались и переливались, и из их центра появилась... человеческая фигура.

– Кто этот человек? – шепотом спросила Лили.

– Это не просто человек. Это Вечный Человек! Это Господь! Адонай!

– Человек, который является Богом?

Но больше Ева не дала никаких объяснений.

Казалось, Вечный Человек, в одеждах из белого света, танцует. Его голову украшал скромный венок из цветов и трав. Лили всем существом потянулась к Нему, ей хотелось поведать Ему все свои секреты, слиться с Его величием и навсегда забыть о своем стыде. Перед ней стоял Бог, в которого она верила всей душой. Адонай поднял руки, и все лежащие перед ним ниц встали.

Потом произошло нечто, бесконечно удивившее Лили. Вечный Человек сел и, как ребенок в песочнице, стал сгребать в кучку красно-коричневую землю у своих ног. Он играл, и в каждом Его движении была радость. Он сидел на земле и собирал в кучку пыль между своих ног. Порыв легкого ветерка играл с Его волосами и помогал Ему собирать Его сокровище. Девушка вытянула шею, чтобы лучше видеть Адоная. Руки Бога и ветер аккуратно сбивали в кучку драгоценную пыль.

Потом Лили услышала смех. Это был смех Вечного Человека и Ветра. Это был чистый и искренний смех, похожий на смех ребенка. На глазах Вечного Человека появились слезы радости, которые падали и орошали собранную Его сильными руками между Его ног горку песка.

Потом Вечный Человек начал петь. Мелодия Его песни была совершенно иной, чем та, что Лили слышала ранее. Мелодия накатилась на нее волной, и девушка ощутила огромную радость, какой еще никогда не испытывала. Кроме этого, впервые на своей памяти она почувствовала, что в мире была и есть надежда. Хотя она не смогла бы сказать, на что именно надеется. Ее сердце забилось быстрее.

Из земли под горкой пыли, собранной Вечным Человеком, начал медленно бить источник. Адонай пел этой горке пыли и потом со светлыми слезами радости на глазах засунул руки внутрь. После этого Он издал радостный крик, от которого Лили вскочила на ноги. Ребенок вот-вот должен был появиться на свет. Раздался пронзительный детский плач, и Адонай высоко поднял над головой младенца.

– Это сын, это сын!

Все и вся ликovalo. Лили была в восторге.

– Мать Ева! – звала она, стараясь перекрыть рев толпы. – Ты видела?

Но Евы нигде не было. Впрочем, внутренний голос подсказал Лили, что Ева прекрасно видела все, что произошло. Ева сдержала обещание, и Лили была бесконечно рада тому, что стала свидетелем этого рождения.

Надежда померкла в душе девушки, и она закричала:

– Ребенок! Ребенок не дышит!

Хрустально чистый голос Вечного Человека заглушил какофонию радостных криков:

– Вот венец Моего творения, радость Моего сердца! Смотрите и дивитесь, это Мой любимый сын, и нареку Я их Адамом!

– Их? – удивилась девушка.

Ребенок не двигался.

Надежда померкла в душе девушки, и она закричала:

– Ребенок! Ребенок не дышит!

– У нее приступ! – раздался откуда-то издалека голос Джона. – Сделайте что-нибудь! Быстрее!

Лили трясло, ее мышцы непроизвольно сокращались и расслаблялись. Сквозь закрытые веки она почувствовала, что ее окружает теплый и жидкий свет. Она ощутила себя в полной невесомости, и спазмы, сотрясавшие до этого все ее тело, прошли.

– Выключите аппарат! – послышался повелительный женский голос.

«Но ведь ребенок не дышит!» – хотела закричать Лили и тут ощутила ослепительную вспышку света. Девушка открыла глаза и уставилась в синее и ровное, как блин, небо. Она снова оказалась в комнате, в которой лежала без движения, как мертворожденный ребенок.

Глава 4

Секреты

Она переживала о судьбе младенца. Как язык, еще не привыкший к исчезновению зуба, постоянно возвращается к месту, где зияет пустота, ее мысли возвращались к тому, что она видела. Однако прошло две ночи и два дня, и у нее не было ни одного сна или видения, имевших отношение к тому, чему она была Свидетелем. Лили чувствовала себя так, словно находится в густой темной жидкости, где, на удивление, она способна дышать. Все, что она видела, или все, что ей грезилось, объяснялось воздействием медикаментов, введенных в ее организм. В мозгу всплывали отдельные несвязанные картинки – что-то из того, что она помнила по детской воскресной церковной школе, или что-то из ее личного, весьма туманного прошлого. Все, что она видела вместе с Евой, казалось ей сейчас, по прошествии нескольких дней, очень странным и практически необъяснимым. Но с другой стороны... ребенок и его рождение были очень-очень реальными.

Лили чувствовала, что к ней постепенно возвращаются силы. Так как девушка не могла двигать головой, она была в состоянии смотреть только вверх. Потолок и стены комнаты, в которой она находилась, напоминали своды пещеры оттенка слоновой кости и перламутра. Периферийным зрением она замечала по краям размытую окантовку ярко-синего цвета, как у барвинка. Все это было очень похоже на небо, которое, правда, несколько не менялось с течением времени. Может быть, потолок был даже сделан из мрамора, потому что на нем виднелись прожилки, преломлявшие световые лучи и создававшие успокаивающий душу и глаз рисунок.

Она лежала и смотрела на потолок, надеясь увидеть там жука, муху или любое иное доказательство того, что в этом мире есть другие живые существа, кроме Джона и Летти. От Джона не исходило ощущения опасности, но почему-то ей казалось, что в его присутствии, на всякий случай, следует быть начеку.

Джон практически постоянно находился в комнате. Она слышала, как он говорит о ней, и в его голосе чувствовалась искренняя забота. У него была весьма обыденная внешность, его нельзя было назвать ни красивым, ни безобразным. Когда он улыбался или смеялся, его лицо светлело и преображалось. Каждый раз, увидев Джона склоненным над изголовьем ее

кровати, она внимательно изучала его лицо, выискивая что-то подозрительное, что-то такое, что он пытался от нее утаить. Ему не стоило доверять на сто процентов. Его кожа была загорелой, борода – аккуратно подстриженной, а волосы с сединой, словно крупномолотый перец посыпали солью. У него было лицо человека, родившегося на Ближнем Востоке. Джон казался ей старым. Не просто очень старым... а еще старше старого. Однако, несмотря на недоверие, в целом он ей нравился.

Кем была она сама и что пережила, пока оставалось загадкой для них обоих. Лили подсознательно чувствовала и была уверена только в одном: все мужчины – существа опасные и непредсказуемые.

Несмотря на то что Джон много говорил, он не раскрывал ей какой-либо важной информации. Возможно, он просто волновался о состоянии ее здоровья и не хотел повторения припадка, произошедшего с ней. Он, словно в танце, деликатно обходил стороной сложные темы, и складывалось ощущение, что, несмотря на всю расположенность к ней, он стремится сохранить некоторую дистанцию.

Состояние ее здоровья постепенно улучшалось. Сперва она моргала в ответ на его слова, потом стала отвечать хрипами и мычанием, а после уже тихим шепотом.

В один прекрасный день, увидев, как он входит в комнату, девушка хрипло произнесла:

– Я вспомнила. Меня зовут Лили, Лили Филдс.

– Ну, здравствуй, Лили Филдс, рад с тобой познакомиться! – воскликнул Джон. – Очень красивое имя. И подходит тебе гораздо больше, чем «Египет». При этом я совершенно не против Египта как такового.

– Египет?

– В контейнере, где я тебя нашел, были личные дела с фотографиями. На твоём деле было написано «Египет». Конечно, это кличка или кодовое слово, а не настоящее имя. По твоему внешнему виду я бы сказал, что ты выросла где-то на островах, а уж совсем не в пустыне. Но при этом замечу, что Хилеры, занимающиеся твоим лечением, утверждают, что у тебя есть гены и островитян, и людей, проживающих в пустыне.

– Даже и не знаю, что сказать. Спасибо за богатую генетику.

– Интересно, – Джон подошел к ней ближе, – а как именно ты вспомнила свое имя? И при каких обстоятельствах?

– Оно пришло ко мне во сне. Или галлюцинации.

– Ааа, опять сны. Это хорошо. Хочешь подробнее рассказать о своих снах? У меня такое ощущение, что тебе часто снятся сны.

Лили задумалась:

– Нет, пока не хочу. Я никак не могу разобраться в своих снах.

Она не могла объяснить ему то, чего сама не понимала, и почувствовала, что не хочет продолжать разговор. Девушка не знала, что и думать о неизвестной ей удивительной чернокожей женщине по имени Ева, называвшей себя ее матерью. Она не знала, что думать о Начале Всех Начал и рождении ребенка, чему была свидетелем. Иногда ей казалось, что она просто сходит с ума.

Ночью, когда все кругом спали и свет был потушен, Лили ощутила, что выходит из своего тела и поднимается над ним. Она смотрела в окно на мерцающие звезды. Казалось, звезды танцуют. Их движение напомнило о том, что она видела с Евой, – сперва полный, непроницаемый взгляду туман, а потом феерия света.

Лили пребывала в полудреме, и как только сон подступал ближе, слышала плач младенца и снова возвращалась к реальности.

Потом ей стало казаться, что в ночи раздаются звуки голосов. Так она лежала в кровати, сама не зная, спит или бодрствует.

– Приди и увидь, – услышала она женский голос и почувствовала, как кто-то сжал ее ладони.

– Ева, это ты? – прошептала Лили.

Женщина рассмеялась и обняла девушку.

– Ты жива, – прошептала Ева, – а я Мать Всех живых. Ты должна стать Свидетелем и увидеть рождение ребенка, о котором так часто думаешь.

Тут Лили почувствовала, что словно проходит сквозь плотную, черную занавесь со складками, разделяющую два мира и два временных измерения, портал между Прибежищем и Началом Всех Начал. Как только она оказалась по другую сторону портала, Ева отпустила ее руку. Они стояли рядом, а у них за спиной находилось то, что можно было принять за водопад из воды и света.

– Ребенок? – спросила Лили и сделала шаг к тому месту на земле, из которого Адонай вынул младенца.

Ева положила девушке руку на плечо и остановила. В этот момент Вечный Человек, сидевший над собранной кучкой земли и пыли, поднял лицо и широко улыбнулся. Он вознес окутанного светом младенца и прижал к Своей груди. Он посмотрел прямо в глаза Лили, и она почувствовала себя на удивление умиротворенно и спокойно. Казалось, один взгляд Вечного Человека исцелил все ее душевные раны и больше нет ни горечи, ни разочарования, ни стыда. Взгляд Адоная обещал, что в мире есть надежда. Лили отвела глаза, словно пытаясь избавиться от наваждения.

Из стены за спиной Вечного Человека появились Огонь и Энергия, которые вместе с ним склонились над младенцем и поцеловали его. Это был не просто поцелуй, не просто соприкосновение губ. Вечный Человек, Огонь и Энергия вдохнули в младенца жизнь, и у новорожденного появилась живая душа.

Тишину прорезал громкий детский плач, и Лили с облегчением вздохнула.

– Адам родился, – прошептала Ева девушке, положив руку на ее плечо.

Бесчисленные духи, существа, животные, рыбы и насекомые – вся Вселенная издала радостный крик, и духи-гонцы понесли благую весть во все ее концы.

– Гонцам известны порталы, соединяющие миры, – объяснила Ева. – Они отправились во все уголки Вселенной, чтобы принести радостную весть о нашем Отце.

С двух противоположных сторон и из темноты за спиной Адоная появились огромные силуэты трех существ.

– Кто это? – поинтересовалась Лили.

– Это херувимы, – ответила Ева тоном, в котором слышалось большое уважение.

Каждый из трех силуэтов был гигантским, но по мере приближения к Вечному Человеку они постепенно уменьшались, пока не стали обычного человеческого роста. Несмотря на это, в их присутствии девушке казалось, что сама она стала гораздо меньше. Ноги херувимов не касались земли, а за их спинами угадывались огромные, мощные невидимые крылья.

Двое херувимов, подошедших к Адонаю с противоположных сторон, почтительно склонили головы. Третий помедлил, но потом тоже поклонился. У него на голове сияла корона, украшенная двенадцатью большими драгоценными камнями. Вечный Человек обратился к херувиму в блистательной короне:

– Смотри, Миропомазанный херувим. В Моих руках младенец, венец Моего творения. Этот младенец будет управлять всем, что Я сотворил, – видимым и невидимым.

У Лили было так много вопросов, но, сама не зная почему, она застыла в благоговении перед младенцем.

Голос ангела был полон теплоты, но прозвучал спокойно и сдержанно:

– Адонай, вижу, Ты собрал у Своих ног кучку земли и пыли. Ты впустил Свое дыхание в эту кучку грязи, и что изменилось? Да, Ты создал младенца по Своему образу и подобию, но это слабое, хрупкое и беззащитное дитя... и его появление в мире ничего не меняет. Ты создал

мир таким, каким его видишь, Ты вечен, и природа Твоя нерушима. Зачем Тебе показывать Себя с этой бесконечно слабой стороны? Зачем Ты вдохнул жизнь и дал надежду такому слабому существу?

Лили нахмурилась.

– Все младенцы слабые и беспомощные, – пробормотала она сквозь зубы.

– И такими мы остаемся всю свою жизнь, – добавила Ева.

Лили подняла на нее взгляд, но Ева не стала развивать свою мысль.

– Ты удивлен? – спросил херувима Адонай, глядя на него взором, полным материнской любви, отеческой доброты и божественной праведности. – Удивлять – это в моей природе. Так что же, мой любимый Миропомазанный херувим, окажешь ли ты честь?

С этими словами Адонай приподнял ребенка, показывая его ангелу, и Лили увидела, что младенец все еще соединен с землей пуповиной.

На лице херувима появилось выражение непонимания.

– Мачиара? – спросил он.

Вечный Человек кивнул.

Пальцы Евы на плече Лили сжались крепче. Херувим не стал брать младенца на руки, а из складок своей сотканной из лучей солнечного света одежды достал небольшой, острый как бритва нож. Лили невольно открыла в испуге рот. Одно легкое движение этим ножом, и горло младенца будет перерезано, что, без сомнения, докажет слабость и беззащитность новорожденного.

Но ангел аккуратно перерезал ножом пуповину младенца, которого Адонай с любовью снова прижал к Своей груди. Новорожденный спокойно и сладко спал в крепких руках Господа.

– Спасибо!

– Ты оказал мне большую честь, – произнес ангел, с изумлением рассматривая лезвие ножа с каплями крови и кусочками грязи. – И это действительно венец Твоего творения?

Ангел вытер лезвие о ткань одежды Адоная и спрятал его в ножны.

– О, Лучезарный, – ответил Адонай, покачивая на руках младенца. На его до этого ослепительно белых одеждах появилось пятно крови и земли. – Существуют тайны, непостижимые даже тебе. Этот младенец – плоть от плоти Моей, и любовь Моя к нему будет вечной. Никто никогда не скажет, что Их появление в мире ничего не меняет.

На глаза Лили навернулись слезы.

– Но почему же Он называет ребенка во множественном числе «они»? – вытирая тыльной стороной ладони слезы со щек, спросила она

Еву.

– Смотри, – ответила Ева. – Придет время, и ты все поймешь.

– Вот что Я тебе скажу, ангел, – произнес Адонай, – будь кротким и смиренным, склони голову и помни свое место. Да пусть твой путь будет путем любви и служения.

– Я склоню голову, – ответил херувим неуверенно, – перед Тобой.

– Не только передо Мной, – потребовал Человек-Бог, – но и перед этим младенцем. Они – цари, и у них есть свое царство. Ради них ты служишь и не должен забывать о своем месте. Ты должен служить им всей душой.

– С радостью я склоняю голову и буду служить человеку, как служу Тебе! – заявил херувим.

В вихре света он поклонился, дотронулся до младенца обеими руками и поцеловал Вечного Человека в щеку.

– И это хорошо! – произнес Господь. – Смотрите на дитя! Благословенно будет чрево создания. Пусть все славят и празднуют появление новорожденного на свет. Это венец Моего творения. Закончился шестой день трудов Моих, и теперь Я буду отдыхать.

Лили проснулась на кровати в Прибежище. Ее щеки были мокрыми от слез, утереть которые она не могла.

Неужели она была свидетелем рождения Адама? И как вообще такое возможно? Лили увидела ребенка, и ей захотелось, чтобы рядом был кто-то, любящий ее безусловно. Впрочем, такие чувства лучше было гнать из головы подальше. Но Адонай? Почему, как только она увидела Его, у нее возник непреодолимый порыв подбежать к Нему? И не просто к Нему, а в Него, сделать так, чтобы Он ее увидел и узнал. Так кто же этот Адонай? Человек или Бог?

Эти мысли стремительным водоворотом затягивали ее в сумрачные глубины отчаяния. Она сосредоточила свое внимание на том, чтобы просто дышать: вдыхать и выдыхать.

К девушке подошел Джон и чем-то мягким, как ангорская шерсть, вытер ей слезы с лица.

– Потом, когда ты окрепнешь, – сказал он, – я отведу тебя в хранилище, где лежат вещи из контейнера, в котором ты приплыла. Может быть, это тебе поможет.

– Какие вещи? – с трудом выдавила она из себя.

– Просто разные вещи. Приплывшие вместе с тобой из того времени и места. Кстати, среди них нет ни одной книги. В том мире, где ты выросла, никто не читает?

– Что-то не припоминаю, чтобы я читала так, что не оторваться, – сказала она, после чего Джон дал ей выпить что-то теплое, чтобы у нее не так сильно болело горло.

– А жаль, – заметил он. – Хорошая книга, как хорошая песня или искренняя любовь, способна изменить космос. Понятное дело, что для подготовленного человека.

– А почему я ничего не помню?

Над ней появилось лицо Джона.

– Случается, что после травмы или трагедии у человека бывает амнезия, но через какое-то время память возвращается. После того как совет принял решение держать тебя в Прибежище, с твоим лечением возникла масса проблем и сложностей. У тебя часто случались припадки, грозящие свести на нет все наши усилия, поэтому тебе стали давать специальные препараты, блокирующие память.

– Что?!

– Это препараты с временным действием, ничего постоянного. Последние несколько дней мы уже уменьшаем их дозу. Хочу предупредить, возможны флешбэки – возвращение тех или иных воспоминаний, которые могут показаться тебе чем-то уже знакомым. Не стоит волноваться, ты не сходишь с ума.

– Ура! – не без иронии тихо сказала она.

Джон продолжал говорить о детских книжках и о том, как они создают основу образования, на которой строится вся цивилизация. Как только он упомянул детские книжки, перед ее внутренним взором появилась целая вереница картинок, и ее мозг неожиданно заработал с удивительной скоростью.

Она танцевала до тех пор, пока вокруг не стали появляться зловещие тени, после чего в страхе убежала.

Она была маленькой девочкой. Женщина читала ей сказку о принце, змее, лисе и розе, а она в рваном платье делала пируэты посреди комнаты под звуки мелодии, раздававшейся в ее голове. Она танцевала до тех пор, пока вокруг не стали появляться зловещие тени, после чего в страхе убежала.

Воспоминания были ужасными. Испуганная девочка пряталась в темном шкафу. Сидя в нем, она сквозь щель видела лежащую на полу женщину и стоящего над ней мужчину. Потом шаги приблизились к шкафу. Она закрыла глаза, чтобы спрятаться там, где ее точно никто не найдет, а

именно внутри своей головы. Ручка медленно повернулась.

И снова ее глаза наполнились слезами.

– Иногда я слишком много говорю, – пробормотал Джон и снова принялся вытирать ей лицо.

– Не страшно, – ответила она.

Ей не хотелось, чтобы он воспринимал ее слишком слабой и ранимой, слабее, чем она есть на самом деле.

– Лили, – сказал Джон, – хотел сообщить тебе хорошие новости. Твое лечение проходит успешно, и мы постепенно снижаем дозы медицинских препаратов. Скоро ты вообще перестанешь их принимать.

– И что произойдет после этого? – спросила она.

– Скоро мы начнем физиотерапию. Сначала ты будешь садиться в кровати. А со временем снова будешь ходить, танцевать, петь и делать все то, что делают все дети.

Джон упомянул танцы, и по лицу Лили пробежала тень. Впрочем, откуда он мог знать, что она только что вспоминала?

– Тебе придется много работать, – продолжал Джон, – но я уверен, ты со всем прекрасно справишься. Как сама считаешь?

– Я готова, – ответила девушка и сделала такой глубокий выдох, словно задерживала дыхание в течение нескольких месяцев.

– Ну и прекрасно! И чтобы отметить это событие, у меня есть для тебя небольшой подарок.

– Подарок? – удивленно переспросила она и неожиданно почувствовала тревогу. Интересно, почему при мысли о подарке ей стало неприятно?

– Ты упомянула о том, что в детстве мало читала, но я считаю, что у каждого человека есть своя история, и поэтому каждый из нас – рассказчик. Просто многие боятся, что ничего не получится, поэтому не стремятся рассказать свою историю. Но я уверен, что ты, Лили, девушка смелая.

Джон замолчал и показал ей что-то завернутое в подарочную бумагу в цветочек и перевязанное голубой ленточкой.

– Джон, ты же знаешь, что я не могу двигаться.

– Знаю. Но этот подарок я упаковал сам, поэтому в состоянии снять с него обертку.

– Тогда снимай, не томи.

Он аккуратно снял бумагу и показал ей красивый ежедневник в кожаном переплете с выдавленными узорами в виде кругов. Ежедневник закрывался массивной пряжкой. Джон объяснил, что Лили может записывать здесь свои мысли. Он также сказал, что этот дневник может

открыть только она сама и что для этого надо приложить большой палец к пряжке. Внутри кожаной обложки на задней стороне дневника была вставлена пластина наподобие планшета.

– А вот это, – указал Джон, – устройство, записывающее твои воспоминания и чувства. Эта вещь работает сама по себе, ее нет смысла трогать.

Лили была рада подарку и признательна Джону. Наверное, это был лучший подарок в ее жизни.

– Спасибо, Джон, – поблагодарила она.

– Пожалуйста. Я надеюсь, что эта вещь тебе поможет. Я и сам иногда пишу. Можно сказать, что, когда пишешь, ты лечишь сам себя.

– Может, ты и прав, – ответила она. – Скажи, Джон, а у тебя в библиотеке нет сказки о принце, змее, лисе и розе?

Он задумался.

– Я, кажется, знаю, какую сказку ты имеешь в виду, – воскликнул он. – Я найду эту книжку. Хочешь, чтобы я ее тебе прочитал?

– Да, хочу. Любой человек может взять книжку и прочитать ребенку. Это, кажется, доктор Сьюз говорил.

Коллекционер рассмеялся:

– Ничего себе! Доктор Сьюз, говоришь? Интересно, а сколько тебе лет?

Лили почувствовала, что краснеет, и с вызовом в голосе ответила:

– Пять!

Джон замолчал. Потом его лицо появилось прямо над ней.

– Прости, я не хотел тебя расстроить, – тихо сказал он. – Я не знаю, что именно в моих словах показалось тебе неприятным. Но если я действительно сделал тебе больно, то прошу у тебя прощения.

Она и сама не знала, что именно в его словах ее так сильно задело.

– Все в порядке, – сказала она примирительным тоном. Она старалась дышать глубже, чтобы побороть охватившие ее чувства. – Прости меня за то, что я так неожиданно и без причины на тебя разозлилась.

– Значит, ты меня прощаешь? – спросил он.

Его голос был таким добрым, что она уже не смогла сдержать чувств, и слезы потекли ручьем, как из прорвавшейся плотины. Она не просто плакала, а рыдала навзрыд. Она оплакивала потери, которых даже не помнила, оплакивала боль, причина которой оставалась ей неизвестной. Она не помнила ни событий, ни лиц, но ей почему-то было бесконечно больно. Она плакала от того, что ей было страшно, она вновь почувствовала себя маленькой потерявшейся девочкой, не знающей, где ее

дом.

И добрый Джон плакал вместе с ней. Он склонял голову до тех пор, пока их лбы не соприкоснулись, и положил ладони ей на виски. Их слезы смешались. Их плач был своего рода крещением. Казалось, слезы навсегда связали их судьбы.

Глава 5

Райский сад

– Идем, Лили, – прошептала женщина.

Девушка встала, и в тот же момент ее тело начало ярко светиться. От этого ощущения она чуть не потеряла сознание.

Лили глубоко вздохнула, свечение исчезло, и все вроде бы пришло в норму.

– Мать Ева, – спросила девушка, – где мы сейчас?

Вокруг них был лес, в глазах рябило от ярких и сочных цветов самых разнообразных растений, слышалось пение птиц, пахло ароматами трав.

– Мы внутри Райского сада, – ответила Ева. В ее присутствии девушка чувствовала себя спокойно и уверенно. – Рождение Адама, которое ты наблюдала, произошло за пределами Райского сада.

Этот сад показался ей во всех смыслах райским, однако не проходило странное ощущение, что она здесь уже когда-то была. В саду было тепло, влажно и очень приятно.

«Видимо, именно это мы все и должны чувствовать, – промелькнула у нее мысль. Но тут же ей вслед появилась другая: – Нет, мы все должны жить совсем не так, а по-другому. И вообще, ты находишься там, где не должна находиться. Ты совсем из других мест».

– Лили, хочешь еще кое-что увидеть?

Девушка кивнула, и Ева взяла ее за руку. Они поднялись в воздух. При этом Лили казалось, что ее ноги прочно стоят на земле, хотя сама земля быстро удалялась. Земля уходила из-под ног, и от этого у Лили закружилась голова. Она поняла, что лучше смотреть не вниз, а вверх и верить, что то незримое, на чем она стоит, никуда не денется. На всякий случай она несколько раз топнула ногой, чтобы проверить прочность того, на чем стояла. Было такое ощущение, что под ногами что-то непробиваемо твердое. Ева искоса посмотрела на нее и ухмыльнулась.

Они медленно поднялись чуть выше крон деревьев и повисли в воздухе без движения.

– Вот это Райский сад, – объяснила Ева. – Место, созданное для всех нас.

– Вот это да! – воскликнула девушка. – Сад, оказывается, огромный!

Кроны деревьев расстилались, насколько мог охватить глаз. На

горизонте виднелись стены, вздымающиеся до небес. Казалось, они были сделаны из фонтанов переливающейся всеми красками радуги воды. Одна из неприступных стен оказалась достаточно близко, и Лили удалось хорошо ее рассмотреть. Это были границы Райского сада. Воздух внутри был теплым и благоухающим.

– Помнится, ты говорила, что Райский сад имеет форму куба. Сад, конечно, очень большой, но все равно у меня такое чувство, что все люди здесь не поместятся.

– Границы Райского сада могут раздвигаться и сжиматься. У этого места свои законы, и здесь с пространством могут происходить вещи, которые тебе, возможно, будет трудно понять. Этот сад создан для того, чтобы в нем жило все живое. Но это произойдет не сейчас и не сразу.

– В твоем голосе слышится грусть, – заметила Лили.

Ева улыбнулась:

– Это совсем не грусть, дочь моя. Я просто вспоминаю. Здесь, в этом месте, все правильно. Здесь все по справедливости.

– По справедливости?

– Здесь справедливые отношения. Здесь верят друг другу. Здесь все встречают лицом к лицу.

– А это вообще возможно? – Лили не задумываясь выпалила этот вопрос и смутилась. – Я серьезно. Такое вообще бывает?

Ева сильнее сжала ее ладонь:

– Да. Не надо смущаться и стыдиться, что задала этот вопрос. Все мы в душе чувствуем, что потеряли что-то очень важное и ценное. И это говорит о том, что есть надежда и что еще не все потеряно. Это говорит о том, что мы можем вернуться.

– Куда вернуться?

– В этот сад.

– Но ведь Господь тебя-то не выгнал из Рая?

Ева глубоко вздохнула и, казалось, собиралась ответить, но тут ее внимание что-то привлекло, и она улыбнулась:

– Прислушайся.

Откуда-то издалека раздавалось радостное, но слегка фальшивое пение. Звуки приближались к ним. Эту песню пел мальчик, идущий по лесу.

– Это...

– Да! Это Адам. Смотри!

Но Лили посмотрела не на Адама, а на Еву и увидела лицо молодой и влюбленной женщины.

Открыв глаза, она увидела склонившееся лицо Джона.

– Зачем ты меня разбудил? – огрызнулась она.

Лили была очень недовольна тем, что ее сон прервали.

– Нет, я тебя не будил, – ответил он.

– А, ну тогда доброе утро.

Над ее головой возвышался мраморный потолок.

– Сейчас уже совсем не утро. Дело идет к концу дня.

– Правда? – Она повернула голову, чтобы посмотреть в окно.

– Ого! Ты поворачиваешь шею! – воскликнул Джон. – Потрясающий прогресс! Видимо, эмоциональная активность благоприятно на тебя подействовала. Меня предупреждали о том, что, когда ты начнешь двигать шеей, настанет переломный момент.

Она еще раз повернула голову. В мышцах шеи действительно произошли какие-то важные изменения.

– Осторожнее! – предупредил он. – Не перенапрягайся и не крути головой слишком сильно. Пора снимать путы, не позволявшие тебе двигаться.

– Что еще за путы?

– Что-то типа гипса, который накладывают после перелома. Дело в том, что, когда я тебя нашел, практически все кости в твоём теле были сломаны. Чтобы Хилеры могли тебя лечить, мы попросили Мастеровых соорудить специальный аппарат, который бы зафиксировал твои кости в неподвижном положении.

– А что именно со мной произошло?

– У тебя были многочисленные переломы шейных и спинных позвонков. Я нашел тебя практически в замороженном состоянии. Холод, судя по всему, помог тебе тогда выжить.

Девушка обратила внимание на то, что Джон очень тщательно подбирает слова. Было ясно, что он не хочет ее пугать, особенно в ситуации, когда она пережила столько нового за последние часы.

– У меня есть пара вопросов, – сказала она. – Сколько я здесь уже нахожусь? Я имею в виду в этой комнате?

Джон задумался:

– Где-то около года.

– Около года?! Я здесь уже около года?!

– Ну, да, почти.

– А откуда я?

– Мы точно не знаем, откуда именно, но с Земли.

– С Земли? А здесь что, не Земля?

Джон отрицательно покачал головой.

– А где же тогда находится... этот остров?

– Остров находится в океане, название которого ты, скорее всего, никогда не слышала. Остров расположен на изгибе миров и измерений. На самом деле мест, подобных нашему острову, достаточно много.

– Джон, это же полное сумасшествие.

– Я прекрасно понимаю твои чувства.

– А кто-нибудь меня искал? Кто-нибудь... интересовался фактом моего исчезновения?

– Насколько я знаю, никто, – ответил Джон, глядя в сторону.

В душе Лили появился страх.

– Целый год? Правда? А я смогу вернуться... домой?

Джон откашлялся и поерзал на стуле.

– Лили, я понимаю, что все это не укладывается у тебя в голове, – произнес он. – Пожалуйста, пойми, я тебе очень сочувствую.

– Джон, объясни мне, почему я здесь? Я же вообще никто.

Она закрыла глаза. В горле першило, в голове был полный бардак, и она не могла собраться с мыслями. Лили не помнила ничего о собственном прошлом и не знала, кто она. Иногда к ней приходили обрывки воспоминаний. Еще были сны или видения, но она не хотела рассказывать о них Джону: ей казалось, что он сочтет ее сумасшедшей. А она не хотела, чтобы он считал ее сумасшедшей, потому что его мнение и участие были ей очень важны.

– Лили, не надо так говорить, – сказал он. – Не стоит считать, что ты никто. Ты узнаешь свое предназначение, всему свое время. Мне кажется, ты устала. Давай поговорим об этом в другой раз?

– Нет, давай не будем откладывать этот разговор! Не уходи! – произнесла она, не открывая глаз.

Джон не тронулся с места и оставался стоять около ее кровати.

– Скажи, как лечили меня Хилеры? Что именно со мной делали? – спросила она с раздражением в голосе.

– Они соединили твой позвоночник с головным мозгом... И вообще все, что было разорвано. А потом присоединили то, что надо было присоединить.

– И что конкретно надо было присоединить?

Джон вздохнул и рассказал Лили о том, что одна из ее ног раньше принадлежала другому человеку. Джон быстро добавил, что другой девушке, и это, по его мнению, было «хорошими новостями». Последний

комментарий показался Лили абсолютно гротескным.

Джон объяснил ей, что, когда Лили нашли в контейнере, одна из ее ног была сломана и раздавлена так сильно, что держалась только на коже.

Лили поинтересовалась, откуда взяли эту ногу. Джон сообщил, что в контейнере было еще несколько замерзших трупов девушек.

– Что?! – в ужасе переспросила Лили, почувствовав, как к горлу подкатывается тошнота.

Джон стал говорить быстрее, словно скорость передачи информации могла заглушить шок, который испытывала Лили.

– Хилеры пришли к выводу, что трансплантация ноги – это гораздо лучше, чем искусственный протез. Они предложили использовать более-менее подходящую ногу одной из погибших девушек, находившихся с тобой в одном контейнере.

Лили было так плохо, что она решила больше не вдаваться в детали.

– Джон, как ты думаешь, что произошло со мной и теми, кто был в контейнере?

– Об этом можно только догадываться. – Джон надолго замолчал, а потом продолжил: – Произошло что-то ужасное. Думаю, никто из вас не заслужил такого.

Лили почувствовала, что вот-вот потеряет сознание, и решила изменить тему разговора.

– А когда именно мне пришили новую ногу? Я не помню никаких Хилеров. В этой комнате были только ты и Летти.

– Ты спала или была без сознания, и все это время тобой занимались Хилеры. – Лили молчала, и Джон продолжил: – Эту комнату построили специально для тебя. Каждую ночь ее герметически закрывают, а потом наполняют жидкостью, в которой можно дышать. Дело в том, что тебя постоянно надо переворачивать, и сделать это так, чтобы не причинить вреда, можно только в условиях невесомости, а именно под водой. Утром тебя клали в кровать, и жидкость из комнаты откачивали. Ты лежишь и не видишь, что вокруг множество лестниц, по ним взбирались Хилеры, чтобы с тобой работать.

Лили продолжала молчать. Казалось, она снова впала в кому, чтобы ничего не видеть, не думать и не чувствовать. Джон подошел ближе, чтобы лучше видеть ее лицо.

– Лили, у тебя еще есть вопросы? – спросил он.

– Больше нет, – ответила она и тут же добавила: – Нет, постой. Еще один вопрос. Почему все это произошло именно со мной?

Он улыбнулся:

– А почему бы и не с тобой?

Несмотря на то что Джон, очевидно, хотел разрядить ситуацию и предлагал ей взглянуть на ситуацию с другой стороны, девушка не была удовлетворена его ответом.

– Я не имею в виду во вселенском смысле. Я говорю о тебе. Почему ты ради меня решил устроить себе всю эту головную боль? Ты же меня даже не знаешь. Почему ты ради меня так старался?

Он задумался:

– Я уверен, что ты появилась в моей жизни не случайно. Наши жизненные пути пересеклись потому, что Бог меня любит.

– Потому что Бог тебя любит?

Он ухмыльнулся:

– Да, Лили, именно потому, что Бог меня любит. Как и почему мы с тобой оказались связаны, для меня остается загадкой. Но ты, Лили, человек не простой. Ты – дочь Евы.

«Дочь Евы? Интересно, откуда Джон мог знать о моих видениях?» – мысленно удивилась она.

– Ты имеешь в виду Еву, жену Адама? Но ведь это всего лишь библейская история. Сказка, другими словами.

– Вот как, – протянул Джон. – Чем дальше, тем интереснее. – Он покачал головой: – Лили, сказки и мифы появляются не на пустом месте. Нет дыма без огня. Ты можешь считать их вымыслом, но это совершенно не исключает того, что они могут оказаться правдивыми, понимаешь?

Лили захотелось признаться Джону и рассказать о своих видениях, но она решила не торопить события.

– Значит, ты считаешь, что Рай – это не сказка, а реальность? Мне всегда истории о Рае напоминали сказку про Деда Мороза.

– А я считаю, что Рай – это не сказка, а быль или реальность, – ответил Джон. – Лили, хочешь я прочитаю тебе эту историю из Библии? Она достаточно короткая и не утомит тебя.

– Хорошо, давай, – ответила она, стараясь не показывать, как на самом деле эта история ей интересна.

Джон исчез и вскоре появился с книгой в потрепанном кожаном переплете.

– Приношу свои извинения. Это не оригинал, так сказать, не самая первая Библия, однако этот манускрипт на том языке, на котором она изначально была написана. Я переведу тебе, насколько это в моих силах. Хотя было бы лучше, чтобы этот отрывок тебе зачитал кто-нибудь из Ученых. Подождем или ты все-таки хочешь, чтобы это сделал я?

– Я бы предпочла, чтобы ты сам мне его прочитал, – ответила она.

Джон пододвинул стул поближе к кровати, открыл книгу с конца и начал читать, водя взглядом по строчкам справа налево.

– Элохим создал... – Джон оторвал взгляд от страницы и посмотрел на Лили: – А ты знаешь, что в оригинальном тексте Господь Элохим употребляется во множественном числе, а Руах, Святой дух, или дыхание, женского рода?

Лили только подняла брови и пожала плечами.

– Ну, ладно, пожалуй, я просто прочитаю текст, – сказал Джон и продолжил чтение: – Вначале Господь Элохим создал небо и землю...

Джон зачитал девушке отрывок о сотворении мира.

– И это было хорошо, и потом Господь отдыхал? – спросила Лили.

Слова из Библии вызвали в ее воображении ряд ярких и убедительных картинок, словно она сама присутствовала при том, о чем было написано в этой книге.

– Да, – ответил Джон, – все правильно. Именно так оно и было. И все было хорошо, даже очень хорошо.

Он замолчал, и у Лили сложилось впечатление, что он собирался еще что-то сказать, но передумал.

Джон поднялся со стула и откашлялся:

– Ну, ладно. Мне кажется, на сегодня довольно. Не хочу тебя переутомлять. Будет желание, прочитаю в другой раз, а сейчас тебе надо отдыхать. Сегодня был хороший, продуктивный день. А теперь спи спокойно, и хороших тебе снов.

Он нажал несколько кнопок, и свет в комнате стал приглушенным. Глаза у Лили закрылись.

Засыпая, девушка почувствовала, как кто-то взял ее за руку, она приподнялась над землей и полетела.

– С тех пор как ты видела его в последний раз, Адам сильно вырос, – объяснила Ева.

Лили казалось, что никакой паузы в общении не было. Открыв глаза, девушка увидела, что находится рядом с ней. Неподалеку раздавалось пение.

Из леса вышел молодой человек. Он был худой, высокий, с густыми, спутанными черными волосами, измазанными глиной, с кожей цвета слоновой кости. Он пел во все горло и шел по лесу, подпрыгивая и пританцовывая. На нем были одежды из солнечного света.

Увидев наготу Адама, Лили смутилась и отвела глаза.

– Очень милый молодой человек, – сказала она. – А почему он... голый?

– Голый?! – искренне удивилась Ева. – Он родился голым. Ему не надо прикрывать свою наготу – ее прикрывает любовь Господа. Человеку не надо стыдиться своей слабости и немощности.

– Я бы не сказала, что он выглядит слабым и немощным.

– Я имею в виду не физическую слабость. Я говорю о том, что он полностью зависит от Элохима.

– Хорошо, вот это уже понятней, – ответила Лили. – Но я не понимаю ни одного слова из его песни.

– Тем не менее, ты услышишь, увидишь и поймешь все, чему станешь Свидетелем.

– Интересно, а он нас с тобой видит?

– Нет. Он не знает о том, что ты здесь. Не забывай, ты еще не родилась. Так почему он должен тебя видеть?

– А тебя он видит?

Этот вопрос Ева оставила без ответа.

Они парили над лугом, по которому шел Адам. Молодой человек напевал и пританцовывал, иногда останавливался, чтобы сказать что-то чему-то, чего Лили не видела. Впереди перед Адамом журчал ручеек. Адам подошел к нему и, как ребенок, бросился в воду. Неожиданно он замер и прислушался.

Послышалось чье-то пение. Точно так же, как и Адам, эту мелодию пели слегка фальшиво. Было видно, что он узнал голос поющего, поэтому быстро вылез из ручья и побежал в сторону, откуда раздавался голос.

– Сейчас они будут общаться, – объяснила Ева. – Я говорю о Господе и Адаме. Каждое утро они встречаются, говорят, смеются и веселятся. Так они отмечают начало нового дня.

Ева прислушалась. Казалось, она слышит разговор, который Лили не в состоянии услышать. Ева улыбнулась.

– Лили, мне кажется, тебе стоит к ним присоединиться. Адонай приглашает и ждет тебя.

– Адонай меня приглашает? – Лили не поверила своим ушам.

Девушка была рада приглашению, но очень стеснялась. Тут же в ее голове возникло множество причин, по которым не стоило этого делать.

– А я обязана принимать приглашение? – спросила она.

– Конечно, не обязана. Это ведь приглашение, а не приказ. – На лице Евы появилась улыбка, и Лили поняла, что к ее решению, каким бы оно ни было, отнесутся с пониманием.

– Не могу, – ответила она. – Я вообще не отсюда, а совершенно из других мест. Поэтому, наверное, не стоит их беспокоить.

Ева обняла ее:

– Хорошо. Но помни о том, что приглашение остается в силе. Присоединяйся к ним, когда почувствуешь себя готовой.

В голосе Евы не было ни капли осуждения. Несмотря на мимолетную грусть, Лили с облегчением вздохнула.

Они подлетели ближе к Адаму и Адонаю. Лили увидела, что вокруг Адама возник вихрь из огня, воды и ветра, и поняла, что так Адонай обнимает своего сына. Рядом с Адамом стоял Вечный Человек. На сотканных из солнечных лучей одеждах Адама были пятна крови и грязи, появившиеся при его рождении. Они казались вышивкой на его облачении.

Лили смотрела на них, и ей ужасно хотелось, чтобы Вечный Человек обнял ее так, как только что обнимал своего сына.

Адам и Господь присели, прислонившись спиной к стволу дерева на опушке леса. Вокруг них девушка видела две танцующие стихии Огня и Ветра. Ева и Лили спустились на землю приблизительно в десяти метрах от Адама и Господа. Адонай посмотрел на них, улыбнулся и приветливо кивнул. Лили почувствовала, что Господь приветствует ее, и очень обрадовалась.

– Он меня видит, – прошептала девушка Еве. – Ты представляешь, он меня видит!

– Он все видит, – ответила Ева. – И Он не просто тебя видит. Он тебя знает.

– Сын Мой, – говорил Господь Адаму, – ты радость Нашей радости, ты – яркие лучи Нашего величия и славы.

– А Ты – моя отрада! Я так Тебя люблю! – отвечал Адам с искренностью и радостью маленького ребенка. – Я исследовал местность, – продолжил он и начал рассказывать Вечному Человеку о том, каких существ видел утром.

Адам имитировал звуки, которые издавали эти существа, и рассказывал о том, как с ними общался. Он был молодым, но умным и сообразительным, он на лету ловил мысли и идеи, что приятно удивило Лили. Вечный Человек и Его сын общались, и девушка, как в теплых волнах, купалась в словах, которыми они обменивались.

Лили была полностью поглощена общением Адама с Вечным Человеком. Потом, взглянув на Еву, она с удивлением обнаружила улыбку на ее губах и слезы в глазах. Ева крепко обняла девушку и, не отрывая взгляда от двух мужчин, прошептала:

– Спасибо тебе, Лили.

– За что?

– Прежде я никогда не видела их такими. Не видела, насколько мальчик влюблен в Своего Творца. И этот бесценный подарок сделала мне ты, Лили.

– Я не понимаю, о чем...

– Тише. Давай послушаем. Это важно.

– Райский сад плодоносит и без моей помощи, – говорил Адам, – так почему же мое участие в процессе роста всего живого имеет такое большое значение?

– Твое участие имеет огромное значение, но оно действительно не обязательно, – с улыбкой отвечал Господь.

– Так почему же Ты говоришь о том, что я должен возделывать этот сад и охранять его? – удивлялся Адам. Он замолк, пытаясь найти нужные слова. – Скажи мне, за пределами этого сада есть что-то, чего я должен опасаться?

– Ты задаешь правильные вопросы, сын Мой. Ты не просто растешь, ты набираешься Мудрости, и она тебе пригодится, когда придет пора управлять всем живым. Не торопи события, пусть все идет своим чередом. Набирайся Мудрости. Возделывай свой сад. Это важно, но, в конечном счете, не обязательно. Возделывая сад, ты чтишь и преклоняешься перед Нами.

– Я люблю и обожаю Тебя! – воскликнул Адам и, как белка, быстро забрался на нижние ветви дерева, под которым они сидели.

– А Мы обожаем тебя! – Адонай тоже забрался на дерево, и они с сыном начали осматривать Райский сад.

Адам встал на ветке, расставив руки в стороны. Его звонкий смех напоминал журчание горного ручья. Потом он задумался и стал серьезным.

– А почему я не умею летать, как птицы? Я видел, как летают они, но я так не могу. Я всегда падаю вниз, как камень, – сказал он и быстро опустил руку, показывая, как падал.

– Тебя притягивают к земле добрые силы. В один прекрасный день ты сможешь понять, как они работают, и покорить их, – ответил Господь с улыбкой. – У Нас тоже есть к тебе вопрос. Можешь пройти сквозь это? – И Господь постучал пальцем по стволу дерева.

– Могу попробовать, – ответил Адам, ударился лбом о ствол дерева и показал на появившуюся шишку: – Как видишь, проходить сквозь предметы у меня получается гораздо хуже, чем у Посланцев.

– Адам, Мы даровали тебе и всем, кто в тебе находится, жизнь и

свободу. Мы с тобой неразрывно связаны. И пока это так, пока мы смотрим друг другу в лицо, у тебя всегда будет жизнь и свобода.

На лице Адама появилось выражение непонимания, и Лили осознала, что он пытается осмыслить новую для него мысль. Адам несколько секунд висел на ветке и размышлял, после чего спрыгнул на землю и повернулся лицом к стоящему перед ним Адонаю.

– Мое лицо всегда будет повернуто в Твою сторону. Мое сердце и дух всегда с Тобой. Да как я могу допустить, чтобы...

Господь протянул руку и обнял своего сына Адама:

– Любить – это значит идти на риск. Ты свободен и можешь сказать Нам «Нет», можешь усомниться в Нашей любви и отвернуться от Нас.

Адам нахмурился:

– И что же произойдет, если такое случится?

– Ты отвернешься от Нас, и в твоей душе появится тень. И эта темнота станет для тебя реальной. Меня. И до тех пор пока ты снова не повернешься ко Мне лицом, эта темная пустота будет вводить тебя в обман. Ты перестанешь понимать, кто Мы есть для тебя и кем ты сам являешься для всего мироздания.

– И как называется эта тень, как называется изменение, которое может произойти? – спросил Адам, глядя в глаза Того, кого любил всей душой.

– Эта темнота не заслуживает имени, – прошептал Вечный Человек, – но она будет называться смертью.

Лили почувствовала на своей груди тяжелую и холодную как лед руку, готовую вот-вот ее раздавить, и с трудом произнесла:

– Я знаю, что такое смерть. Ева, мы должны предупредить Адама.

Ева крепко сжала ее пальцы. Девушка почувствовала тепло, оно струилось по телу и давало силы бороться с леденящим холодом. На лице Евы появилось выражение гнева и негодования.

Потом Лили услышала Голос, прозвучавший в ее голове, будто это была ее собственная мысль.

– Лили, – произнес Голос, – верь Мне.

Со звуками этого Голоса ледяная рука исчезла с ее груди, и Лили глубоко вздохнула.

– Мне не нужно смерти, – прошептал Адам. – Ведь смерть – это полная противоположность жизни?

– Нет, Адам, у жизни нет никакой полной противоположности. Жизнь – это единственное и ни с чем не сравнимое. Жизнь – это Благодать. Жизнь – это основа Нашей природы.

Адам на секунду задумался и потом спросил:

– А во мне есть частичка смерти?

Вечный Человек улыбнулся и дотронулся до щеки мальчика:

– Нет, Адам, ни в тебе, ни в том, кто заключен внутри тебя, нет смерти. В вас есть только жизнь. Сейчас и всегда ты можешь есть плоды с Древа жизни, ты можешь дышать Моим Духом, ты можешь смотреть Нам в лицо.

Адам прикоснулся к руке Вечного Человека и улыбнулся:

– Ты знаешь, как сильно я люблю деревья и плоды, которые Ты создал. Я забочусь об этих деревьях, но не ради какой-либо пользы.

В воздухе зазвенел смех. Казалось, Лили и Ева, подобно родителям, наблюдают за тем, как их дети делают первые неуверенные шаги. Наступил вечер, и свет Господа озарил Вечного Человека и Его сына. Создатель и созданный им словно грелись в лучах взаимной любви.

Женщины молча наблюдали за Господом и Его сыном. Лили не знала, почему Ева плачет. Девушке всей душой хотелось подбежать к Господу, чтобы познать Его любовь, но внутренний голос шептал ей, что она недостойна, поэтому Лили словно приросла к земле. Внутренний голос шептал ей, что она никогда не будет любима так, как Адам.

– Я хочу знать только жизнь, – сказал молодой человек. – Я хочу всегда быть с Тобой лицом к лицу.

– Адам, – произнес Господь, – ты знаешь, что Мы любим тебя бесконечно. Ты должен Мне верить. Каждый день слушай то, что Мы будем тебе говорить, внимай тому, чему Мы будем тебя учить, и ты познаешь Добро и Благодать. Это не приказ, и в том, о чем Мы тебя просим, нет ничего сложного. Это сделать легко.

– И чему же Ты научишь меня сегодня? – спросил Адам.

– Ты можешь есть плоды всех деревьев Райского сада, в особенности Древа жизни, растущего в самом центре. И лишь плоды одного дерева тебе есть нельзя. В тот день, когда ты попробуешь эти плоды, ты познаешь Добро и Зло, и в этот день ты умрешь.

– Я знаю, что такое Добро. Ты всегда о нем рассказываешь. Скажи мне, что такое Зло?

– Зло – это смерть, а Добро – жизнь. Если ты отвернешься от жизни, от света и Добра, отвернешься от Нашей любви и перестанешь Нам верить, ты познаешь тень смерти, потому что жизнь – это общение с Нами лицом к лицу, а смерть – это когда ты отворачиваешь от Нас свое лицо.

– Я не хочу смерти и зла! – ответил Адам.

– Тогда возрадуйся свободе и славе Наше имя, – сказал ему Господь.

Адам, как малое дитя, сел Господу на колени и положил голову Ему на плечо. Вечный Человек обнял Своего ребенка, а вместе с ним и все

человечество, и запел колыбельную.

Лили слушала колыбельную, и глаза ее закрывались. Потом девушка почувствовала, как Ева берет ее за руку и они летят. Девушка ощущала теплое дыхание своей матери, словно та осыпала ее поцелуями.

Глава 6

Невидимые

Стояла глубокая ночь, когда Лили проснулась. Ее кожа пахла цветочными ароматами Матери Евы. Еще совсем недавно Лили согревало тепло Евы, а теперь она ощущала прохладу. Лили чувствовала себя спокойной и умиротворенной. Несмотря на то что стояла глубокая ночь, девушке не хотелось спать. В комнате горел приглушенный свет, и на потолке лежали длинные тени. Лили повернула голову, надеясь увидеть Еву, но той не было.

Лили услышала приглушенные звуки и узнала голос Джона. Ей захотелось его позвать, но она передумала и решила послушать, о чем он говорит. Джон разговаривал с человеком, чей голос был похож на песню. Ритм и интонации этого голоса успокаивали.

– Я еще окончательно не решил, – говорил Джон, – но согласен, что скоро ей надо будет об этом рассказать. Хилеры сделали все, что могли, чтобы она пошла на поправку, но они не всемогущи. Когда имеешь дело с душевными и сердечными ранами, никакие хирурги не помогут.

Ему ответил голос, похожий на песню. Лили не поняла слов, но ритм обмыл ее, словно теплой волной, и все ее тело расслабилось. Голос был удивительно мелодичным, а слушать его было так же приятно, как дышать свежим и чистым воздухом. От звуков этого голоса Лили чуть снова не заснула.

– Спасибо за эти слова, – продолжал Джон. – Позволь задать тебе вот какой вопрос: почему же сам Господь не сказал ей о том, как она может излечиться?

В ответ голос пропел сладкую мелодию. Лили почему-то почувствовала уверенность: что бы ни случилось, все у нее будет хорошо. Этот странный голос, произносящий непонятные ей слова, успокаивал и был чем-то похож на голос Адоная.

– И я тоже верю, – вступил Джон. – Я верю в любовь и силу Господа. Однако ты говоришь удивительные вещи... Ты абсолютно уверен в том, что она Свидетель?

Как только Джон назвал ее Свидетелем, Лили захлестнул поток воспоминаний. Все ее галлюцинации показались такими реальными, что у нее даже перехватило дыхание. Страх не было, впереди забрезжила

надежда, и ей стало теплее.

Девушка поняла, что живет одновременно в трех мирах. Первый мир, мир ее собственного прошлого, был знаком ей лишь по флешбэкам, неопределенным и туманным воспоминаниям, которые иногда ее посещали. Во втором мире она была Свидетелем Начала Всех Начал. Ну и, наконец, в третьем мире она находилась сейчас, лежала практически парализованная на кровати и слышала чей-то голос, напоминавший неземное пение.

Самым занятным казалось то, что она была не в состоянии определить, какой из этих миров является реальным.

– Лили так молода, – говорил Джон с грустью в голосе, – а жизнь и тело ее так сильно исковерканы.

В ответ послышался голос, похожий на смех. В нем было столько радости, что Джон рассмеялся.

– Ты прав, – ответил он. – Я действительно старый и одинокий. Я уже не такой молодой и полный энергии, каким ты знал меня раньше.

Лили представила себе Джона молодым и энергичным, улыбнулась и вспомнила Адама и его любовь к Господу. Она задумалась: так какой же из этих трех миров является реальным? Тот, в котором она находится сейчас, или тот, в котором она видела Адама, Господа и Райский сад? Или, может быть, единственным реальным миром является тот земной, который она практически не помнила? Лили терялась в догадках.

Снова послышался голос Джона:

– Пожалуйста, спой для нее! Спой, как в те времена, когда я сам был Свидетелем! Мне кажется, твоя песня ей поможет.

И голос запел. Лили хотела открыть глаза, но не смогла. Впервые за долгое время она почувствовала умиротворение. Песня усыпила ее, и девушка заснула спокойным и тихим сном, унесшим боль.

Она проснулась от громких возгласов и топота ног. Вокруг нее по ярко освещенной комнате бегали люди, которых ей, лежащей на кровати, не было видно. Слышались металлические щелчки и звуки работающих аппаратов и машин. Было чувство, что кто-то подтягивает и затягивает какие-то веревки и тросы.

Прямо над ней появилось улыбающееся лицо Джона:

– Сегодня важный и ответственный день. С тех пор как тебя сюда положили, и особенно с того дня, когда ты впервые смогла повернуть голову, твое состояние значительно улучшилось...

– Это же, вроде, было только вчера, верно? – спросила она, не узнавая звука собственного голоса.

– Ну, вы только посмотрите! – воскликнул Джон. – Ты уже не хрипишь, а произносишь слова ясно и четко. Ну, а отвечая на твой вопрос, скажу, что ты повернула голову три дня назад.

– Ничего себя я поспала!

– Я бы не назвал это сном. Скорее ты была в гибернации.

– В гибернации?

– Да, в гибернации.

– А что это такое?

Джон посмотрел вверх и потом снова перевел взгляд на ее лицо:

– Это состояние, в котором ты была очень близка к смерти, но мы не позволили этой старой карге пожать тебе руку.

– Ты хочешь сказать, что я была в коме?

– В коме? – переспросил он. – Не знаю такого слова. В любом случае, мы сознательно держали тебя без сознания для того, чтобы провести некоторые медицинские процедуры. Если хочешь, можешь называть это состояние комой. Теперь понятно?

Она кивнула.

Джон посмотрел на нее с удивлением:

– А ну-ка сделай это еще раз.

– Что сделать? – уточнила она.

– Кивнуть.

Тут Лили поняла, в чем дело, широко улыбнулась и снова кивнула. Она смогла сделать это простое движение и была несказанно этому рада. В комнате послышались возгласы одобрения.

– Мы сняли каркас, удерживающий твою голову и тело в неподвижном состоянии, – объяснил Джон. – Теперь ты сможешь двигаться, а точнее, шевелить руками и ногами.

– Джон, – заметила она, – ты говоришь так, словно вы провели надо мной серьезный эксперимент. Но скажи мне, кто такие «мы»? Я слышу шум, но никого, кроме тебя, не вижу.

– Ты их слышишь? – удивился он. – Это очень странно, потому что обычно люди не в состоянии слышать их голоса. Все это, конечно, очень странно... – пробормотал он, поглаживая рукой свою бородку. – Я не ожидал такого поворота событий. Ну, ладно... – Он поднял руки и повернулся, встав к ней спиной. – Пациент хочет знать, кто вы такие. Покажем ей?

Последовало короткое молчание, после которого Лили услышала

звук, похожий на звонок в дверь.

– Отлично, – сказал Джон и снова повернулся лицом к Лили.

– Ну, так вот. Сегодня в этой комнате собрались Хилеры, Строители, Дизайнеры и Мастерские. – Джон водил пальцем по комнате, указывая на группы разных существ. – Кроме этого, у нас тут Посланцы, которые движутся так быстро, что даже я их не вижу, а также Мыслитель, Провидец, Повар и Ткач. Ученых здесь нет. Изобретателей тут тоже нет, точно так же как нет и Певцов и, упаси Господи, Менеджеров. Есть, правда, одна Скупердьяка и один Табельщик. – Джон посмотрел Лили в глаза и добавил: – Еще здесь много Невидимых, но так как они невидимые, сложно сказать, сколько их в комнате, если, конечно, они сами нам не покажутся.

Она откашлялась:

– Я хочу их видеть.

– Не получится, – ответил Джон с ухмылкой. – Понимаешь, они же невидимые.

– Да я не о Невидимых. Я хочу видеть Хилеров и всех остальных, которые мной занимаются. А что здесь делают Строители и Мастерские?

Джон окинул взглядом комнату, размышляя, как ему лучше поступить.

– Не думаю, что тебе стоит их видеть. Когда слышишь о лечении, на ум приходят доктора и медсестры, но Хилеры на них совершенно не похожи. – Джон замолчал и кому-то кивнул. – Вот и Мыслитель придерживается такого же мнения. Не стоит смотреть на Хилеров, это может плохо на тебя повлиять. Так что не будем рисковать.

– По-моему, ты меня без нужды пугаешь. Вот начну себе представлять, как они выглядят, и испугаюсь еще сильнее.

– Ну, не знаю. Я так не думаю. Пожалуйста, доверься мне в этом вопросе. – Он замолчал и снова окинул взглядом комнату: – Как я вижу, мы достигли консенсуса. Возможно, когда-нибудь, когда ты окрепнешь, они тебе покажутся.

Лили пришлось не очень-то по душе такое предложение. Джон это заметил и быстро добавил:

– У меня есть хорошие новости. Мы готовы перевезти тебя в большую комнату и приподнять изголовье кровати так, чтобы ты могла смотреть по сторонам. А теперь попробуем пошевелить пальцами на руках и ногах.

Она попробовала, но ничего не получилось.

– Постой, не торопи события. Для этого тоже надо подготовиться. Надо кое-что подсоединить, и только тогда можем попробовать. Договорились?

Лили кивнула. Что-либо говорить она боялась. Стоило ей открыть рот,

и она могла расплакаться. Так чувствует себя человек, осужденный на пожизненное заключение: вот до него дошли слухи об амнистии, но он не уверен, подпадает под нее или нет.

Прошло несколько минут, и Джон произнес:

– Мы готовы. Давай попробуем.

Она пошевелила пальцами рук и ног, и в комнате раздались приглушенные возгласы ликования. Она представила себе, как маленькие существа пожимают друг другу руки и обнимаются. Ей даже почудился хлопок пробки, вылетающей из бутылки шампанского, и запах клубники. Она рассмеялась.

Ее кровать беззвучно и плавно, словно по воде, перекатили в другую комнату. По пути она заметила, что потолок, казавшийся ей обычным, был навесным. Более того, это была целая конструкция, к которой крепилось множество миниатюрных лестниц, платформ и соединяющих их переходов. Лили повезли по большому, вырубленному в скале коридору и выкатили в огромную комнату.

Легкий ветерок растрепал ей волосы. Ощущения от этого были настолько новыми, словно она испытывала их впервые в жизни. В воздухе пахло морской водой, в отдалении слышались звуки прибоя и крики чаек. Свежий ветерок приятно охлаждал кожу, он почему-то напомнил ей о посетителе, которого Джон принимал прошлой ночью.

– Джон, – позвала она.

– Я здесь. – Его голос прозвучал откуда-то слева.

– С кем ты разговаривал этой ночью?

– Я много с кем разговаривал, пока ты спала.

– Речь того человека была похожа на пение.

Кровать наконец остановилась, и рядом снова появилось лицо Джона.

– Думаю, ты имеешь в виду Хан-эля, – ответил он.

При упоминании этого имени Лили вновь почувствовала негу и спокойствие.

– Хан-эль? – переспросила она.

Джон словно не услышал и вместо этого сказал:

– Сейчас мы медленно поднимем изголовье кровати, так, чтобы ты оказалась в полусидячем положении. Тебе надо будет нажать пару кнопок, и твоя кровать превратится в инвалидное кресло. Но сегодня эту функцию мы проверять не будем, когда-нибудь потом, когда ты окрепнешь.

Джон снова исчез из ее поля зрения.

– А почему он поет, а не говорит? – спросила Лили.

– Язык Хан-эля более древний и развитый, чем наш. – Джон снова

появился, на этот раз уже с другой стороны кровати. – Сейчас мы тебя поднимем, и будем надеяться, что твоя голова не свалится с плеч.

Она нахмурилась.

– Я шучу, Лили, – произнес Джон с усмешкой. – Не смог удержаться. У тебя был такой серьезный вид. Не волнуйся, голова у тебя останется на месте.

– Шутка была совсем не смешной, – заметила она и попыталась сделать серьезное лицо, но вместо этого улыбнулась. – Почему я не понимала, что поет Хан-эль?

Джон снова исчез.

– Ну, все, пора начинать. Поднимаем очень медленно, на один градус в течение пятнадцати минут. Сегодня мы планируем поднять кровать на тридцать градусов. Ты готова?

– Давайте! – ответила она и стала прислушиваться к своим ощущениям.

Ничего не происходило. По крайней мере, ей так показалось.

– Джон?

– Я здесь. Все в порядке.

– А на каком языке говорит Хан-эль?

– На том же, что и мы с тобой.

– Нет, на другом, иначе я бы его поняла.

– А ты его не понимала?

Лили задумалась. Она бы не смогла повторить слова Хан-эля, и все же у нее было ощущение, что она их поняла. Хан-эль успокоил ее и подарил покой, и он отвечал на все вопросы Джона.

А может быть, Джон хотел понять, что именно ей удалось подслушать?

– Тебя подняли уже на один градус. Все идет по плану, – сообщил через некоторое время он.

– А что такое Свидетель? – спросила девушка.

– Ох, какая ты сегодня любопытная! – заметил Джон.

– Мне кажется, ты именно тот человек, у которого есть ответы на все мои вопросы.

Послышались шаги, и вскоре Джон остановился у ее кровати:

– Только на часть вопросов, но далеко не на все. Свидетель – это человек, который должен наблюдать за работой Господа, а потом рассказать о том, что видел. – Джон откашлялся и посмотрел в сторону: – Свидетелем может быть как мужчина, так и женщина.

Джон и Ева называли ее Свидетелем, и Лили очень хотелось понять, какой именно смысл они вкладывают в это слово. Однако она не

торопилась раскрывать перед Джоном все свои карты. Лили вспомнила его слова: «Ей надо будет скоро сказать... но жизнь и тело ее так сильно исковерканы». Разговор вплотную подошел к теме ее снов или галлюцинаций, и она задумалась над тем, насколько сильно может быть покалечен ее ум. При этом Лили осознала, что мнение Джона для нее очень важно, и ей стало немного не по себе от того, что она так сильно от него зависит.

– Скажи, а сам Хан-эль является Свидетелем?

Джон настолько удивился, что открыл рот.

– Хан-эль? Нет. Он просто старый друг, мы с ним многое пережили вместе. В том числе много боли. – Он поднял руку к горлу, помолчал и продолжил: – Вот мы подняли тебя еще на один градус.

Каждые пятнадцать минут Джон сообщал Лили о том, что изголовье ее кровати подняли еще на один градус, и постепенно она сама начала замечать эти изменения. Ее поле зрения расширялось. Однако, когда изголовье кровати подняли на шесть градусов, ей стало дурно, и она почувствовала головокружение.

– Остановитесь! – закричал Джон. – Дайте ей время прийти в себя.

Лили вспомнила Хан-эля и его песню. Это помогло ей побороть тошноту и напомнило о ярких переживаниях, испытываемых в обществе Евы.

Приблизительно через час Лили сообщила, что готова продолжить. Постепенно перед ее глазами открывалось огромное окно, в котором виднелось ярко-синее небо с редкими белыми облачками, что снова напомнило ей о другом мире – мире ее грез.

– Джон, ты веришь в Бога? – спросила Лили.

Последовала долгая пауза.

– Нет, – ответил Джон наконец.

– И я тоже.

Он прикоснулся к ее руке. Девушка подняла глаза и увидела, что он стоит рядом.

– Лили, бессмысленно использовать слова «Бог» и «верить» в одном предложении. Я не верю в Бога. Я знаю Бога! А когда Его лично знаешь, вопрос веры отпадает сам собой.

Лили не поняла его ответа.

– А Хан-эль – Бог?

Джон громко рассмеялся.

– Нет, что ты. Судя по всему, мой друг произвел на тебя впечатление. Хан-эль – один из слуг Господа. – Джон наклонился поближе к лицу Лили и

прошептал: – Хан-эль – ангел.

Когда Лили краем глаза увидела линию горизонта, ей опять стало дурно, и подъем изголовья остановили.

– Если тебе полегчает после того, как стошнит, не стесняйся, – сказал Джон.

– Нет уж, не надо.

– Тебя разве никогда не тошнило? – спросил он и отошел подальше.

– Не люблю, когда меня рвет!

– Рвет! – повторил он громко для всех, кто находился в комнате. – Рвет! Новое слово. – Он произнес это слово, растягивая букву «р», как рычащий тигр: – Р-р-р-рвет. Интересное словцо. Ну, раз ты не любишь, когда тебя рвет, пусть этого во время моей вахты не случится. Кстати, я правильно использовал его?

– Правильно, – улыбнулась она, преодолевая тошноту.

Наконец, после того как перед ней полностью открылась линия горизонта, где небо целует океан, Джон возвестил, что на сегодня хватит и больше поднимать ее не будут. День, по его мнению, прошел успешно, и теперь Лили должна отдыхать. Через несколько минут шум в комнате прекратился, и стало совсем тихо.

Джон ненадолго вышел и вернулся с чашкой аппетитно пахнущего бульона. У Лили в животе все так и заурчало.

– Скоро нам придется принять посетителей, – сообщил Джон и сел рядом. – Я как мог откладывал эту встречу, но гости становятся все настойчивее.

– Что им от тебя нужно? – спросила она.

– Не от меня, а от тебя. Когда изголовье кровати поднимут полностью и ты сможешь сидеть, они обязательно появятся. Летти говорит, что дело в каком-то древнем пророчестве. Они сами объяснят, что им нужно. Ну, а сейчас, – Джон помешал ложкой в чашке, – в награду за все твои сегодняшние мучения я тебя покормлю. Повара и Хилеры сварили для тебя бульон со смесью разных трав. С тех пор как ты у нас появилась, это твоя первая настоящая еда. С этого дня для выздоровления тебе нужно будет есть и пить. – Он поднес ложку к ее рту. – Давай. Это вкусно, я сам пробовал. – Джон подмигнул.

Лили проглотила и почувствовала, как приятное тепло разливается по всему телу. Она поперхнулась бульоном, но Джон аккуратно вытер ей рот и снова поднес ложку. На протяжении нескольких минут она глотала бульон.

– Уверен, ты съела бы еще, но на сегодня хватит. Не хочу, чтобы тебя вырвало, – сказал Джон.

– Мое мнение, судя по всему, никому не интересно, – ответила она и сделала глубокий вдох, с наслаждением втягивая запах моря и цветов.

За окном темнело. Все еще прикованная к кровати, сейчас она чувствовала себя лучше, чем когда-либо. Конечно, не считая снов.

– Думаю, встретить я Господа, он был бы похож на тебя, – сказала Лили Джону. – А у того Бога, что знаешь ты, есть имя?

Она надеялась, что это имя – Адонай, Элохим или Вечный Человек – станет мостиком, соединяющим ее грезы или галлюцинации с этой реальностью.

Джон заморгал:

– У Бога много имен, и каждое описывает ту или иную часть Его природы. Ни одно из них не способно охватить ее полностью, но каждое важно. Некоторые из имен Бога невозможно выразить словами. А некоторые легко произнести и запомнить.

– Как думаешь, Бог позволил тебе найти меня, потому что Он тебя любит?

– Да, именно так я и думаю. Каждый из нас в любой момент может стать Искателем. Эта чудесная возможность открыта всем. Когда поживешь так долго, как я, поймешь, что не в состоянии уйти от того, кого ты нашел. Ты можешь попытаться, но ничего не выйдет. Это будет преследовать тебя до тех пор, пока ты не станешь заботиться о том, кого нашел. И это круто меняет твою жизнь. Пожалуй, сильнее она меняется только тогда, когда находят тебя самого.

– И тебя тоже кто-то нашел? – спросила она, тщательно обдумывая и взвешивая его слова.

– Ну, это уже совершенно другая история. – Джон вздохнул и добавил: – Когда-то меня нашел мой родственник, двоюродный брат. – Он встал и положил руку ей на лоб. – А теперь тебе надо спать. Когда проснешься, я буду рядом. Хороших тебе снов, и пусть отдых пойдет на пользу твоей душе и сердцу.

Лили открыла глаза и увидела, как Адам засовывает палец в огненную жидкую стену, возвышающуюся на границе Рая. Мгновенно все его тело зажглось и заиграло разноцветными огнями энергии. Адам вынул палец, и радужное свечение исчезло. Он рассмеялся, снова засунул в стену палец, и все повторилось. Лили с Евой смотрели, как развлекается Адам.

«Вот здорово!» – подумала девушка.

Потом Адам прошел сквозь стену и выбрался за пределы Райского сада. Он шел в высокой траве пригнувшись, словно играл в прятки. Лили с

Евой следовали за ним. Ева объяснила девушке, что Адам преследует одно существо. Он пытался подобраться к нему уже несколько недель, но каждый раз оно исчезало, спрятавшись в нору. Это существо небольшого роста, оно стелется по земле и не оставляет после себя следов.

Адам долго и упорно выслеживал неизвестное существо. Все это время ему так и не удавалось подобраться к нему, зато он успел изучить повадки многих других маленьких существ, живущих на Земле.

Для маскировки Адам измазался коричневой и красной глиной, которую нашел на берегу реки. Он бесшумно пробирался сквозь траву, и вдруг существо оказалось прямо перед ним. От неожиданности Адам сел на землю и начал громко смеяться.

Тут Лили увидела это существо и узнала в нем уже знакомую ей змею. Девушка насторожилась. Она посмотрела на Еву, но лицо женщины было непроницаемым.

– Что будем делать? – шепотом спросила она.

– Сейчас мы никак не можем вмешаться, – ответила Ева тоном, в котором слышалось раздражение.

«Почему нет?» – подумала девушка, но спорить не стала.

Змея была длинной и толстой, как ствол дерева. Глаза у нее были цвета оникса.

– Зачем ты преследуешь меня? – спросила змея Адама, пробуя на вкус воздух раздвоенным языком.

– Ты умеешь говорить? – удивился Адам. – И это не язык животных. Я тебя прекрасно понимаю. Ты говоришь так сладко, как херувимы.

Змея подняла голову, посмотрела Адаму прямо в глаза и раскрыла свой капюшон. Сердце Лили начало биться чаще, и она ощутила страх и ненависть. Что-то в этой ситуации было очень-очень неправильным, но что именно ее пугает и отталкивает, она не смогла бы сказать. Присутствие Евы сдерживало Лили, не позволяя ей вмешиваться в ситуацию.

– Ты удивительное существо, – произнес Адам. – Я еще не встречал тебе подобных в Райском саду. Скажи мне, кто ты?

Змея молчала, раскачиваясь из стороны в сторону и пробуя воздух на вкус языком.

– Я мудрое и дикое животное! – наконец ответила она. – Я царица всех земель, находящихся за пределами Райского сада. А кто ты, слабое существо, не побоявшееся заговорить со мной?

– Я – Адам, сын Господа, – ответил молодой человек.

– Адам! Уходи от этой твари! – закричала Лили.

Адам не услышал девушку, но змея мгновенно повернулась в ее

сторону.

Глава 7

Гости

Лили долго лежала в кровати, пытаясь прийти в себя. Она боялась, что змея из ее грез проберется сюда, в Прибежище. Лили было сложно логически объяснить причину своего страха. Впрочем, логически точно так же невозможно было объяснить и ее видения.

Было раннее утро. Девушка почесала нос и поняла, что в состоянии шевелить руками. Она широко улыбнулась. Лили хорошо себя чувствовала, настроение было отличным, и у нее ничего не болело. Что-то в ее теле изменилось. Она подняла обе руки и стала рассматривать их в слабом утреннем свете, сжимая и разжимая пальцы.

Вдруг она услышала храп. Рядом с ее кроватью стояла софа, на которой спал Джон. Видимо, он решил быть поближе, если ночью понадобится его помощь. Лили почувствовала признательность к этому человеку за все, что он для нее делает.

Из соседней комнаты донеслись звуки голосов.

– А вот и гости, – громко сказала она.

Джон проснулся. Ему потребовалось несколько мгновений, чтобы прийти в себя и понять, что происходит.

– Гости? Уже пришли? – пробормотал он.

Джон встал и направился в противоположную сторону от той, откуда раздавались голоса. Лили показала ему на дверь напротив. Увидев, что она шевелит руками, он широко улыбнулся. Затем сделал глубокий вдох и спросил:

– Где тебе удобнее их увидеть – здесь или в соседней комнате?

– Лучше в соседней, – ответила она. – Я там еще ни разу не была.

Джон нажал несколько кнопок на ее кровати, спинка поднялась, Лили кивком показала ему, что готова, и он выкатил ее за дверь, где их поджидали посетители. Соседняя комната оказалась просторной, из огромных окон на каждой из трех сторон открывался прекрасный вид на океан, полоску песка на берегу, холмы и даже далекие горы.

Погода была прекрасной. В комнате находилось трое Ученых. С чашкой чая в руке они стояли у окна и смотрели на океан. При появлении Джона и Лили они одновременно обернулись. На Ученых были одинаковые костюмы, припорошенные чем-то светлым, похожим на мел или

придорожную пыль. Казалось, двое из них были в возрасте Джона, а может, и старше. Их кожу изрезали морщины, но глаза были яркие, а улыбки – искренние.

Среди ученых постарше была женщина, высокая, худая и угловатая. Шляпа с конусообразной тульей делала ее еще выше, а нос, похожий на клюв, заставлял вспомнить о птицах. Она напоминала аиста в коричневых и черных одеждах. Второй из Ученых постарше казался полной ее противоположностью. Невысокого роста и толстенький, со стороны он был похож на шар. Казалось, этот шар вот-вот взорвется. Ученый тяжело дышал, словно только что взбежал по лестнице на крышу многоэтажного дома.

Третий выглядел гораздо моложе коллег, хотя и на его лице жизнь оставила россыпь неглубоких морщин. Он был самым высоким из них, темнокожим и с гладко зачесанными назад черными волосами. Его лицо показалось Лили знакомым, хотя она и не могла понять, где и когда ей доводилось его видеть.

– Наше почтение, – громко поприветствовал собравшихся Джон, протянув обе руки.

Потом каждый из Ученых дотронулся до его рук и соприкоснулся с ним лбом. Лили решила, что так в этом мире принято приветствовать друг друга.

– Я Джон, Коллекционер, а также Искатель, о чем вы, возможно, уже слышали, – представился он и кивнул в сторону Лили: – А это Лили Филдс. Мы живем в Прибежище, где и вы можете оставаться столь долго, сколько сочтете необходимым. Приношу извинения за то, что мы не могли принять вас раньше. – Джон показал рукой на чашки в руках гостей: – Как вижу, вам уже предложили чаю. Может быть, желаете бисквитов?

– Спасибо, – ответила женщина и села на диван, – бисквиты могут подождать. Очень рада наконец увидеть тебя, Джон. Нам всем известна твоя славная история.

Круглый, как шар, Ученый открыл было рот при упоминании бисквитов, но тут же закрыл.

– Откуда вы к нам прибыли? – спросил Джон.

– Из земель, лежащих за Трейном, – ответила женщина.

Джон сделал удивленное лицо:

– Я и не знал, что за Трейном есть обитаемые земли. Вот поэтому-то мы и не знакомы. Неужели вы действительно из таких далеких краев?

Трое Ученых дружно закивали. Джон сел рядом с Лили, и двое мужчин тоже присели. Лили почувствовала, что гости ее внимательно

рассматривают. Она опустила глаза и уставилась на свои ноги. Потом прикрыла пледом ногу, пересаженную от другой девушки, не желая выставлять ее напоказ.

– Как долго вы сюда добирались? – поинтересовался Джон.

– Нам потребовалось несколько месяцев, чтобы добраться сюда... из мест, расположенных за Трейном, – ответила женщина, сделав акцент на последних словах и не сводя пристального взгляда с Джона.

– Ну, а что касается бисквитов... – вступил в разговор человек-шар.

Женщина подняла вверх руку.

– Мы не торопимся, и они могут подождать, – закончила она фразу за Ученого-коротышку.

– Как вы к нам добирались? На чем? – спросил Джон. – Путь все-таки не близкий.

– На Райдерах, – ответила женщина. – В наших краях не так много Летунов, и лично я побаиваюсь высоты, но, как видишь, мы благополучно долетели. Спасибо, кстати, за Райдеров. За ними хорошо следят, кормят, заботятся о них. За время путешествия мы очень устали, и нам пришлось несколько недель приходить в себя.

Лили искоса посмотрела на их поношенную пыльную одежду и подумала о том, что другой, судя по всему, у гостей нет.

– С какой целью вы прибыли в наши края? – перешел к делу Джон.

Женщина продолжала смотреть на него, медля с ответом. Потом кивнула головой в сторону Лили и спросила:

– Как я понимаю, эта девушка и есть твоя находка?

– Совершенно верно.

– В таком случае мы прибыли сюда исключительно из-за нее.

– Да мы же находимся в одной комнате! – возмутилась Лили. – Не говори обо мне так, типа меня здесь нет...

– Как будто, – прервала ее женщина.

– При чем здесь «как будто»? Что это значит? – Поведение незваной гостьи вызвало у Лили раздражение.

– Моя коллега имеет в виду, – объяснил Ученый-коротышка, – что правильнее было бы использовать выражение «как будто» меня здесь нет, а не просторечие «типа» меня здесь нет.

– Да какая разница! – воскликнула Лили. – Мне, типа, как будто все равно! И вообще, раз уж мы начали разговор, может, стоит, типа, представиться? – Она активно жестикулировала. Главным образом потому, что совсем недавно получила возможность снова двигать руками, и ей это было в удовольствие. – Ох, как мне все это не нравится! – продолжала

она. – Я что, единственная на этом острове, кто считает, что так вести себя, типа, невежливо?!

В комнате повисло неловкое молчание. Отчетливо слышался звук прибоя за окном.

Женщина удивленно подняла брови, а высокий мужчина съежился в своем кресле, словно пытался спрятаться. Ученый-коротышка выслушал тираду Лили, даже не моргнув глазом. Правда уголки его рта приподнялись в улыбке, и глаза радостно засияли.

– Бог ты мой! – воскликнула женщина и откинулась на спинку дивана. – Мне нравится такое поведение! Должна сказать, проделать такой длинный путь стоило только ради этой сцены.

Джон улыбался:

– Забыл предупредить вас о том, что Лили у нас... как бы лучше выразиться... интроверт.

Ученые с изумлением смотрели на девушку, а Лили чувствовала, как громко бьется ее сердце и гудит в ушах.

Женщина-ученый тихонько откашлялась.

– Лили, – сказала она, – позволь представиться, меня зовут Анита. Очень рада с тобой познакомиться.

Неожиданно где-то рядом с комнатой прозвучал тонкий и резкий голосок.

– Да куда все подевались? Кажется, я пропустила все самое интересное! Бог ты мой, я когда-нибудь помру на этой крутой лестнице, честное слово!

Лили узнала голос Летти. Потом послышался топот маленьких ног, и наконец миниатюрная старушка ворвалась в комнату. Лили осознала, что видит ее целиком впервые. Ростом Летти не достигала и одного метра, на плечах у нее висела шаль, а в руках была клюка. Лили казалось, что перед ней маленькая избушка на прихрамывающих куриных ножках. В общем, строение тела Летти, казалось, отрицало все законы физики и здравого смысла. Опираясь на клюку, Летти подошла к трем Ученым.

– День добрый всем вам и тебе, красавица, – кивнула она в сторону Лили, которая, временно потеряв дар речи, рассматривала стоящее перед ней чудо природы.

– Ну, что скажешь по поводу наших посетителей? – обратилась Летти к Джону, показывая на Ученых клюкой. – Я и не припомню, когда к нам в последний раз добирался кто-нибудь аж из-за Трейна.

Джон всплеснул руками:

– Так ты знала, что за Трейном есть люди, и мне об этом не говорила?

Старушка только ухмыльнулась. Ученые поприветствовали Летти, и им пришлось встать на колени для того, чтобы соприкоснуться с ней лбами. Потом все снова расселись. Летти с трудом забралась на стул. Усевшись на самом его краешке, она тут же стала что-то напевать, на что обратила внимание одна только Лили.

Девушка легонько толкнула Джона локтем в бок.

– Что это за песня? – прошептала она.

– «Скупердьяка», – тихо ответил тот и, повернувшись к присутствующим, добавил: – Летти, мы только начали знакомиться, – после чего кивнул Ученому-коротышке.

– Меня зовут Гералд, – представился тот. – Ученый первого разряда, специализируюсь на вопросах античности.

– А меня зовут Саймон, – сказал самый молодой из них, откинулся на спинку дивана и положил ногу на ногу. – Ученый первого разряда со специализацией по философии и систематике.

Лили его голос показался одновременно приятным и отталкивающим. Она бы назвала его похожим на тягучий шоколад.

– А на чем специализируешься ты, Анита? – спросил Джон.

– Анита, – ответил за женщину Гералд, – Ученый первого разряда и советник первой степени.

– Ого! – воскликнул Джон. – Ничего себе, советник первой степени! Познакомиться с тобой – большая честь. А какая у тебя специализация?

– Психология души и ЭПИ, – ответила Анита, и Джон искоса посмотрел на Лили.

Лили обратила на это внимание.

– Что такое ЭПИ? – спросила она.

Ей еще не приходилось разговаривать так много, поэтому голос у нее осип, и горло немного опухло.

– Это эпигенетическая нейроинтеграция, – громко ответила Летти. – Представь, что тебе надо собрать и склеить разбитое зеркало души, соединив все нейроны ума и интуицию сердца. Вот этим и занимаются ученые с такой специализацией.

– Аааа, поняла, – протянула в ответ Лили, – был у нас на ферме один такой ученый.

Все рассмеялись.

– Шучу, – добавила она. – Это я сказала, чтобы показать, что не понимаю, чем эти Ученые занимаются.

Все вежливо покивали. Лили снова почувствовала себя как-то странно, будто была здесь лишней.

– Дорогая, – начала Анита, – есть одно пророчество, согласно которому ты должна была попасть к нам в результате большой трагедии. Даже мелкие проблемы и неурядицы зачастую оставляют в душе человека неизгладимый след. Я занимаюсь решением посткризисных ситуаций. По сути, я Хилер, специализирующийся на лечении разбитых душ.

– Ты думаешь, что моя душа разбита? – спросила Лили. На этот раз она говорила ровно и без раздражения.

– Вне всякого сомнения! – твердо, но ласково ответила Анита. – У каждого человека в этой комнате душа в той или иной мере искалечена.

– Даже у Летти? – поинтересовалась Лили в надежде на то, что ее вопрос снимет некоторую напряженность, связанную с этой темой.

– В особенности у Летти, – ответил Джон, и все снова рассмеялись. – Насколько я знаю, раньше она была почти двухметрового роста. Так что мы ее здесь лечили как могли.

Анита протянула руку и погладила Лили по плечу.

Старушка улыбнулась, указав на девушку длинным и костлявым пальцем:

– Понимаешь, малышка, все мы собрались здесь исключительно из-за тебя.

– Из-за меня? – удивилась Лили. – А почему?

– Действительно, почему? – поинтересовалась Летти, скрестив свои короткие, не достающие по пола ножки. – Я не берусь утверждать, что понимаю планы Господа и в состоянии постичь всю Его мудрость, но получается так, что судьба тех мест, где мы находимся, и времени, в котором живем, и, кто знает, может быть, всего бесконечного космоса зависит от того, что ты сделаешь.

– Нет, подождите, – воскликнула Лили. – Вот тут вы совершаете большую ошибку. – Она обратила внимание, что руки у нее сильно дрожат. – Мне даже не известно, кто я такая, и не очень понятно, где нахожусь.

– Ты – дочь Евы, и этого, поверь мне, уже вполне достаточно, – сказала Летти.

Все повернулись к Лили в ожидании ответа.

– Наверное, я действительно дочь Евы, если вы имеете в виду Еву, Мать Всех живых.

Пара Ученых постарше одновременно вздохнули и откинулись на спинку дивана. Гералд покачал головой. Лили пребывала в недоумении: неужели она сказала что-то не так?

– Конечно, – произнесла Анита и положила руку на колено Лили, – но

не забывай о том, что у тебя совершенно уникальный код ДНК.

Лили понятия не имела, о чем идет речь.

– Ты ей разве ничего не рассказал? – спросила женщина Джона.

Тот в ответ лишь глубоко вздохнул:

– Никак не мог найти подходящий момент.

На лице у Аниты и Гералда было написано изумление. Саймон, который, за исключением своего имени, так и не произнес ни слова, казалось, витал в облаках и рассеяно смотрел в ближайшее окно.

– Подходящий момент для чего? – уточнила Лили.

Тут Летти перестала бубнить свою песню.

– Джон, друг мой, расскажи ей все, что знаешь, – посоветовала она.

– Лили, Хилеры пришли к выводу, что в твоём ДНК содержатся следы всех народов и рас на Земле.

Анита всплеснула руками и подпрыгнула на диване.

– И что это значит? – спросила девушка.

Джон уже открыл рот, чтобы ей ответить, но Анита его опередила:

– Это значит, дитя мое, что в твоём теле, в его клетках, содержится все человечество.

– Поэтому ты и являешься дочерью Евы, – закончил Гералд.

Джон вытер рот тыльной стороной ладони и посмотрел на девушку:

– Ты спрашивала меня о моём друге, помнишь?

Лили кивнула в ответ. Джон посмотрел на Ученых:

– С тех пор как здесь появилась Лили, меня три раза посещал Посланник.

Услышав об этом, Саймон оживился.

– Тебя и прежде посещали Посланники, – заявила Анита.

– Этот Посланник к тому же был Певцом! – произнес Джон.

– Ах, вот как! – воскликнула Анита.

Гералд сделал большие глаза. Летти, как и прежде, продолжала бубнить себе под нос.

– А можно подробнее. – Гералд откашлялся. – У этого Посланника есть имя?

Джон молчал.

– Хан-эль, – произнесла Лили.

Трое Ученых на мгновение замерли.

– Ой, ой, ой! – пробормотала Анита.

Гералд посмотрел вверх и вознес руки к небу.

Саймон был поражен, но быстро пришел в себя.

– Не просто Певец, а Хранитель! – пробормотал он.

– Хранитель? – переспросила Лили.

– Ангел, а также Посланник, который одновременно является и Хранителем, – объяснил ей Гералд.

– Ангел? Ты имеешь в виду таких маленьких, толстеньких херувимов с крохотными крылышками, луком и стрелами? Другими словами, большой купидон, верно?

– О, нет! – воскликнула Летти и перестала болтать ногами. – Вот уж точно нет! Херувимы – это в хорошем смысле страшные создания. Не стоит опешлять их такими надуманными сравнениями.

– Херувимы – это существа, созданные из света, – объяснил Саймон, – творцы чудес и хранители веры. Существует два вида таких существ: херувимы и серафимы. Серафимы имеют дело главным образом с внутренним миром человека, а херувимы – с внешним. Насколько нам известно, и в этом вопросе, в отличие от большинства Ученых, я придерживаюсь несколько другого мнения, в мироздании участвовали два или три херувима. Это Михаил, Гавриил и, – Саймон на мгновение замолк, а Лили заметила, что его чело омрачилось, – возможно, существует и третий, самый сильный, по имени Люцифер, херувим-помазанник.

Лили было сложно уследить за ходом мысли Саймона. Ей стало ясно, почему Джон говорил о том, что зачастую общаться с Учеными совсем непросто. Точно Лили поняла только одно – ее видения или галлюцинации тесно связаны с тем миром, в котором она сейчас находится. Девушка решила не подавать виду, что все, о чем говорит Саймон, имеет к ней прямое отношение, и старалась казаться равнодушной.

– Джон, расскажи им о том, что сообщил тебе Хан-эль, – произнесла Летти.

– Он сказал, что Лили является Свидетелем.

Гералд посмотрел на Аниту и погладил ее по руке:

– Это подтверждает все наши догадки.

– Я прожила долгую жизнь, но и представить не могла, что все это возможно, – заметила Анита.

Женщина смотрела на Лили с таким вождением и обожанием, что девушка почувствовала себя неловко и отвела глаза.

– Год назад наши Ученые, Астрономы и Мыслители пришли к выводу, что в мир пришел Свидетель. На это указывали все знамения, – заявил Гералд. – Понятное дело, что в среде Мыслителей начались серьезные споры, и в конце концов нам разрешили отправиться сюда, чтобы узнать, что же происходит на самом деле. В путь пустилось девять человек, но, как видите, прибыли только мы троим.

– Неужели?

– Двое из нашей группы вернулись назад еще в начале пути, – объяснила Анита, – потому что очень скучали по дому. Трое наших коллег расстались с нами на Григорианском перепутье, потому что считали, что звезды указывают им другой путь. И один из нас заболел.

– Чем именно? – спросил Джон.

– У него появилась теневая болезнь.

Как только Лили услышала эти слова, по ее телу пробежали мурашки.

– Что это – «теневая болезнь»? – спросила девушка.

– Боязнь тени, или теневая болезнь, – это серьезное поражение души или сердца, если тебе угодно, – объяснила Анита, – которое происходит, когда человек отворачивается от Бога, от контакта лицом к лицу, и впускает в свою душу темноту. Все мы дети Адама, а он был первым, у кого появилась эта болезнь. Именно из-за теневой болезни, или страха тени, человек стал смертным. И мы пытаемся с этой болезнью бороться.

– И как вы лечите вашего коллегу? – поинтересовался Джон.

Саймон крутил кольцо вокруг пальца левой руки.

– Эту женщину отправили в одно из южных поселений, – сказала Анита. – На карантин, так сказать. Будем надеяться, что ей помогут и она снова повернется к жизни лицом. – Анита повернулась к Лили и продолжила: – Мы уже давно поняли, что теневая болезнь появляется у одиноких людей. Поэтому так важно поддерживать с окружающими отношения, основанные на любви и доброте.

– Мне очень жаль, что ваша группа понесла такие потери, – сказал Джон. – Это так грустно.

– Нам тоже жаль, – произнес Саймон. – Но спасибо за добрые слова.

Все помолчали.

– Так, значит, получается, – сказала Лили, – что вы преодолели все трудности и приехали сюда ради меня? Вы действительно считаете меня Свидетелем? – Она посмотрела на Джона и добавила: – Если честно, я не совсем понимаю, кто такой Свидетель и что вообще это значит.

Анита встала с дивана и опустилась на колени рядом с девушкой:

– Я прекрасно понимаю, что тебе все это непросто осознать. Пожалуйста, прости меня. И пожалуйста, прости нас.

Женщина раскрыла объятия, и после некоторого колебания Лили дала себя обнять и положила голову ей на плечо.

– Я уверена, ты – тот самый человек, которого мы ищем, – продолжала Анита. – Прежде чем объяснить, кто такой Свидетель, мне хотелось бы прояснить несколько вопросов. – Она отпустила Лили и снова села на

диван. – Джон, ты рассказал ей о Подземелье?

– Нет.

– Понятно. А ты уверен, что здесь она в полной безопасности?

– Да. Это же Прибежище. Никто из посторонних никогда не проникал сюда.

– Ты забываешь о Хан-эле, – заметил Саймон озабоченным тоном. – Я правильно понимаю, что Певец является Хранителем девушки?

– Нет, – ответил Джон. – На самом деле Хан-эль мой Хранитель.

Услышав ответ, Саймон вздохнул с облегчением, и его лицо перестало быть таким напряженным.

– Понятно, – сказала Анита. – Значит, твой Хранитель подтвердил, что она является Свидетелем. А он не уточнял, что именно она должна свидетельствовать?

Ученые нервно заерзали. Если бы и Летти начала ерзать на стуле, она бы неизбежно упала, но старушка этого не сделала, а продолжала все громче и громче напевать себе под нос.

– Она Свидетель Начала Всех Начал.

Все молчали, ошарашенные этой новостью. Потом началось что-то невообразимое. Анита вскочила, возвела к небу руки и начала что-то кричать на незнакомом языке. Гералд исполнил джигу, а Летти закрыла глаза руками. Саймон точно так же, как Анита, поднял руки и возблагодарил небеса.

– Такое великое событие необходимо отметить тостом и хорошей закуской! – возвестил Саймон.

Джон рассмеялся и указал рукой на дверь в соседнюю комнату:

– Все, что найдете на кухне, ваше.

Саймон вместе с остальными Учеными вышел.

Джон молча смотрел на Лили, ожидая, что она скажет. А ей хотелось сказать, что его ангел ошибся. Но разве она могла? У нее не поворачивался язык. Бесспорно, Лили была Свидетелем определенных событий, но не была готова ни обсуждать их, ни нести тот груз, который пытались взвалить ей на плечи. Если бы у девушки был выбор, она бы предпочла спать и видеть сны, как это делают все нормальные люди. Но случилось так, что Ева показывала ей места и события, которые Лили вовсе не стремилась увидеть. А сейчас ей рассказали о какой-то теневой болезни, что совершенно не делало ее жизнь проще. Если честно, у нее не было никакого желания делиться своими снами с окружающими. Лили смотрела на океан, и ее разрывали внутренние противоречия, вызванные жизнью в двух разных мирах. Когда она снова взглянула на Джона, он стоял перед

ней на коленях.

– Я понимаю, как много информации на тебя вывалили, – тихо произнес он.

– Я уже не знаю, что со мной происходит, – ответила она.

Лили видела, с какой нежностью и заботой он к ней относится, но от этого ей не становилось лучше.

– Пойми, тебе не надо ничего знать. Просто будь той, кем и так являешься – Лили Филдс.

– Я не знаю, как вести себя. Правильно ли я поступаю в той или иной ситуации, – пожаловалась она. – Мне некуда деться. Я не знаю, зачем нахожусь здесь, и вообще, кто я такая. Я не знаю, как оказалась здесь. Вы говорите, я здесь для того, чтобы быть Свидетелем Начала Всех Начал. Каких еще начал? Начал чего? Я... вообще ничего не понимаю! Что мне делать?

Казалось, Джон вспоминает свою жизнь и свой опыт, чтобы помочь ей, подбодрить и успокоить.

– Думаю, в этой ситуации, Лили, тебе остается только верить, – вступила в разговор Летти. – Дети умеют верить. До тех пор пока им не сокрут и не убедят в том, что верить и говорить правду очень опасно.

– Верить опасно, – повторила она не задумываясь.

– Это точно, – подтвердил Джон, – но не в том смысле, какой вкладываешь в эти слова ты.

Тут из кухни показались Ученые. Они несли тарелки с сыром, фруктами, печеньем, орехами и бисквитами. Все выпили вина и заметно расслабились. Летти продолжала напевать себе под нос.

Потом в течение нескольких часов Джон, Ученые и Летти пытались ответить на вопросы Лили, прояснить ситуацию, в которой она находится.

– Ну, как тебе сказать, – объяснял Гералд, – в каждой эпохе есть два Свидетеля. Один принадлежит к тому миру, о котором свидетельствует, а другой – реальный человек из плоти и крови. Второй Свидетель является инкарнацией первого, и по отдельности они не существуют. Они неразрывно связаны.

– Позволь, я предложу одно сравнение, – продолжила Анита, – и может быть, тебе будет легче понять эту концепцию. Представь себе фотографию. Слово «фотография» состоит из двух корней: *graphie*, то есть «писать», и *photos* – «свет». Так вот, Свидетель – это и фотограф, и фотография одновременно.

– Ладно, – ответила Лили, – это еще более-менее понятно...

– Есть еще третья составляющая, – заметил Саймон. – Свидетель – это

не просто одновременно фотограф и фотография, но и живая часть картинки, которую снимают. Участник. Свидетель как бы не внутри и не снаружи картинки, он не объективен и не является совершенно независимым. Присутствие Свидетеля при определенных событиях дает бесконечное количество новых возможностей развития сюжета и может в корне изменить ход истории. Влияние Свидетеля на ход истории может быть огромным, потому что он или она – дополнительный рычаг или инструмент воли Господа.

Все эти объяснения казались сложными и совсем не упрощали жизнь Лили, которой в тот момент захотелось заснуть и позабыть обо всем. Однако она сделала над собой усилие, сконцентрировалась и попыталась понять логику его рассуждений.

– Ты хочешь сказать, что без Свидетеля вообще никакой фотографии не получится? Если нет того, кто видит, то и самой фотографии не существует? Я правильно тебя понимаю?

– Почти правильно. Не совсем, но почти, – вставила Анита.

– Господь всегда был Свидетелем, без которого ничего не существовало, – заговорил Гералд. Лили показалось, что он цитирует какие-то тексты. – Бог является Великим Наблюдателем и при этом постоянно присутствует в картинке, которую Он сам создает. Мир многочисленных деталей в этой картинке зависит от Слова Господа и является отражением Их Сострадания, Благодати и Великой Любви.

– При этом Бог является Тем, кто вмешивается и изменяет фотографию, – продолжила Анита. – Важно правильно понимать роль Господа и Их природу. Бог такой, какой Он есть. Без Их любви все в этом мире будет пустым пшиком. – Анита пошевелила пальцами, словно показывала растворяющийся в воздухе дым. – Без Них все, включая нас самих, перестанет существовать.

– А зачем я нужна Господу? – спросила Лили. – Зачем Ему вообще нужен человек-Свидетель?

– Все это, дорогая, – проговорил Гералд, – опять уводит нас к Началу Всех Начал. Богу не нужно ничего, но Бог не будет Богом, если не будет нас, перед Ним преклоняющихся. Жить с Господом – это значит участвовать в мистерии полного присутствия.

Далеко не все из сказанного было Лили понятно, однако все присутствующие убеждали ее не заикливаться на деталях. Они говорили, что она всего лишь ребенок, а все дети обладают интуицией, которая гораздо важнее логики и знаний. Они говорили, что ей не стоит переживать по поводу того, что она чего-то недопоняла. И без этого все, мол, будет

нормально, и волноваться ей совершенно не стоит.

Лили даже не заметила, как в какой-то момент Летти ушла, ни с кем не попрощавшись. Ее напевы прекратились, и она исчезла.

Джон уже собирался показать Ученым их спальни, но Анита подняла руку, чтобы привлечь к себе внимание.

– Пойдите, – сказала она. – Мы совершенно забыли о дарах, которые привезли для Лили!

– Действительно забыли! – согласился Саймон. – Но мой дар где-то в багаже, поэтому я попрошу меня извинить и позволить преподнести его позднее. Я передам его завтра.

– Дары? – удивилась Лили.

Она, конечно, чувствовала себя усталой, но любопытство придало ей сил. Она подумала о том, какой подарок приготовил для нее Саймон, и оживилась.

Саймон отошел в угол комнаты, а Анита и Гералд принялись ощупывать свои карманы и вспоминать, куда положили подарки. Женщина нашла свой подарок первой и подошла к Лили.

– Дорогая моя, – начала Анита, – когда я молилась за тебя перед тем, как мы тронулись в путь из наших краев...

– Ты за меня молилась? – удивилась Лили.

– Мы все за тебя молимся, – заявил Гералд. – Молитва – это разговор с Господом о жизни, людях, а также обо всем, что мы считаем важным. Я надеюсь, тебя это не удивляет?

Лили отрицательно покачала головой.

– Ну, так вот, – продолжила Анита, – когда я молилась за тебя, мне на ум постоянно приходили мысли об этом предмете.

Анита раскрыла сжатые пальцы, у нее на ладони лежала серебряная цепочка с небольшим серебряным ключиком тонкой работы.

– Какой красивый подарок! – воскликнула Лили. – Спасибо большое.

Анита опустила ключик на цепочке в ладонь девушки.

– Это очень старый ключ, и с ним связана своя история, или, может быть, сказка. Ты слышала сказку о красавице и чудовище?

Лили отрицательно мотнула головой.

– Неважно. – Анита улыбнулась и обняла девушку. – Лили, это необычное украшение. Это ключ, который может что-то открыть. Что именно, я не знаю. Но ты точно узнаешь, когда придет время.

– Все, сказанное Анитой, относится и к моему подарку, – заговорил Гералд, протягивая девушке бархатную коробочку, в которой обычно хранят драгоценности.

Лили открыла коробочку и увидела золотое кольцо.

– Это обручальное кольцо, – объяснил Гералд, и Лили улыбнулась. – Его передавали в моем роду из поколения в поколение с очень давних времен. Точно так же, как и Анита, я не знаю, почему должен его подарить и что ты будешь с ним делать. Тем не менее, вот, пожалуйста.

– Это кольцо, которое дарят на помолвку?

– Нет. «Помолвка» не передает всей силы намерения. Обручение – вот более подходящее слово, это настоящее обещание о заключении брака, которое, кстати, может быть дано задолго до того, как этот самый брак совершится. Это кольцо жених дарит невесте в знак обещания, что они обязательно поженятся.

– Спасибо, Гералд, – произнесла Лили.

Ученый наклонился, чтобы дотронуться до ее лба, и, хотя девушка внутренне напряглась, она позволила ему это сделать.

Затем Ученые в сопровождении Джона покинули комнату. Саймон шел последним, в дверях он обернулся и с улыбкой поклонился ей.

Лили лежала в кровати и думала о том, что пережила и узнала в течение этого насыщенного дня. На душе у нее было беспокойно. Она надеялась, что Хан-эль действительно существует и находится где-то рядом, хотя понимала, что ангел, скорее всего, прекрасно знает о том, что она недоговаривает и обманывает Джона и Ученых. Лили стало стыдно. Но с другой стороны, мысль о реальном существовании ангела вселяла надежду и приносила некоторое спокойствие.

Совершенно неожиданно она вспомнила лицо мужчины, которое видела при обстоятельствах, пока остававшихся для нее туманными.

Глава 8

Подарок

На следующее утро, когда на смену ночи пришел рассвет, Лили сделала первую запись в дневнике, подаренном ей Джоном. Она открыла девственно чистую страницу и начала писать с искренностью и откровенностью, на которые, как ей казалось, не была способна. Она, как вольный орел, взмыла ввысь над своим бранным телом, наблюдая и оценивая все, что ей пришлось пережить и что волновало ее до глубины души.

Несмотря на все уверения Джона, ничто не поколеблет моего глубокого убеждения в том, что я не писатель. Ничего себе, никто никогда не прочтет эти строки, а я уже извиняюсь.

Не знаю, кто я, и не очень понимаю, где проходит граница между реальностью и фантазией. Я пребываю в одном из двух состояний. В первом мне кажется, что я сумасшедшая и окружена такими же сумасшедшими людьми. Во втором – мне просто больно, и меня переполняют самые неприятные чувства и предчувствия.

Иногда мне хочется кричать до тех пор, пока не сорву голос. Мне хочется, чтобы всем было наплевать на меня и мою судьбу, отчего только сильнее начинаю злиться и желаю умереть.

Из всех людей, с которыми я здесь общаюсь, самым приятным мне кажется Джон. Впрочем, я сильно заинтригована новым молодым персонажем, который недавно здесь появился. Это один из трех волхвов (кажется, так называли этих людей в воскресной церковной школе, хотя в том сюжете действие было закручено вокруг младенца Иисуса). Этого человека зовут Саймон, он старше меня, но, тем не менее, по возрасту ближе ко мне, чем все остальные участники этого повествования. Двух других волхвов зовут Анита и Гералд, и они подарили мне серебряный ключик и обручальное кольцо. Саймон сказал, что принесет свой подарок позднее. У меня такое ощущение, что он просто хочет поговорить со мной наедине. Мне этот Саймон кажется немного опасным, но в хорошем смысле этого слова.

Вчерашний день был очень насыщенным. Даже не знаю, с чего начать. В общем, Ева показала мне Адама – я прекрасно понимаю, что звучит это

так, словно я сошла с ума и меня пора положить в психушку, – еще я видела говорящую змею и испугалась так, что не описать. Потом пришли эти самые волхвы, и я впервые увидела Летти. Она постоянно что-то напевает себе под нос. Волхвы ошарашили меня новостью о том, что я Свидетель Начала Всех Начал. Я не сказала им, что уже знаю об этом от Евы.

Я, наконец, осмотрела свои руки. Может, в прошлой жизни я резала себе вены, точно сложно сказать. В общем, состояние рук меня слегка испугало. Может, даже к лучшему, что я ничего не помню о своей прошлой жизни, хотя периодически у меня случаются флешбэки или галлюцинации.

Я смотрю на океан, на приливы и отливы. Они напоминают мое собственное психическое состояние, потому что я то хочу жить, то мечтаю умереть. На самом деле чаще всего я вижу просто волны и точно не знаю, отлив сейчас или прилив. Интересно, когда ко мне зайдет Саймон? Может, сегодня, а может, и нет.

Она подумала о Саймоне и скинула одеяло, чтобы посмотреть на ногу, которую ей пересадили от другой девушки. Лили задумалась о том, кем была эта девушка и как жила. Нога была абсолютно функциональной, хотя кожа на ней была светлее ее собственной и с веснушками.

Вскоре появились женщины, одетые как монахини. Они помогли Лили с ее утренним туалетом, то есть с тем, чем обычно занимаются люди, проснувшись. Они молчали, улыбались и казались очень приветливыми. Когда женщины исчезли, появился Джон с завтраком. Лили порадовалась настоящей еде, правда, она показалась ей немного пресной и однообразной. Джон объяснил, что она на диете, потому что ее организм еще не окреп. Они вдвоем позавтракали, после чего Джон ушел, и она стала рассматривать зыбь на поверхности океана, каменистый пляж, прибой, а также растительность на берегу, где обнаружила деревья, обычно встречающиеся в совершенно различных климатических поясах.

Потом Лили делала гимнастику: напрягала и расслабляла мышцы всего тела, начиная с пальцев ног и заканчивая шеей. Ей предстояло заниматься этим шесть раз в день. После нажатия нескольких кнопок ее кровать превращалась в инвалидное кресло, в котором можно было передвигаться по комнатам. Силы постепенно возвращались к ней, но Лили не торопилась встать и попробовать ходить. «Всему свое время», – думала она.

В тот день Джон подготовил ей сюрприз. Лили въехала на кресле по небольшому подъему и оказалась на открытой площадке, расположенной

непосредственно над комнатой, в которой она жила. Впервые за долгое время Лили почувствовала тепло солнечных лучей. Площадка была небольшой, но вид с нее открывался прекрасный. Джон оставил Лили подышать свежим воздухом.

По периметру площадки шло ограждение. Лили решила не подъезжать к нему слишком близко. Она находилась достаточно высоко и боялась, что у нее закружится голова.

Лили развернулась так, чтобы послеобеденное солнце грело ей лицо и руки. Ветерок растрепал ее распущенные волосы, и она почувствовала себя свободной и почти счастливой, хотя обычно ощущала необъяснимую грусть. Неожиданно у нее возникло ощущение, что за ней наблюдают. Она вздрогнула и поморщилась. У нее было чувство, будто к ее руке прикоснулось что-то холодное, как лед. Она обернулась и увидела, что в пяти метрах от нее, около выхода на террасу стоит Саймон.

Высокий и худощавый, он был одет слишком тепло для такого погожего солнечного денька. На нем была белая, застегнутая на все пуговицы рубашка и красный галстук-бабочка. Белоснежность рубашки подчеркивала темноту его кожи. Девушка обратила внимание на то, что ветер обдувает ее со всех сторон, а там, где стоит Саймон, почему-то царит безветрие и полный штиль. Смотрел Саймон не на нее, а в другую сторону.

– Извини, не хотел тебя напугать. Не бойся, – произнес он неожиданно нежным голосом.

Она облегченно вздохнула:

– Ты действительно немного напугал меня. Я не слышала, как ты вышел на площадку... и поэтому очень удивилась.

– Я не люблю привлекать к себе излишнее внимание. Я все делаю тихо. А где Коллекционер? – спросил он, повернувшись к ней лицом и широко улыбаясь. – Куда подевался твой защитник и хранитель?

– Не знаю, – ответила она.

– Ну, может, это и к лучшему, что его здесь нет, – заметил Саймон. – Переговорим с тобой наедине, если ты, конечно, не возражаешь.

Лили едва сдержала улыбку. Она понимала, что совершенно не знает Саймона и с ним следует быть осторожной. Как она уже написала в своем дневнике, он показался ей опасным, но в хорошем смысле этого слова. Ей стало приятно при мысли о том, что он искал с ней встречи.

– Мне все равно, решай сам, – ответила она. – Если хочешь, можем позвать Джона.

Этот разговор был игрой. Она знала об этом и догадывалась, что и он тоже знает. Саймон улыбнулся, посмотрел в другую сторону, потом снова

на нее и только тогда ответил:

– Лилит...

– Лили, – поправила она, – меня зовут Лили.

– Да, конечно. – Он плотно сжал губы. – Главное здесь то, что тебя выбрали Свидетелем Начала Всех Начал, то есть очень важного события. Для меня большая честь с тобой познакомиться, что бы ни говорили все остальные.

– Каких остальных ты имеешь в виду? И что они говорили? – Ей были приятны лестные слова, но, тем не менее, она насторожилась.

Саймон смутился и быстро извинился:

– Прости, не хочу темнить. Все было сказано от чистого сердца, и все желали тебе добра.

– О ком ты говоришь?

– О них, о тех, что старше.

– А что они говорили?

– Ну, например, что ты ребенок. У меня же совершенно другое мнение на этот счет. Они справедливо отметили, что ты молода и у тебя мало опыта. Но я не об этом. Я согласен с ними в том, что ты еще сама не осознала важности происходящего, а также тех решений, которые тебе придется принять. Я считаю, что тебе надо будет помочь советом.

– И судя по всему, в качестве советника ты предлагаешь себя? – Лили почувствовала раздражение.

Саймон молчал.

– И почему моя особа кажется вам всем такой важной? – спросила она.

– Потому что в твоих силах изменить ход истории!

Это было весомое утверждение, и вел себя Саймон со всей серьезностью, подобающей тому, кто делает такое заявление.

– И к-к-как именно? – пробормотала она.

– Лилит, тебя выбрали Свидетелем Начала Всех Начал. Вспомни все, о чем тебе вчера говорили. Ты не только «фотограф», ты можешь участвовать в происходящем и изменить все. Буквально все.

Лили была настолько подавлена вселенским масштабом той роли, которую ей отводили, а также серьезностью последствий, что даже не стала поправлять Саймона, снова назвавшего ее чужим именем. Наконец-то до нее дошло, что дело очень серьезное. Если она может изменить историю, значит ли это, что она в состоянии изменить и свою жизнь? Если изменится что-то в Начале Всех Начал, то вполне вероятно, что изменится и ее настоящая жизнь.

Она на секунду представила открывающиеся перед ней возможности,

испугалась их масштаба и решила на эту тему пока не думать.

– Но я считала, что не могу вмешиваться в ход событий, – сказала она, а потом закрыла рукой рот в испуге, что наговорила лишнего.

– Не надо вмешиваться, надо участвовать, – поправил ее Саймон, оставив без внимания ее испуг. – И тут я готов тебе помочь. Господь обязательно сделает так, что ты поступишь мудро. Иначе зачем Ему ставить тебя в такую ответственную ситуацию? Только для того, чтобы ты напортила? Лилит, я в тебя верю. У тебя все получится.

Он поддержал ее и приободрил, что ей в ту минуту было совершенно необходимо. Лили сделала глубокий вдох и расслабилась. Он сделал по направлению к ней шаг, оставаясь при этом на расстоянии, которое казалось ей безопасным.

– И что я сейчас должна делать?

Саймон приблизился к ней еще на один шаг.

– Мы должны перевезти тебя в Подземелье. Мне кажется, что там безопаснее. Я бы советовал тебе полностью довериться своей интуиции. Тебя выбрали потому, что ты обладаешь определенными качествами. И еще – правильность твоих решений зависит от понимания, кто ты.

– Саймон, я не могу вспомнить, что со мной было раньше. У меня иногда бывают флешбэки, и все они очень страшные. – Лили произнесла эти слова и поняла, что сказала этому человеку то, что еще никому не говорила. – Как мне узнать свое прошлое и кто я такая?

– А вот в этом поможет подарок, который я тебе принес, – с этими словами Саймон вынул из кармана зеркальце с резной ручкой.

– Очень красивое, – сказала Лили и положила подарок себе на колени. – Откуда оно у тебя?

Саймон молчал, и было видно, что он колеблется. Потом его глаза потемнели.

– Оно принадлежало моей жене.

– Твоей жене? – Лили почувствовала, что жалеет этого человека и в то же время не желает принимать его подарок. Она протянула ему зеркальце: – Не могу его взять.

– Ты просто обязана его взять! – горячо настаивал Саймон. – Моя жена... в общем, она сейчас там, где гораздо лучше, чем здесь. Если бы она знала, кто ты, она бы сама тебе его подарила. Пожалуйста, я прошу тебя. Это непростое зеркало. Тем, кто знает его секрет, оно способно показать правду. Считается, что сила отражения в этом зеркале происходит от пруда, в котором Адам впервые увидел свое лицо. Пожалуйста, возьми его.

Лили заколебалась. Она подумала о том, что с тех пор как очутилась в

Прибежище, еще ни разу не видела в зеркале своего лица. Даже в ее собственной памяти не сохранилось воспоминания о том, как она выглядит. Лили бросила взгляд на Саймона, который одобрительно кивнул, подняла зеркальце и посмотрела в него.

В зеркальце она увидела что-то серое, похожее на гонимые ветром облака. С непониманием она перевела взгляд на Саймона.

Тот улыбнулся:

– Я же говорил тебе, что оно непростое.

Он положил ладонь на ее руку и потом взял зеркальце. Его пальцы были холодными, но прикосновение приятным, и она не отдернула руку.

– Видишь этот блестящий красный камень? – спросил он, и она внимательно посмотрела на оправу. – В том месте, где ручка переходит в раму? Надо приложить большой палец правой руки к этому камню, поднять зеркальце, и только тогда оно откроет свои секреты и покажет, кем ты являешься на самом деле.

Она приложила большой палец к камню.

– Постой, я должен тебя кое о чем предупредить. – Его тон был очень серьезным. Саймон снова положил ладонь ей на руку: – Будет немного больно. И правда бывает очень неприятной. Но ты сможешь выполнить свое предназначение, если только всем сердцем поверишь в то, что увидишь.

В этот момент над ними промелькнула тень. Саймон поспешно схватил зеркальце и спрятал в кармане пальто. Высоко в небе над ними пролетел орел.

– В чем дело, Саймон? Это всего лишь орел. Конечно, довольно большой...

– Это вор! – ответил он. – Они крадут отражения и складывают в своих гнездах. Меня такие существа бесят.

Они запрокинули головы и посмотрели вслед улетающему орлу. Как только птица исчезла, Саймон вынул зеркальце и передал его Лили. Потом снова поднял глаза и посмотрел на небо, чтобы убедиться, что птиц нет.

– Зеркальце надо хорошо спрятать и пользоваться им очень аккуратно. Его нельзя никому давать. Помни, оно принадлежит только тебе, и это очень важный подарок. – Он снова улыбнулся и достал из кармана матерчатый чехол. – Держи. Если положишь зеркальце в этот чехол, он станет точно такого же цвета, как и то, на чем он лежит.

Саймон взял зеркальце и положил его в чехол, который в его руках тут же стал прозрачным. Потом опустил его на плед, которым она была укрыта, и чехол, как хамелеон, приобрел расцветку ткани. Лили уже не видела ни

зеркальца, ни чехла, а только чувствовала их вес.

Девушка крепко сжала руку Саймона. По отношению к нему она испытывала самые противоречивые чувства. Этот молодой Ученый одновременно привлекал и отталкивал ее. С ним у нее не получалось вести себя спокойно и естественно, как с Джоном. Она не могла понять, почему этот Саймон вызывает в ней диаметрально противоположные чувства: страх и интерес, надежду и настороженность.

– Спасибо, – поблагодарила она. – Я хотела тебе кое-что сказать...

Лили уже собиралась рассказать о своих видениях, как вдруг услышала приближающееся посвистывание. Она повернулась и увидела, что на площадку выходит Джон, прикрывая ладонью глаза от яркого солнца.

Лили повернулась в ту сторону, где только что стоял Саймон, и не обнаружила его. Ученый исчез, словно сквозь землю провалился. Лили поспешно накрыла пледом зеркальце в чехле-невидимке, почувствовала, что краснеет, и подумала о том, что Джон, скорее всего, не заметит ее смущения, приняв румянец за солнечный загар.

– А, вот ты где! – воскликнул Джон. – Вижу, твои щеки порозовели, значит, солнце пошло тебе на пользу. Но настало время возвращаться внутрь. – Он посмотрел по сторонам и добавил: – Мне слышалось, что ты здесь с кем-то разговаривала.

Лили не хотелось врать, поэтому она решила отшутиться.

– Как думаешь, может, я разговаривала с Невидимыми? – спросила она и обвела вокруг себя рукой, как бы демонстрируя ему этих самых Невидимых.

Джон рассмеялся.

«Ведь я же не соврала, – пронеслась мысль в голове девушки. – Я высказала предположение, к которому он волен относиться так, как считает нужным».

– Понятно. Возвращаемся в дом? Сегодня будем ужинать с Учеными, а до этого тебе надо немного отдохнуть.

Они стали медленно спускаться. Лили сложила руки на пледе над тем местом, где у нее на коленях лежало зеркальце в чехле-невидимке. У нее было такое ощущение, что она получила подарок, но пока его не открыла. Что ж, она откроет и воспользуется им как-нибудь в другой раз.

– Джон, хотела попросить тебя об одном одолжении.

– Конечно, – сказал он.

– Можешь почитать мне о Райском саде?

– Конечно, могу. – Джон помолчал и потом спросил: – Почему вдруг

ты заинтересовалась этой темой?

– Думаю, эта информация поможет понять, почему я здесь оказалась и что мне делать. До недавнего времени я воспринимала историю Адама и Евы исключительно как сказку, и мне нужно знать, как она описана в Библии. Наверное, я хочу подготовиться к тому, что меня ждет.

– Хм, – произнес он.

Они вернулись в большой зал, и Джон ненадолго отлучился за Библией. Вернувшись, он сел с ней рядом и снова открыл книгу с конца.

– Где мы остановились? – пробормотал он.

Затем нашел нужное место и посмотрел на Лили. Она кивнула в ответ, давая понять, что готова слушать.

– Так совершенны небо и земля и все воинство их... – начал читать Джон из Книги Бытия.

Он читал и время от времени поглядывал на Лили, которая внимательно слушала. Несколько раз она останавливала его и просила еще раз прочитать ту или иную фразу или хотела, чтобы он прокомментировал ту или иную мысль.

Джон прочитал: «Господь Бог изгнал человека из Райского сада и поставил на востоке от сада херувимов и вращающийся пламенный меч, чтобы охранять путь к Дереву жизни» – и закрыл книгу.

– Вот это да! – сказала Лили хриплым голосом. – Мне кажется, в таких подробностях я никогда не слышала этой истории. Она красивая и грустная.

– Хочешь, обсудим это? – спросил ее Джон и отложил в сторону Библию.

– Не сейчас, я устала, и мне хочется немного отдохнуть. Отвези меня, пожалуйста, в мою комнату.

Джон кивнул, встал и отвез ее туда, куда она просила.

– Я зайду за тобой, когда все соберутся к ужину. Довольно скоро.

– Можно один вопрос? – спросила девушка.

– Конечно, можно, – улыбнулся Джон. – Без последнего вопроса наш разговор остался бы незаконченным.

– Ты тоже был Свидетелем?

Джон очень удивился:

– Лили, даже не представляю, как ты узнала.

– Кто-то сказал об этом, когда я еще пластом лежала. Я не подслушивала, просто так получилось.

– Все в порядке, не переживай. Да, я действительно был Свидетелем.

– Свидетелем чего? Начала Всех Начал?

– Нет, Новых Начал. Я был Свидетелем того, как Вечный Человек пришел вторым Адамом.

– Вторым Адамом? – воскликнула она и покачала головой. – Расскажи мне потом об этом. Ты знал, что тебе делать, когда был Свидетелем?

– Послушай, вместо одного ты уже задала пять вопросов. – Джон рассмеялся. – Да, я знал, что являюсь Свидетелем, и знал, что мне надо научиться доверять. В общем-то, все сводилось к тому, что мне надо было реагировать на определенные события, что я и делал. Некоторые говорят, что сделал я все не самым лучшим образом, но если бы мне дали возможность пережить это снова, я бы ничего не изменил.

– А ты изменил мир, Джон?

– Да, изменил, – ответил он. – Именно в этом смысл того, что делает Свидетель.

После чего Джон вышел и закрыл за собой дверь.

Лили вынула из-под пледа зеркальце и посмотрела в него. В зеркале, как и прежде, был плывущий серый туман. Ей очень хотелось узнать о себе правду, но она боялась.

«Может быть, вообще не стоит знать, кто я такая?» – подумала она.

Лили подкатилась на своем кресле к комоду, открыла верхний ящик и положила зеркальце рядом с другими подарками: кольцом Гералда, ключом Аниты и дневником Джона. Она решила не торопить события и подождать. Пусть ее собственное отражение пока останется для нее тайной.

Вскоре Джон постучался в дверь ее комнаты и отвез Лили на ужин. На столе стояли блюда с жареным мясом и овощами, их запах приятно щекотал нос. Однако девушке на тарелку положили безвкусную еду, приготовленную из злаков и трав. Она не стала настаивать, чтобы ей дали то, что едят остальные, потому что ее ум был занят совершенно другим.

Она почувствовала появление Саймона еще до того, как он вошел в комнату. Саймон был в том же костюме, что и при их последней встрече, и на его шее красовалась ярко-красная бабочка.

– Помнится, однажды я знал человека, который носил бабочку, – сказал Джон. – Это был персонаж по имени Ревизор.

– У тебя был друг по имени Ревизор? – спросила Лили со смехом.

– Не буду утверждать, что он был мне близким другом, – ответил Джон. – Скажем так: это был друг, общества которого я долго избегал.

– Друг, который стремился модно одеваться, – уточнил Саймон, и они вместе с Джоном громко рассмеялись.

– Если честно, – заметил Джон, – я никогда не понимал, для чего

нужен такой предмет одежды, как бабочка. Мне она кажется немного вычурной. Не на тебе, Саймон, на тебе бабочка смотрится вполне естественно.

Лили показалось, что в разговоре мужчин есть какой-то скрытый подтекст. Она попыталась угадать, какой именно, но ничего из этого не вышло.

Во время обеда Лили несколько раз посматривала на Саймона, но он не удостоил ее взглядом. Саймон вел себя так, как будто их разговора на открытой площадке и не было. Лили не могла понять такого поведения. Неужели она обманулась, считая, что между ними возникла какая-то связь?

После ужина Лили сказала, что хочет вернуться в свою комнату, и Джон проводил ее. Вскоре появилась ночная сестра и помогла сделать все необходимое перед сном. Лили попросила не опускать спинку кровати, а оставить ее в поднятом положении.

Оставшись одна, девушка подъехала к комоду и открыла верхний ящик. Она поочередно потрогала лежащие в нем подарки. Ее рука на некоторое время застыла над ящиком, где лежало невидимое, спрятанное в чехол зеркало. Потом Лили взяла дневник, ручку и начала писать.

Не могу сказать, что в моей жизни все стало проще и понятней. Саймон встречался со мной на площадке, которую я окрестила Террасой замка и которая расположена на крыше Прибежища. Он просто чудом разминулся с Джоном. Мне нравится Саймон и не нравится хранить секреты и кое-что скрывать от Джона. Если вдуматься, я поступаю по отношению к Джону неправильно... поэтому я стараюсь не вдумываться. Плохая отговорка.

Саймон принес мне подарок – волшебное зеркальце, которое покажет, кем я являюсь на самом деле. Впрочем, я им еще не пользовалась. Во-первых, мне страшно, и, во-вторых, просто не было удобного случая. Что же еще... За ужином Джон с Саймоном говорили о каком-то таинственном приятеле по имени Ревизор. Вокруг и без того достаточно людей с именами-профессиями, которые приходится писать с большой буквы. Как выяснилось, этот Ревизор совсем не приятель Джона, а скорее наоборот.

У меня такое чувство, что мои приключения только начинаются. Мне кажется, что Саймон мне поможет, и я смогу сделать то, что от меня требуется. Анита и Гералд кажутся мне приличными и порядочными людьми, и я очень надеюсь, что Хан-эль действительно существует. Я никому не рассказываю о своих видениях, о Вечном Человеке, Адаме и Еве, а

также о том, что видела рождение Адама. Я скучаю по Еве и надеюсь, что она ответит на некоторые из вопросов, которые у меня возникли. А может быть, я просто медленно схожу с ума.

Лили захлопнула дневник и нажала большим пальцем на пряжку. Потом подумала о том, что дневник открывается и закрывается нажатием большого пальца левой руки на пряжку, а зеркальце начинает работать только тогда, когда приложишь к камню большой палец правой руки.

В комнате неожиданно разлился запах полыни и специй. Казалось, что где-то совсем рядом жгут благовония. «Странно», – подумала девушка и положила дневник с ручкой обратно в ящик комода.

Однако что-то действительно было не так, как обычно. Лили показалось, что комната перед ее глазами плывет, а она сама теряет равновесие. Вокруг появилась поволока тумана, и ей послышалось, что где-то рядом раздается монотонное бормотание Летти.

Лили была готова закрыть комод, как вдруг из темноты ящика показалась змея. Лили вскрикнула и инстинктивно закрыла лицо рукой. Змея сделала выпад, и ее клыки впились в руку девушки чуть выше запястья. Лили вскрикнула еще раз. Гадина выползла из недр ящика комода, обвила кольцами тело девушки и стала стаскивать с кресла на пол.

Голова с раскрытым капюшоном была на уровне лица Лили. Змея была готова снова укусить ее, как вдруг комната наполнилась ярким светом, и дверь открылась. Лили услышала голоса. Она не могла пошевелить и пальцем и чувствовала себя так, словно ее парализовало.

В комнату вбежали Джон, трое Ученых и Летти. Джон что-то громко кричал, отдавая указания.

– Это не приступ! – услышала она взволнованный голос Джона. – Это что-то совсем другое. Не поднимайте ее и не трогайте до тех пор, пока ее не осмотрит Хилер. – Джон склонился над девушкой: – Лили, ты меня слышишь? Ты можешь открыть глаза?

Лили была не в состоянии двигаться, но ощущала прикосновения Джона, слышала его голос, и уже это ее успокаивало.

– Судя по твоим слезам, ты меня слышишь, Лили, – быстро проговорил Джон. – Мы здесь, ты в безопасности, так что не волнуйся.

– Что случилось? – послышался голос Аниты.

– Непонятно, я не знаю, – ответил Джон. – Летти прошла сквозь эту стену и закричала, что в Прибежище кто-то проник, а потом исчезла со вспышкой света. Мы услышали крики Лили, вбежали и увидели, что она лежит на полу без движения. Ничего в комнате, вроде, не пропало.

– Мы готовы переложить ее на кровать, – услышала Лили незнакомый голос. – У нее резко понизилась температура тела, надо что-то срочно делать.

Лили не чувствовала ничего, ей казалось, что она парит в невесомости. Кроме этого, было ощущение, что она под наркозом. Но постепенно чувства стали к ней возвращаться, и она ощутила боль в том месте, где ее укусила змея. На запястье отчетливо виднелись красные ранки. «Почему укуса не видит никто, кроме меня?» – подумала девушка.

– Саймон, верхний ящик комода открыт. Посмотри, пожалуйста, что там, – попросил Джон.

– Там только книга, похожая на дневник, – слышался голос Саймона через несколько секунд. – И эта книга закрыта так, что не откроешь.

– И все? Больше ничего там нет?

– Нет, больше ничего.

«А где же мои подарки? – подумала Лили. – Где кольцо, ключик и зеркальце?»

Она ощутила, что ее сердце бьется чаще. Рука в месте укуса болела все сильнее и сильнее. Девушке показалось, что от укуса по всему телу медленно распространяется яд. Она испугалась, захотела закричать, но не смогла произнести ни звука.

– Мы ее теряем, – раздался чей-то голос. – Летти!

Комната озарилась яркой вспышкой света, и потом в глазах девушки все померкло.

Глава 9

Тень

Когда Лили медленно открыла глаза, она чувствовала себя так, словно была парализована. Девушка стояла на опушке спиной к стенам Райского сада. Перед ней стоял Адам и смотрел на змею. Змея же смотрела на Лили, словно между этим моментом и предшествующим не было и секундной паузы. Укушенное запястье пульсировало от боли, но тяжесть руки Евы помогала с ней справиться.

– Мы должны это остановить! – прошептала Лили сквозь стиснутые зубы. – Сейчас произойдут очень неприятные вещи.

Змея высунула язык и попробовала им воздух, словно что-то искала. Лили придвинулась еще ближе к Еве.

– Нет! – твердо ответила Ева. – Время еще не пришло.

Потом пресмыкающееся снова переключило свое внимание на Адама.

– Раз ты сын Господа, – с уважением проговорила змея, почтительно склонив голову, – я слушаюсь тебя и повинуюсь.

Адам от неожиданности сел на землю. Лили знала, что его раздрают противоречивые чувства.

– Ты умеешь говорить? Как так вышло? – спросил с интересом Адам.

– Говорить умеет все мироздание, – ответила змея. – Может быть, со временем, когда ты повзрослеешь, я поделюсь с тобой своей мудростью. Именно знания откроют тебе глаза, чтобы ты видел, и уши, чтобы ты слышал.

– Ты не из Райского сада? – Адам показал рукой в сторону стены энергии. – Вот там-то есть знания. Там у нас есть Древо познания.

– У вас есть Древо познания? Ну, это хорошо. Потому что со знанием приходит владение, или царство, – отвечала змея. – Меня точно так же, как и тебя, создали за стенами Райского сада...

– Как и меня? – Адам громко рассмеялся, а с ним и Лили, потому что оба не понимали, к чему клонит змея. – Мне казалось, ты не знаешь, кто я, но при этом ты знаешь, что я родился не в Райском саду?

– Все мироздание свершилось за пределами Райского сада. Твое дыхание и жизнь, может быть, и от Бога, но моя мудрость – от самого мироздания, и оба мы созданы из одинаковой грязи. Потом ты оказался в саду.

– А тебя в Райский сад не пустили. В тебе есть смерть? – спросил Адам существо.

– Во мне нет ни жизни, ни смерти, молодой Адам. Я сильнее и умнее всех диких существ, но и я являюсь частью Божественного мироздания.

– Она врет! – прошипела Лили.

– Нет! – прошептала Ева. – До тех пор, пока сам Адам не солжет.

Лили видела, что Адама очень заинтриговало новое знакомство. Это было дикое существо, с которым он мог общаться на одном языке. Ему это нравилось, и его это вдохновляло.

– А почему ты никогда не была в Райском саду? – спросил он.

– Твое царство – это Рай. Мое царство – это все остальное мироздание.

Адам задумался.

– Адонай говорил мне о том, что я расширю Райский сад, в который войдет все мироздание.

– Я вот зачем все это делаю: я хочу помочь тебе строить царство.

Лили прекрасно поняла, что Адаму все это показалось прекрасным, и он увидел возможность получить союзника среди других существ мироздания.

– А таких, как ты, еще много? – поинтересовался Адам.

– Таких, как я, вне Райского сада много. А таких, как ты, в Райском саду много?

В вопросе змеи не было и намека на осуждение, и Лили почувствовала, что Адам очень сильно удивился. Он опустил глаза к земле и долго не отвечал существу.

– Нет, таких, как я, больше нет, – признался наконец Адам, и в его голосе чувствовалась грусть. – Сегодня вечером я поговорю о тебе с Адонаем, попрошу, чтобы Он тебя к нам пригласил.

– Скажи мне, раз Райский сад – твое царство, разве ты не имеешь права самостоятельно приглашать тех, кого захочешь? Отбрось детские слабости, покажи собственную силу! Может быть, все происходящее – это проверка того, насколько ты вырос, может быть, это только для того, чтобы ты начал вести себя как сын Господа, потому что ты, на минуточку, единственный Его сын?

Адам нахмурился. Он подошел к змее так близко, что их глаза разделяли буквально несколько сантиметров.

– Я рожден от вечного Адоная, и я буду жить вечно! – Голос Адама звучал неубедительно, будто он сам себя уговаривал. – Во мне искра Божественного дыхания.

– Господь не один.

– И я не один! – прокричал Адам, но Лили заметила, что семена упали на удобренную почву.

«Я никогда не был один. Я верю в Любовь и Мир Адоная. Я – сын Их наслаждений», – думал Адам.

Лили чувствовала, как растет напряжение Евы и та все крепче сжимает ее руку. Это удивляло девушку. Женщина приблизила свои губы к ее уху и прошептала:

– А вот сейчас время пришло. Один из нас должен найти Адоная и рассказать Им, что происходит.

– Но разве Они этого не знают? Разве Они здесь не присутствуют?

– Да, но мы-то тоже здесь! И наше участие имеет значение. Лили, пойдй найди Адоная.

Тут между ними как будто что-то изменилось. Словно послышалась неожиданная мелодия в хорошо знакомой песне.

– Ты не веришь мне? Не хочешь оставлять меня одну с Адамом? – спросила Лили.

– Я верю Адонаю, – ответила Ева.

Лили ощутила разочарование. Она не могла с ней спорить, но при этом чувствовала, что Ева ее оттолкнула.

– Я остаюсь с Адамом, – решила Лили, и тут же укушенная рука снова заболела.

Адам умолк. Впервые за всю свою жизнь он почувствовал себе немного, совсем немного одиноким. Лили было прекрасно знакомо это чувство, и она ощущала его боль. Адам повернулся и, опустив голову, пошел прочь.

– Перед тем как ты уйдешь, я хочу сделать тебе подарок, – произнесла змея.

Адам остановился и обернулся. Змея вытащила из травы шар, сплетенный из коры и стеблей осоки, и бросила его к ногам молодого мужчины.

– Что это? – спросил Адам и поднял шар.

– Вынимай его оттуда, как зверя из норы. Это называется лезвие или нож, и у этого ножа есть имя: Мачиара.

Лили узнала этот нож и тут же отпрянула. Это был тот самый нож, которым херувим перерезал пуповину, соединявшую Адама с землей. Адам вынул лезвие из ножен, блеснувшие косые лучи солнца ослепили его, он не удержал нож, который упал на землю, порезав до крови его ладонь.

– Что это еще за подарок?! – вскрикнул от боли Адам, глядя на струйку крови. Он с ненавистью уставился на змею: – Что это ты мне подарила?

Боль?

– Этот подарок принес тебе жизнь. Мачиару использовали всего один раз.

– Для чего? – спросил Адам.

– Чтобы отрезать сына Господа от пуповины мироздания.

– Но ведь я и есть сын Господа, – произнес Адам.

Змея приблизилась к Адаму:

– У тебя и тогда шла кровь. Твоя жизнь в твоей крови, молодой сын Бога.

– В моей крови! Тогда меня можно убить этим ножом, – сказал Адам и замазал рану глиной, чтобы остановить кровь. – Ты хочешь сказать, что живая кровь в состоянии уничтожить смерть? И в этом ноже заключена загадка жизни и смерти?

– Такие слова может произносить только сын Господа. У тебя есть свое царство. Ты сам решишь эту загадку и узнаешь смысл ножа. – Змея дотронулась раздвоенным языком до щеки Адама. – Если, конечно, ты этого достоин.

Лили почувствовала, как Адам начал думать о своем полном одиночестве и как ему захотелось доказать, что он достоин. Девушка уже мечтала о том, чтобы рядом с ней оказалась Ева.

– Я достоин?

– Ты, – змея отползла, – раньше ты и мы были одним целым, но Мачиара тебя отсек и отделил. Сейчас получается, что ты совсем один и находишься в странном положении: ты не Бог, и ты не мироздание. Иди вкуси плодов с Древа познания и возвращайся, когда станешь достойным.

– Вот этого я не могу сделать, – ответил молодой человек.

Змея молчала. Адам засунул нож в ножны и, не говоря больше ни слова, развернулся и пошел в сторону Райского сада. Лили смотрела ему вслед.

– Кто ты и что тут делаешь? – слышался голос змеи из-за спины девушки.

Лили ощутила страх, и ей не хотелось поворачиваться к змее лицом. Она чувствовала, как яд от укуса распространяется по ее руке и всему телу. В ушах гудело. Тем не менее, у отчаяния, которое она ощущала, был легкий сладкий привкус. Словно она услышала страшную мелодию в глубинах морских вод. Лили уже была готова полностью отдаться очарованию этой мелодии, как почувствовала, что ее крепко схватили две знакомые руки. Она посмотрела вверх и увидела лицо Евы.

– Тише. Лили, послушай меня. Змея не может четко тебя видеть, ты

для нее размытый силуэт, но каким-то образом она знает, что ты здесь, – прошептала она. – Пора идти. Следуй за мной. – С этими словами Ева за руку увела Лили за собой в Райский сад.

– Мы от нее ушли? – спросила девушка, когда они отошли от змеи.

– Да!

Лили остановилась и отдернула от Евы свою руку.

– Ева, где ты была? Ты оставила меня наедине с этой тварью. И где Адонай?

Ева сделала удивленное лицо:

– Лили, я ни на секунду от тебя не отходила. Разве ты меня не видела?

– Нет, я думала, что осталась одна. Мне казалось, что ты меня бросила. – Девушка опустила голову и заплакала. – Мне было так страшно. Все это было просто ужасно.

– Лили, тебе пришлось пережить не только свои собственные страдания, но и страдания Адама. Дорогая, ведь ты моя дочь. – С глубоким вздохом Ева обняла девушку. Голос Евы был хриплым от переполнявших ее чувств. – Лили, ты ощутила отчаяние Адама, потому что он решил, что он один. Ты действительно дочь своего отца.

– Что произойдет сейчас? – спросила Лили. Она чувствовала себя совершенно опустошенной.

– Сегодня вечером мы будем наблюдать первую Великую грусть.

Ева оказалась права. В тот вечер Лили не увидела былой радости в глазах Адама при встрече с Господом. Что-то в их отношениях незримо переменилось, и Адам замкнулся и ушел в себя. Он впал в мрачную задумчивость. Несмотря на то что шли они, взявшись за руки, казалось, что и Элохим тоже погружен в свои мысли. Когда ветер трепал волосы Адама, тот, наверное, думал, что это всего лишь прозаичный, обычный ветер, а не чудо природы. Адам решил, что он один, и подозрение поселилось в его душе.

Адам ничего не рассказал Адонаю о своей встрече со змеей, и Лили понимала, почему он этого не сделал. Теперь и Адонай, и сам Адам что-то скрывали друг от друга. Да, действительно, она была настоящей дочерью своего отца.

– Скажи мне, – спросил Адам после долгого молчания, – будешь ли Ты, как прежде, любить меня, если во мне, в моей душе появится темнота?

– Я люблю тебя бесконечно и безоговорочно. Моя любовь никак не связана с тем, есть ли в тебе темнота или что-либо другое, – ответил Адонай и крепко сжал руку Своего сына.

– Скажи мне, Ты отвернешься от меня, если я отвернусь от Тебя?

– Я никогда этого не сделаю, сын Мой. Я никогда тебя не покину.

Адам немного успокоился. Больше они не сказали друг другу ни слова. Когда Адам заснул в объятиях Вечного Человека, тот громко заплакал.

– Началось, – произнес Господь, – пришла Грусть, которую он испытывает перед тем, как от Нас отвернется.

И это не есть хорошо, – произнес Господь. – Впервые с момента мироздания это не есть хорошо. Адам решил, что он один и ему не нужна любовь, которая его питает. До того как Адам от Нас отвернется, Мы создадим из него другого человека, с которым он будет общаться лицом к лицу.

– Когда он проснется утром, – прошептал Божий ветер, – мы начнем наречение.

Лили почувствовала беспредельное отчаяние, и душа ее разрывалась на части.

– Все потеряно, не так ли? – прошептала она своей матери.

Вдруг сзади появились две руки и обняли ее с Евой. Даже не оборачиваясь, Лили поняла, что это Адонай – от прикосновения рук Господа ее отчаяние бесследно исчезло. Адонай появился в ее душе и прогнал темноту.

– Лили, Я нашел тебя и никогда не оставлю, – прошептал Адонай. – Не оставлю никогда.

Когда Лили проснулась в своей комнате в Прибежище, у нее все еще было ощущение, что Ева сжимает ее руку. По небу в окне она поняла, что скоро наступит рассвет. Девушка подумала о том, что не представляет, сколько дней и ночей она спала. Джон прикорнул в кресле рядом, и она улыбнулась, увидев, что он держит ее за руку. Некоторое время она лежала без движения и в полной тишине, вспоминая свое видение.

Лили вынула руку из ладони Джона, и тот проснулся.

– Ну, вот ты и снова с нами, – просипел он спросонья. – С тобой, Лили, не соскучишься. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Немного жарко.

– У тебя была слишком низкая температура, причины которой мы так и не смогли установить. – Джон встал и поправил рубашку. – Ты помнишь, что с тобой случилось вчера?

– Помню. Меня укусила змея.

Джон поднял брови от удивления:

– Змея? Здесь, в Прибежище? Куда она тебя укусила?

Лили протянула ему правую руку, чтобы тот увидел две красные ранки

от укуса. Джон внимательно осмотрел ее руку, потом поправил лампу, чтобы свет падал так, как ему нужно, и снова осмотрел.

– Я тебе верю, но не вижу никакого укуса.

– Как не видишь? Вот он, – и она показала на красные пятна за запястье.

Джон прикоснулся к ним, и она поморщилась от боли. Затем посмотрел на нее, и она заметила, что он сильно побледнел.

– Это совсем не дело! – произнес Джон. – Летти говорила, что в Прибежище кто-то проник, но я не представляю, как это могло произойти. – Он повернулся в сторону двери, чтобы выйти, но потом остановился. – Я должен сообщить об этом Ученым. Находиться здесь уже не безопасно, поэтому придется перебираться в Подземелье.

– В Подземелье?

– Это самое безопасное место на острове. А где была змея, которая тебя укусила?

Лили показала на комод:

– В верхнем ящике.

– А там были какие-нибудь вещи?

– Подарки от Ученых. И дневник, который ты мне подарил.

– Дневник на месте, а вот все остальное исчезло. – Джон задумчиво провел рукой по бороде. – Странная история.

Джон всегда точно знал, что делать, но сейчас явно пребывал в замешательстве. Лили почувствовала его настроение и поморщилась. Джон заметил реакцию девушки, и выражение его лица моментально изменилось.

– Не волнуйся, – уверенно сказал он и взял ее за руку. – Мы с Учеными не дадим тебя в обиду. Ты нам очень нужна. Ты мне веришь?

Верит ли она ему? Она закрыла глаза и задумалась. «Возвращаясь, когда станешь достойным», – кажется, так говорила змея Адаму.

В ответ на вопрос Джона она кивнула.

Джон вышел из комнаты, в которую сразу же вошли сиделки и медсестры и помогли Лили с утренним туалетом. Они старались не трогать ее за запястье правой руки, но укуса тоже не видели. Когда Лили спросила их об этом, в ответ ей отрицательно покачали головой.

Оставшись одна, Лили подъехала к комоду и медленно приоткрыла верхний ящик, готовая в любой момент его задвинуть.

Как ей уже сказал Джон, в ящике лежал только ее дневник. Девушка вынула его и положила на комод. Она провела рукой по дну ящика и обнаружила, что невидимое волшебное зеркальце все еще там. Девушка достала зеркальце, подъехала к двери и развернула к ней кресло спинкой,

чтобы никто не мог войти.

Она вынула зеркальце из чехла-невидимки и почувствовала, как его ручка пульсирует в ритм ее сердцу.

– Достойна ли я быть любимой? Или все, что меня ждет, – это смерть?

В зеркальце, как и прежде, был сплошной туман. Лили с опаской приложила большой палец к красному камню на ручке.

– Ой! – вскрикнула она и отдернула руку.

Камень проколол ей палец и быстро впитал каплю крови. Сразу после этого туман в зеркальце исчез, и Лили увидела совсем не то, на что надеялась.

В зеркальце отразилось лицо молодой девушки с кожей, похожей на треснувший фарфор. Большая его часть была скрыта за кружевной паранджой, сшитой словно из изъеденной молью ткани. Зрелище было ужасным и отталкивающим. На Лили смотрела девушка, чье лицо уже невозможно было поправить никакими пластическими операциями. Один глаз злобно сверкал, другой – словно стыдился лица, на котором находится. Губы искривились в намеке на чувственную улыбку.

Лили с ужасом бросила зеркальце на колени, и стекло снова заволокла туманная дымка. Неужели она так страшна? Неужели она – чудовище?

Лили снова взяла зеркало и на этот раз совершенно спокойно перенесла укол камня, впитавшего каплю ее крови. Потом внимательно осмотрела свое отражение, чтобы окончательно и бесповоротно прийти к выводу о том, что это лицо ужасной шлюхи, бесполезного и уже никому не нужного человека, что это товар с просроченной датой. Она увидела свое настоящее лицо, маска спала, и она узнала, кем является на самом деле. Лили почувствовала себя одинокой и несчастной. Она принялась рыдать в подушку, чтобы никто ее не услышал.

Затем засунула зеркальце в чехол, бросила в ящик комода и увидела, как оно исчезает на ее глазах, становится прозрачным и неотличимым от деревянной поверхности.

Лили умылась и привела себя в порядок, после чего направилась в соседнюю комнату. Там было пусто, и девушка порадовалась тому, что ее никто не видит. Она посмотрела в окно на залитый солнцем берег и подумала о том, что внутри нее бушует буря. Ей захотелось разбить окно и выброситься вниз. Поймает ли ее Адонай, если она решит таким образом покончить с собой? Девушка подумала о том, что окружающие заботились о ней только из жалости или потому, что им было от нее что-то нужно. Если бы они знали, какой она является на самом деле...

Однажды Джон показал ей, что в окнах стоит не стекло, а прозрачный и эластичный материал, который растягивается от давления, как стенки резинового воздушного шарика. Такие «стекла» ей не сломать. Но наверху, на террасе можно выброситься вниз, если перелезть через ограждение по краю площадки.

Джон также показал, что нажатием кнопки стекло в окнах превращается в огромное зеркало. Лили нажала эту кнопку и увидела свое отражение, которое оказалось таким же, как и то, что она наблюдала в волшебном зеркале. Ее глаза были слишком далеко посаженными, нос слишком широким, кожа – отвратительной, а тело болезненно худым. Лили внимательно осмотрела и запомнила недостатки своей внешности. Все то, что она увидела, подтвердило ее самые страшные догадки, а именно, что она – ничто и никто, человек, не достойный ни жалости, ни уважения.

Она услышала шаги за спиной и переключила окна с зеркального на нормальный режим.

К ней подошел Саймон.

– Я решил заглянуть, чтобы узнать, как у тебя идут дела, – сказал он.

– Я посмотрела в зеркальце, – выпалила Лили. – Ничего страшнее в жизни не видела.

– Сочувствую.

Он подошел ближе и положил руку ей на плечо. Лили дернулась и сбросила его ладонь.

– Я хотел предупредить, что ничего красивого в зеркальце ты не увидишь и что тебе будет больно.

– Больно не то слово. Просто ужас, кошмар, – пробормотала Лили. – Я не человек, а монстр.

– Лилит, – начал он, пододвинул к ней кресло и сел. – Ты увидела правду, ты увидела свое настоящее лицо. Теперь ты понимаешь, почему Господь сделал тебя Свидетелем. Именно потому, что ты такая, какая есть. И это дает тебе возможность выполнить свою миссию и предназначение Господа.

– Я и подумать не могла, что мои дела окажутся настолько плохими, – сказала она, но он ничего ей не ответил. – Я не понимаю, мне что, надо быть благодарной или радоваться тому, что Господь сделал меня такой уродиной для каких-то своих, мне неизвестных целей? Такое ощущение, что меня использовали как могли, а потом бросили.

– Так возьми судьбу в свои руки, – ответил Саймон после долгого молчания. – Принимай свои собственные решения, сделай свой собственный выбор. Измени ход истории. Сделай это не для кого-нибудь, а

для себя самой. Мне кажется, ты и есть тот человек, которого все мы ждали. Ты в состоянии изменить Начало Всех Начал.

– Как я могу изменить Начало Всех Начал, когда я даже не в состоянии управлять своим собственным телом? – сказала Лили с раздражением в голосе.

День еще не успел начаться, а она уже чувствовала себя уставшей и измотанной. Правая рука болела все сильнее и сильнее.

– Ты Свидетель и, значит, можешь изменить Начало Всех Начал. Ты должна остановить Адама!

– Остановить Адама? Как именно? – спросила она.

– Грех в нашем мире появился из-за Адама. – Саймон словно цитировал наизусть какой-то текст. – Ты должна остановить Адама и сделать так, чтобы он не отворачивался от Господа.

– Сделать так, чтобы Адам не отворачивался от Господа? – Она покачала головой: – Мне кажется, уже слишком поздно.

– Перестань! – воскликнул он. – Еще не поздно!

– Ах, вот вы где! – В комнату вошла Анита.

Саймон быстро отдернул руку от девушки и встал.

– Я тебя искала, Лили, и нашла в обществе Саймона.

Лили была рада видеть Аниту.

– Джон сказал, что нам надо уходить в Подземелье, и я хочу узнать, готова ли ты. Саймон, Джон просил передать, чтобы ты тоже спускался с нами.

– Спасибо, это большая честь, – ответил Саймон. – Надеюсь, Лили, ты не будешь возражать?

Она кивнула, даже не посмотрев на него.

– Чем больше людей, тем веселее. – Анита повернулась к девушке: – Перед выходом, Лили, тебе надо что-нибудь съесть. Как, кстати, ты себя чувствуешь?

– Чувствую я себя не очень, но буду рада побыстрее убраться туда, где меня не достанет эта змея.

– Я тебя прекрасно понимаю. Я всегда к змеям относилась с большой опаской.

Анита встала за креслом Лили и покатила его в сторону кухни. Оставшийся в комнате Саймон не отрывал взгляда от окна.

– Спасибо, я наелась, – произнесла Лили и отъехала от стола.

Ученые тоже позавтракали и утерли рты. Джон о чем-то думал и даже не прикоснулся к своей тарелке.

– Тебя что-то гнетет? – спросила его Лили, пока Ученые убирали со стола.

– Не гнетет, скорее немного волнует. Что-то здесь не так, и я не могу понять, что именно. Мне не нравится, когда от меня что-то скрывают.

– Твое беспокойство имеет ко мне какое-либо отношение?

– Нисколько, – улыбнулся он. – Не думаю, чтобы это имело к тебе какое-либо отношение. Мне кажется, дело во мне самом и в том, кому я в этой жизни доверяю.

– Значит, все дело в доверии? – спросила она и шутливо шлепнула его по руке. Ей хотелось, чтобы он не был таким задумчивым и развеселился. – Ну, мне-то ты веришь?

– Верю!

Ее поразила и подкупила его уверенность.

– Почему?

Джон посмотрел ей прямо в глаза:

– Только потому, что ты такая, какая есть.

Ее игривое настроение улетучилось, будто его и не было.

– Я всего лишь то, что волны прибили к этому берегу, – сказала она.

– Не нужно о себе так. – Джон смотрел ей прямо в глаза: – Я говорю не о том, что ты сама о себе думаешь, а о том, кем являешься на самом деле.

«Мне прекрасно известно, кто я», – подумала девушка. Интересно, будет ли Джон продолжать ей верить, если узнает, что у нее есть от него секреты? Ей стало стыдно из-за собственной двуличности и вранья.

Она была почти готова рассказать Джону то, что от него скрывала, но тут в разговор вступил Гералд:

– Так, значит, мы направляемся в Подземелье, а не в Библиотеку?

Казалось, что Гералд чем-то сильно расстроен.

– До Библиотеки доберемся как-нибудь в другой раз, – успокоил его Джон.

– А где именно находится это самое Подземелье? – поинтересовалась Лили.

– Под Прибежищем, на дне океана, – ответил ей Джон. – Нам потребуется два часа, чтобы туда спуститься. Там есть спальни, еда и все необходимое для жизни.

– И как долго мы там пробудем?

– Решим по ситуации. По меньшей мере, несколько дней, – ответил Джон. – Мы должны быть уверены в том, что в Прибежище безопасно. В Подземелье ты сможешь свидетельствовать о том, что испытала, видела и слышала. – Он усмехнулся: – Поверь мне, как только ты попадешь в

Подземелье, тебе не захочется оттуда уходить. Это очень хорошее место, несмотря на мрачноватое название.

– Тогда вперед, – сказала Анита, и ее коллеги-ученые дружно кивнули.

Все разошлись по своим комнатам, чтобы собрать в дорогу вещи. У Лили было мало вещей – туалетные принадлежности, смена одежды, дневник, ручка и, конечно, волшебное зеркальце. Она подумала о том, что ее кольцо и ключик, возможно, куда-нибудь завалились, но у нее не хватило смелости провести рукой в дальних и темных углах ящика. Джон сказал ей, что ничего, кроме дневника, в комодке не было, и она ему верила. Ей было неприятно, что она потеряла два подарка, и девушка подозревала, что случилось это по ее собственной вине, правда, непонятно, что именно она сделала неправильно.

Она открыла дневник и быстро написала в нем несколько строк.

Не буду писать о том, что увидела в зеркальце, подаренном Саймоном. Просто не могу. Скоро мы с Джоном, Анитой, Гералдом и Саймоном отправимся в таинственное Подземелье. Как я поняла со слов Джона, вчера вечером от змеи меня спасла Летти. Я всегда чувствую себя спокойно, когда она поблизости, хотя Летти может быть довольно ворчливой. Запястье очень болит. Странно, что никто не видит следов укуса. Мы отправляемся в Подземелье, потому что Джон мне верит. А может, это и не так, и он мне не верит.

Я без особой радости спускаюсь в Подземелье, возможно, потому, что никому, включая Саймона, не поведала своих секретов. Интересно, что они скажут, когда узнают, что я уже давно Свидетель и много чего видела? Может ли мое вранье как-то негативно повлиять на все происходящее? Почему я не раскрываю никому свою душу? Джон мне верит, и я не думаю, что он кривит душой, когда это говорит. Судя по всему, я умею обманывать людей. Как-то так. Ну, все, мне пора.

Глава 10

Спуск

Джон повел их по узким и ярко освещенным коридорам, переходам и площадкам. Звук океанских волн становился все слабее. Саймон вызвался толкать инвалидное кресло Лили, и ей было приятно, что он находится так близко.

Они спускались все ниже и ниже, и Лили заваливала своих попутчиков вопросами. У нее было ощущение, что Ученым нравится отвечать ей. Они подходили к любым проблемам более серьезно и обстоятельно, чем Джон. Кроме того, они не сомневались в своих мыслях и выводах. Если уверенности не было, Ученые совместными усилиями находили ответ на нужный вопрос.

– Сейчас мы находимся на уровне хранилищ, – сообщил Джон. – В них собрано все то, что океан выбросил на наши берега. Здесь и твои вещи, Лили. Ты прибыла к нам одиннадцатого числа первого месяца года. На основе информации из контейнера мы сделали вывод, что тебе, скорее всего, пятнадцать лет. Следовательно, номер бокса, в котором хранится все, что прибыло тогда с тобой в контейнере, один – одиннадцать – пятнадцать. Очень легко запомнить. Мы сняли отпечатки с твоих пальцев, и открыть этот бокс можешь только ты сама и Коллекционер, то бишь я.

Под Прибежищем была прорыта разветвленная сеть переходов. Они опускались все ниже и ниже под землю, отчего всем становилось немного не по себе. В коридорах гулко отдавались звуки их шагов, и сверху иногда доносился плеск океанских волн, разбивающихся о берег. Воздух был ясным и чистым, но, тем не менее, под толщей земли и воды Лили чувствовала себя неудобно.

– Расскажите мне о временах Начала Всех Начал, – попросила она.

– Начало Всех Начал, – ответил Гералд, – это период мироздания, то есть времена, когда все происходило впервые. Все, что есть вокруг нас сейчас...

– Подожди. А было что-нибудь до этого самого Начала Всех Начал?

– Конечно, было. Если бы не было периода, предшествующего Началу Всех Начал, то и никаких Начал бы не было.

– Возможно, ты и прав, – сказала она, – хотя раньше мне казалось, что мироздание возникло из ничего в результате большого взрыва.

– Пойми, что из ничего может выйти только ничего, – сказал Гералд, подняв брови. – Ничего – это отсутствие энергии, времени, пространства и информации. Ничто – это в буквальном смысле ничто. Ты у нас Свидетель Начала Всех Начал...

– Ох, все это для меня слишком сложно, – пожаловалась она. – Ничего не понимаю и чувствую себя полной дурой.

Анита рассеялась:

– Да и нам самим все это дается не с лету. Мне кажется, что и Господь не все понимал, и от этого вся ситуация становится еще более таинственной и чудесной.

– Мне бы хотелось, чтобы все было обычным и понятным, – пробормотала Лили.

– Дорогая, – произнесла Анита, – обычных людей в этом мире просто не бывает.

Когда они остановились на короткий привал, Лили задала следующий вопрос:

– Скажите, а та сила, которая создала мир, была Богом?

– Да, – ответил Джон. – Мироздание возникло внутри Господа. А именно Адоная.

Лили даже не задумалась, когда задавала свой следующий, уточняющий вопрос:

– Ты имеешь в виду Вечного Человека? Верно?

Ее спутники были не просто удивлены, они были шокированы.

– Я где-то слышала или читала об этом, – попыталась выправить положение Лили. – Мне кажется, пора идти.

Анита обняла ее перед тем, как они стали спускаться по очередному пологому скату.

– Ты нас очень удивила, дорогая, – прошептала она девушке на ухо. – Вечный Человек, говоришь? Интересно, что еще ты от нас скрываешь?

Лили ответила вопросом на вопрос:

– Значит, Господь сотворил Адама в Адонае. Можно ли сказать, что первый человек родился от Вечного Человека?

– Был создан Им и в Нем родился, – ответила Анита. – Господь родил первого человека – это, я думаю, было бы вполне резонное утверждение.

– То есть ты утверждаешь, что Адам был младенцем и маленьким ребенком? – спросила Лили.

– Конечно, был! Сначала был маленьким, а потом вырос.

– А я-то думала, что Господь создал или родил его уже взрослым.

Ее спутники рассмеялись.

– Это все вина мифологии. Из-за мифотворчества среди людей встречаются довольно неоднозначные мнения по этому вопросу, – заявил Гералд. – Неужели кто-то серьезно верит в то, что Адам появился на свет уже взрослым, словно робот, готовый к тому, чтобы его запрограммировали?

Его логика показалась ей убедительной, и девушка задала следующий вопрос:

– Если Адам появился на свет младенцем, чем же тогда его кормили?

– Обычной едой, которой питаются все младенцы, – ответила Анита. – Его вскормил Адонай. Если Господь смог родить Адама, то Он наверняка смог его вскормить, понимаешь? То есть сама идея материнства и заботы о младенце появилась от Бога. Ты со мной согласна?

– В принципе, да, но тогда получается, что у Адоная должна была быть...

– Женская грудь, – закончил за нее Джон. – Вне всякого сомнения, у Адоная была женская грудь, и факт ее существования описан в первоисточниках. В Их груди было материнское молоко.

Джон явно переоценил скорость, с которой могло двигаться кресло-кроватка по крутому спуску. Прошло почти три часа, когда они, наконец, подошли к тупику. Перед ними выросла ровная, словно сделанная из стекла, каменная стена.

Все остановились, но Джон, не обращая внимания на препятствие, продолжал идти напролом. Он вошел в стену и исчез.

– Это иллюзия, – послышался голос Джона из-за стены. – Идите спокойно и ни о чем не думайте. Больно будет, только если у вас возникнут сомнения.

– Мог бы предупредить заранее, – пробормотала Лили.

– Извини, забыл. Обычно я бываю здесь в гордом одиночестве.

Лили было сложно убедить себя в том, что это иллюзия. Хотя Джон только что на ее глазах прошел сквозь стену, она казалась монолитной и совершенно неприступной. Лили потрогала ее. Стена была твердой и холодной. Она постучала по ней костяшками пальцев, и звук эхом разнесся по коридору.

– Нет, ты неправильно себя настраиваешь, – послышался голос Джона, и он вынырнул из стены. – Тебе надо просто ее игнорировать. Люди – это существа, которые верят своим глазам. Вот пройдешь пару раз сквозь стену, и тогда перестанешь ее замечать.

Его слова не развеяли ее сомнений.

– Смотри, – сказал Саймон и спокойно растворился в стене, словно она

была сделана из тумана.

Остальные Ученые последовали его примеру.

– У меня есть предложение, – сказал Джон, доставая из кармана платок. – Я завяжу тебе глаза, раскручу твоё кресло и только потом провезу тебя через стену.

Лили понравилось это предложение, но она не хотела, чтобы ей завязывали глаза.

– Может, я просто закрою глаза руками? – поинтересовалась она.

– Давай так, – согласился Джон и спрятал платок в карман. – Главное – держать глаза закрытыми. Не подглядывай, а то можешь набить на лбу огромную шишку.

– Договорились, – ответила она.

– Готова? – спросил Джон. – Сейчас мы тебя немного покрутим, прокатим в эту сторону, а потом в ту... А сейчас вот сюда отъедем...

Щеки и оголенные руки Лили словно поцеловал туман. В ушах послышался легкий свист. Она вскрикнула и, открыв глаза, увидела, что все они стоят перед бесконечным множеством собственных отражений, словно в павильоне парка развлечений.

– Здорово! – воскликнула она.

– Ещё бы! – ответил Джон радостным, как у ребенка, голосом.

– Хорошо ты меня обманул! – сказала она со смехом.

– Я никогда тебя не обманываю, – серьезно ответил Джон. – Со мной можешь быть уверена, я делаю только то, что говорю, – добавил он, усмехнувшись.

С этой стороны стена выглядела как огромное зеркало от пола до потолка. На стенах коридора, в котором они стояли, висело множество зеркал, а в тупике виднелась комната, обставленная как гостиная. Одна из ее стен была полностью застеклена. Из этого окна открывался вид на подводное царство, с кораллами, морскими растениями и красочными рыбами. Солнечный свет освещал дно и морскую флору с фауной.

Лили могла только догадываться, на какой глубине они находятся. Судя по солнечному свету, проникавшему с поверхности океана, Подземелье было расположено как минимум на глубине тридцати метров.

– Так вот какое это самое Подземелье... – задумчиво произнесла она.

– Это всего лишь его жилая часть. Само Подземелье еще ниже. По коридору, в дальнем конце той комнаты, – поправил ее Джон.

В дальней стене комнаты Лили увидела тяжелую дверь.

– В само Подземелье мы пойдем завтра утром. Выбирай себе спальню. Сегодня мы отдыхаем и скоро будем есть.

В общей сложности в этом отсеке оказалось около десятка комнат: спальни, туалеты и ванны, гостиная, кухня и кладовка.

Лили обратила внимание, что Анита и Гералд заселились в одну спальню.

– Они что, рабочая единица?

– Рабочая единица? Странное выражение... – заметил Джон, улыбнувшись. – Наверное, можно и так сказать, если они женаты уже много лет.

– Я и не знала. Думала, они просто друзья и коллеги. А они, оказывается, женаты.

– Лили, насколько я понимаю, женатые люди могут быть близкими друзьями и даже работать вместе.

– А ты был женат?

– Нет, не был. Я был близок со многими женщинами. Все они были по-своему удивительными, некоторые из них были ужасными, но узы брака – это совершенно не для меня.

– Ужасными? – переспросила Лили.

Он вздохнул:

– Ужасной, пожалуй, была одна из моих знакомых. В жизни не встречал никого, кто так любил бы манипулировать людьми, как она. Замечу, что внешне эта женщина была очень привлекательной, даже красивой... крикливой, цыганской красотой. – Джон задумался, охваченный вихрем воспоминаний. – Но эту историю, Лили, возможно, я расскажу в другой раз. Иди выбери себе спальню. «Рабочая единица» скоро появится, и ты сможешь задать все свои вопросы.

Она уже была готова отъехать, как Джон спросил:

– Как твоя рука?

– Лучше, – соврала Лили.

Он кивнул, и она поехала осматривать спальни.

Лили выбрала спальню, в которой стояла кровать под балдахином, и положила свой рюкзачок на покрывало. Потом спрятала зеркальце в трюмо и вернулась в гостиную, где уже сидели трое Ученых. Вскоре появился и Джон.

Он измерил температуру Лили, которая оказалась высокой, хмыкнул и обменялся с Анитой загадочным взглядом, смысл которого девушка не поняла.

– Давайте поедим, – предложил Джон и повел их к столу, накрытому на пять персон.

Там были фрукты и овощи в вазах, галеты, печенье, сыры, а также

множество разных соусов. Графины были наполнены водой и соками, а чайники и кофейники – ароматным кофе и чаем.

Лили почувствовала, что проголодалась. Джон предложил ей взять все, что она пожелает, и девушка положила себе на тарелку гроздь красного винограда.

Теперь, зная, что Анита и Гералд женаты, Лили внимательно наблюдала за ними. Она заметила, с каким уважением они относятся друг к другу. Этот мужчина и женщина были очень разными, что нисколько не мешало им, а скорее обогащало их отношения.

Джон рассказывал Саймону и Гералду о предметах старины, расставленных в разных комнатах Подземелья.

– Вы пара? – спросила Лили Аниту, кивнув на Гералда.

– Да, дорогая, – ответила Анита. – Я думала, ты об этом знаешь. Никто и не собирался скрывать, что мы женаты. Я очень люблю Гералда.

– А что... что такое любовь? Если честно, мне это неизвестно, – призналась девушка.

Анита прикоснулась к руке Лили, как мать прикасается к дочери:

– Мистическая и одновременно очень простая вещь. Мы заботимся друг о друге больше, чем о себе. И каждый из нас делает это бескорыстно, не ожидая ничего взамен. Любовь начинается с уважения к себе и своему партнеру. И чтобы по-настоящему узнать человека, потребуется много времени и сил.

– Скажи мне, а как узнать, что для другого хорошо, а что нет? – спросила Лили.

– Это серьезный вопрос, – ответила Анита. – Это главная загадка человеческих отношений. Только Истинный Бог способен открыть, что такое благо, и то лишь тогда, когда это откровение жизненно необходимо. Все это часть, так сказать, большого танца.

– Я все равно никак не пойму, что такое любовь, – настойчиво повторила Лили.

– Это твой ум так считает, – с нежностью сказала Анита и дотронулась до щеки девушки, – но мне кажется, в глубине души ты уже знаешь.

Оказывается, мы спустимся в это таинственное Подземелье завтра. Там я должна, как мне говорят, «свидетельствовать», хотя я понятия не имею, как это делается и что от меня ждут. Мне все сложнее скрывать, что я знаю о Вечном Человеке, Адаме, Еве и сотворении мира. Сегодня я уже соврала Джону. Может быть, я схожу с ума? Все было бы очень просто, если бы было именно так. По крайней мере, такое положение

вещей было бы простым объяснением ситуации, в которой я оказалась.

Саймон сказал, что я должна остановить Адама и сделать так, чтобы он не отворачивался от Адоная. Я заметила, что уже слишком поздно, и мой ответ его явно шокировал. Я говорила ему, что смотрелась в зеркальце, но не сказала, что там увидела. Не хочу ни писать, ни думать об этом. Пока пытаюсь понять, как внутреннее принятие себя настоящей поможет мне изменить ход истории. Ага, ход истории... размечталась, держи карман шире...

Лили оторвала взгляд от страницы и посмотрела через окно-иллюминатор на подводные красоты. Анемоны и кораллы были прекрасны, и от этого вида положение, в котором она оказалась, стало угнетать ее еще больше. Она снова взяла ручку и написала:

Адонай сказал, что никогда меня не оставит. Когда я смотрю на Гералда с Анитой, я задумываюсь о том, что любовь – это, возможно, когда два человека всегда вместе и никогда не оставляют друг друга. Но я чувствую себя совершенно несчастной с тех пор, как Адам отвернулся от Господа, а я сама посмотрелась в зеркальце.

Иногда наши воспоминания скрыты в самых дальних уголках памяти. Но точно так же, как все тайное рано или поздно становится явным, от собственного прошлого никому не убежать.

В ту ночь Лили не знала, спит она или бодрствует. Это было странное пограничное состояние, в котором прошлое навалилось на нее, как сошедшая с гор лавина. Это были отрывочные, как вспышки молнии, видения. Все, что она вспоминала, не имело никакого отношения к любви и заботе. Она увидела, как какая-то женщина (может быть, ее мать?) читала маленькой девочке книжку. Потом почувствовала, как эту маленькую девочку ударили кулаком по лицу, по которому тут же потекла кровь. После этого увидела, что девочка прячется от каких-то неизвестных мужчин с острыми, как бритвы, ногтями и зловонным дыханием, и ощутила, как что-то тяжелое навалилось ей на грудь. Она находилась где-то в темной промзоне, рядом с грохотом проезжали поезда и стояли бесконечные склады. Девочка присела на грязном полу в надежде на то, что ее не заметят. Но ее заметили, и она кричала, но не слышала собственного голоса, после чего ее грубо затащили в другую комнату, дверь которой с грохотом и лязгом закрылась. Ей было негде спрятаться от ужаса, кроме как внутри собственной головы, и она постараться побыстрее забыть все, что с

ней произошло.

Когда Лили открыла глаза, рядом сидела Анита. Она держала девушку за руку, а ее губы беззвучно двигались, словно в молитве.

– Привет, – хрипло произнесла Лили.

– Привет, – ответила Анита, крепко сжала ее руку и устало улыбнулась. – Привет, дорогая. Можешь спать спокойно, я здесь, рядом.

Лили чувствовала себя очень усталой, и ее глаза снова закрылись.

Продолжая держаться за руку Аниты, Лили открыла глаза и оказалась в другом месте. Рядом сидела Ева и сжимала ее руку.

– Ах, как я рада, что ты здесь! – воскликнула Лили и приложила ладонь женщины к своей щеке.

– И я тоже очень рада, – ответила Ева.

– Мать Ева, посоветуй, как мне быть. Я ненавижу себя за то, что ничего им не рассказываю, и не знаю, почему все скрываю. Я хочу рассказать, но чувствую, что стою на краю пропасти, мне становится страшно, и вместо того, чтобы прыгнуть, я прячусь.

Ева не торопилась отвечать.

– Лили, – сказала она наконец, – скрывать – это идти по льду замерзшего озера, который тает у тебя под ногами. Каждый шаг – это борьба со страхом.

– Я не знаю, как мне перебраться с одного берега на другой.

– Держать что-то в секрете очень опасно. Ты должна научиться думать, как ребенок. Дети ничего не держат в секрете до тех пор, пока кто-нибудь их не убедит, что это гораздо безопасней, чем не иметь секретов и все рассказывать.

– Но я же не ребенок! – воскликнула Лили.

Ева ее обняла:

– Лили, все мы дети. Нас убеждают хранить секреты, и постепенно мы прячемся, исчезаем и забываем о том, кем являемся на самом деле. В одиночестве теневая болезнь проявляется только острее.

– Может быть, я уже сошла с ума? – в отчаянии спросила Лили. – Может быть, тебя нет, а я в психушке и разговариваю сама с собой? Может быть, меня посадили на сильнодействующие препараты? Где я и что со мной происходит? Какой из этих двух миров реальный? Все вокруг только и твердят, как я важна, а у меня такое ощущение, что я не оправдываю ожиданий!

Лили словно прорвало. Ей нужно было выговориться, и она была благодарна Еве за то, что та слушает и не прерывает.

– Я все это уже видела, – сказала Ева, – ты не первая.

– Что именно ты видела? Ты видела девушку, которой пришили чью-то ногу? – Лили приподняла подол юбки, чтобы показать эту самую ногу. – Или ты видела людей, застрявших между двумя мирами? Или видела Свидетеля сотворения мира...

Ева рассмеялась:

– Нет, кое-что из того, что ты перечислила, я действительно вижу впервые. Я имела в виду, что видела, как судьба всего мироздания, людского рода, животных и даже самого Бога находится в руках девочки приблизительно твоего возраста.

– Правда? – Лили страшно удивилась. – Так, значит, я не одна? Я не единственная?

– Ты никогда не была одна.

Лили посмотрела на свои лежащие на коленях руки.

– Я не совсем об этом спрашивала, но... – проговорила она шепотом. Ее голос срывался. – Скажи мне тогда, почему Господь меня не защитил?

Вопрос повис в воздухе. Наступила зловещая тишина.

Этот вопрос задавала не только Лили. Он миллионы раз звучал на кладбищах, в церквях, мечетях, храмах, офисах и тюрьмах. Его задавали те, чьи сердца были разбиты, те, кто потерял надежду и разуверился. Этот вопрос взывал к справедливости, которой не было и нет, это была мольба о чуде, которое никогда не происходило.

Лили зажмурила глаза и сказала себе, что не будет плакать. Хотя девушка не получила ответа, рядом с Евой она чувствовала себя в безопасности, и больше ей ничего не было нужно.

– Я чувствую себя так, словно взбираюсь на гору, у которой нет вершины, – произнесла Лили после долгого молчания. – Я с трудом цепляюсь за скалы. Я ужасно боюсь, и все окружающие возлагают на меня большие надежды. Если у меня ничего не получится, тогда в том, что этот мир не идеален, все будут винить меня. – Лили приникла к шее Евы и прошептала: – А что, если я перестану цепляться и упаду? Поймает ли меня Господь или даст упасть?

– Он тебя поймает, но все равно ты почувствуешь себя так, словно разбилась о землю.

Они долго молчали.

– Ева, ты знаешь, чем все это для меня закончится?

– Нет, не знаю. Ни ты, ни я этого не знаем. Но я не боюсь.

– А как все закончилось у той девочки? У той, что была одного со мной возраста?

– У нее все было прекрасно. И ее участие многое изменило.

Изменило многое. Лили передалась уверенность Евы, и остаток ночи она спала спокойно. Ее ничего не тяготило, и никакие кошмары ее не тревожили.

Она не знала, сколько прошло часов. Она не знала, наступил ли день или продолжается ночь. Она знала только одно: она проснулась от того, что почувствовала, как что-то ползет у нее по руке.

Глава 11

Подземелье

Лили уже хотела в ужасе отдернуть руку, как увидела, что ее обнюхивает и щекочет своими усиками маленькое мохнатое существо наподобие хорька или мышки. Девушка протянула другую руку, чтобы погладить животное по спине, но, как только она к нему прикоснулась, существо испуганно вздрогнуло и скрылось в густой траве.

«Ничего себе!» – подумала она.

Девушка посмотрела на распухшие ранки от змеиного укуса на запястье и ощутила пульсирующую боль. Интересно, почувствовало ли животное, обнюхивавшее ее, яд, распространяющийся по ее телу? Странно, что животное вообще ее увидело, потому что в этом мире ее присутствие замечали далеко не все.

Она осмотрелась кругом и поняла, что находится в Райском саду. Она была совершенно одна, поблизости не было Евы, и она не чувствовала присутствия Невидимых. Лили встала и пошла в сторону скалы, возвышавшейся над равниной. У этой скалы стоял Адам в окружении Огня и Ветра. Рядом с ними был Вечный Человек.

«Что они делают?» – подумала девушка и остановилась на расстоянии, позволяющем слышать то, что они говорят. Адам почувствовал ее присутствие, обернулся и уставился сквозь нее. Напрягая все свои силы, он пытался рассмотреть то, что не было видно его глазу, но так ее и не увидел.

– Заканчивается первый день наречения, когда даются имена всем живым тварям, – сказал Адам с грустью в голосе, – а я так и не нашел своего визави, своей второй половинки.

Адам поднял голову, сжал кулаки и бросил в небо всего лишь одно слово, и пока оно звучало, все мироздание застыло и не шевелилось.

– Один! – громко прокричал Адам.

Лили почувствовала, как эти звуки проникают в самую глубину ее души, как убивают в ней всю надежду и напоминают о том, что ей во веки веков не суждено быть счастливой.

Адонай протянул руку и дотронулся до Своего сына, чтобы успокоить его. От прикосновения Отца Адам вздрогнул, нахмурился и, устыдившись своей слабости, закрыл глаза руками. Лили хотела подойти к Адаму поближе, но почувствовала, что не в состоянии передвигать ногами, словно

завязла в липкой глине. Потом девушка услышала голос, который сперва приняла за голос Адама. Этот голос повторял слово, которое в этом мире она совершенно не ожидала услышать.

– Лилит! Лилит!

– Лили! Лили! – трясли за руку девушку.

Лили открыла глаза и увидела прямо перед собой лицо Аниты.

– Анита? – Лили посмотрела вокруг себя и поняла, что сидит за столом, а Ученые и Джон застыли с вилками у ртов и с изумлением смотрят на нее.

Они завтракали. Лили напрочь не помнила, как проснулась этим утром и села за стол. Все это время она провела в другом мире, наблюдая за страданиями Адама.

– Простите, – пробормотала Лили, – я задумалась о том, что Джон прочитал мне недавно из Библии.

Казалось, все присутствующие поверили и расслабились.

– «Задумалась»! – воскликнула Анита. – Это, уж точно, мягко сказано! Дорогая, ты нас насмерть перепугала. Было ощущение, что ты куда-то исчезла. О чем же именно ты задумалась? Наверное, о чем-то очень важном?

Пока Анита все это произносила, Лили собралась с мыслями.

– На днях Джон читал мне историю сотворения мира... И вот что я подумала: кто такая Лилит?

– Лилит?! – Саймон аж поперхнулся куском пирога.

Ей показалось, что он покачивает головой, словно предупреждая ее о чем-то. На лицах всех остальных было написано недоумение.

– Минуточку, – запротестовал Джон, – я этого имени точно не произносил!

– Расскажите мне про Лилит! – ответила девушка, игнорируя реплику Джона.

– Ой, все это полная ерунда, моя дорогая, – ответил Гералд. – Сплошное мифотворчество. Откуда вообще ты узнала это имя?

– Не знаю, – сказала Лили. – Может быть, оно пришло мне во сне.

– Скорее в ночном кошмаре! – выпалил Гералд; таким возбужденным Лили его еще не видела. – Кажется мне, что все это сродни змеиному укусу.

– Гералд, перестань, – укоризненно произнесла Анита, поглаживая его руку. – Зачем ты бедняжку пугаешь? Просто человек не знает, кто такая Лилит.

– Прости, дорогая, я увлекся, – извинился Гералд. – Совершенно не хотел укорять тебя за то, что ты подняла вопрос об этом... существе.

– Извинения приняты, – кивнула Лили. – Скажи, Гералд, почему это имя вызывает у тебя столько эмоций?

– Существует предание о том, – произнес Гералд, – что Лилит была первой женой Адама. Я считаю это чистым вымыслом, не имеющим под собой никаких оснований.

– Значит, у Адама было две жены? – спросила Лили.

– Конечно, нет, – твердо ответил Гералд. – Сказки все это. У Адама была только одна жена, Ева.

– А какую роль Лилит играет во всей этой истории – отрицательную или положительную?

– Существует несколько версий этого сюжета, и в большинстве роль Лилит отрицательная. Она наполовину женщина, наполовину змея, богиня Луны, появляющаяся только ночью.

Лили обратила внимание на то, что Саймон снова покачал головой и посмотрел на нее, словно желая о чем-то предупредить. Девушка решила сменить тему разговора:

– Давайте обсудим то, как Адам давал названия всем живым тварям. В чем смысл и значение этого эпизода?

– Очень хороший вопрос, – ответил Саймон. – Наречение имеет огромное значение. Господь создал всех земных и небесных тварей для того, чтобы Адам дал им имена, определяющие их природу. Адам дал всем имена и установил, таким образом, свое царство.

– Совершенно верно, – продолжил Гералд. – Однако сам Адам искал свою пару, другого человека, с которым мог бы общаться лицом к лицу. Ему нужен был другой человек, чтобы почувствовать, что он не один на белом свете. Хотя, собственно говоря, Адам никогда и не был в один.

– Гералд хочет сказать, – подхватила его мысль Анита, – что, если ты ищешь своего визави, стремишься к отношениям лицом к лицу, наречение тебе мало чем поможет. Да и наличие царства тоже. Дело в том, что во всем мироздании у Адама не было половинки. Его вторая половинка была...

– Внутри него самого! – догадалась Лили. – Его вторая половинка – это Ева, и она была внутри Адама с момента его рождения.

– Совершенно верно! – воскликнула Анита. – А Адам всегда был внутри Господа, того самого Господа, который никогда не был в одиночестве. Все заиклено, как отражение стоящих друг перед другом зеркал. – Анита покрутила в воздухе рукой, визуальн объясняя свою мысль.

– Тем не менее, наречение сыграло свою роль в создании царства, – заметил Саймон.

Тут разговор перешел в научное русло, после чего Лили перестала за ним следить. Она размышляла о том, как оказалась за столом, и радовалась, что вовремя перевела разговор со скользкой темы Лилит, явно вызывавшей у окружающих не самые лучшие чувства.

Приготовлением завтрака и уборкой со стола занимался Джон. Потом Коллекционер заявил, что пора перебираться в Подземелье. Хотя у Лили все еще была повышенная температура, девушка заявила, что чувствует себя хорошо. На самом деле даже малейшее движение правой рукой отдавалось болью в области от запястья до локтя. Девушка чувствовала, как яд постепенно подходит к плечу, но сознательно не упоминала об этом. Ей не хотелось откладывать дело в долгий ящик. Она торопилась закончить то, что было начато.

Убедив всех в своем хорошем самочувствии, Лили с нетерпением ждала приключений, которые должны были начаться в Подземелье, расположенном всего в нескольких метрах от того места, где она сидела. Вход в Подземелье закрывала массивная дверь без ручки. На двери с большим мастерством были вырезаны древние символы.

– Теперь, – сказал Джон, подкатив ее кресло ближе, – опиши нам, что ты видишь на двери.

Лили удивилась словам Джона и посмотрела на Ученых, которые одобритительно закивали в ответ.

– Что же я вижу? – задумалась девушка, проведя рукой по поверхности двери. – Вот абсолютно ровный круг. Его прорезали глубоко, и складывается впечатление, что он висит отдельно от двери, а не является ее частью. Круг разделен деревянными планками на четыре равные части. В каждой мастерски вырезанный символ. – Лили с первого взгляда узнала два символа, но два других оставались для нее загадкой. – Внизу, в левом сегменте круга я вижу пирамиду, внутри которой вырезан глаз.

– Ты видишь Первую гору? – с удивлением спросила Анита.

– Конечно, вижу, – ответила Лили и после паузы спросила: – А вы разве не видите?

– Понимаешь, дорогая, каждый из нас видит на двери что-то свое. Ты видишь то, что суждено видеть тебе.

– Это нормально, что я вижу гору? – спросила Лили. – Надеюсь, в том, что я вижу, нет ничего плохого.

– Это не имеет никакого отношения ни к хорошему, ни к плохому, – объяснил Гералд. – Не надо ничего оценивать. Ты просто это видишь. Хотя то, что ты видишь Первую гору, я бы назвал совершенно удивительным явлением. Тем не менее, давай продолжим.

Лили снова внимательно присмотрелась к резьбе. Неужели они не видят горы? Она протянула руку, чтобы потрогать вырезанный на двери символ, но Анита быстро схватила ее за запястье.

– Не трогай! – приказным тоном произнесла она, и Лили с удивлением посмотрела на нее:

– Ты меня испугала! Что вообще все это значит?! Я просто хотела прикоснуться к резьбе, чтобы убедиться, что мне это не пригрезилось, что я действительно это вижу.

– Если бы ты прикоснулась к рисунку, – твердо сказала Анита, отпустив руку девушки, – тебя бы засосало внутрь. И тогда ты оказалась бы неизвестно где, никогда не смогла бы оттуда выбраться, и мы не смогли бы тебе помочь.

– Неужели! – удивилась Лили и приблизилась к двери, чтобы лучше рассмотреть ее. – Мне кажется, что это обычная резьба.

– Это портал, дорогая, – сказал Джон. – Тот, кто может открыть портал, видит разные рисунки на каждом из четырех сегментов, для остальных это просто разделенный на четыре части круг. Каждый из сегментов при прикосновении отправляет человека в далекое путешествие.

– Ничего себе! Значит, вы действительно ничего в круге не видите? – спросила Лили.

Всеобщее молчание было ответом, подтвердившим высказанное ей предположение.

– Вот здесь, в нижнем правом углу, – произнес Джон, показывая пальцами, но держа их на безопасном расстоянии от двери, – должна быть перевернутая восьмерка...

– Символ бесконечности, – вставил Гералд, посмотрел на Лили и извиняющимся тоном добавил: – Это на всякий случай, вдруг ты не знаешь.

Символ бесконечности привлек внимание девушки.

– Это два овала, а сама линия сделана в виде змеи, которая заглатывает свой хвост... Теперь понимаю, это действительно бесконечность. – Она произнесла эти слова и внутренне содрогнулась.

– Не останавливайся, рассказывай дальше, – попросила Анита.

– А вот здесь, – продолжила Лили, показывая пальцем на верхний левый угол, – Адам, – она запнулась, поняв, что проговорилась, и тут же добавила: – То есть человек, или скорее вырезанная фигура человека, символизирующая Адама. Он стоит на коленях, собрал горсть земли и смотрит на нее. Он голый точно так же, как и нага женщина в верхнем правом углу. Возможно, это Ева. Эта женщина повернулась к Адаму и протягивает к нему руки, будто о чем-то умоляет. – Тут Лили приняла позу

женщины, чтобы наглядно показать всем, что видит.

– Потрясающе! – воскликнул Гералд.

– Если раньше у нас и были сомнения в том, что ты Свидетель Начала Всех Начал, теперь они полностью исчезли, – произнесла Анита.

– Это потому, что я вижу резьбу на двери?

– Именно поэтому, – заверил Лили Саймон.

– Ну, что будем делать? – спросила девушка.

– Вперед, – произнес Джон очень серьезным тоном. – Вот это вход в Подземелье. Войдем?

– Только как? – спросила Лили.

Джон приложил ладонь к центру портала, и дверь медленно и беззвучно отворилась.

– Иногда достаточно нажать в центре креста, где сходятся все линии, и дверь открывается, – заметил он.

Они вошли в комнату, похожую на фойе дорогого отеля или королевские покои. Стены украшали резные панно из редких и благородных пород дерева, тут и там были расставлены подобранные со вкусом изящные предметы старины.

– Вот это да! – изумилась Лили. – Не ожидала такой роскоши. Мне казалось, что внутри все должно быть, как в стальном сейфе или средневековой темнице.

Джон взял на себя роль гида.

– Здесь есть небольшая кухня и несколько спален, – сказал он. – А также четыре комнаты, каждая из которых имеет свое специальное предназначение. Я сейчас все покажу.

Он привел их в комнату, похожую на обсерваторию.

– Это Картографическая комната, – объяснил Джон. – Обратите внимание, в ней не стены, а экраны, на которых можно увидеть звездное небо. Миллионы звезд, галактик, комет, астероидов – и все в непрерывном движении.

В комнате было два огромных «окна», показывающих совершенно разные части Вселенной. От движения звезд у Лили начала кружиться голова.

– Надо немного привыкнуть, – обнадежил ее Джон, – такое бывает, когда впервые плывешь на корабле в качку. В движении звезд есть ритм, и если в него поспать, голова кружиться уже не будет.

– Я слышал истории об этом месте, – признался Гералд.

Изумленная Анита только качала головой.

– Ой, Гералд, смотри! – закричала Анита, показывая рукой на стоящие

в ряд семь шаров изумрудного цвета. Каждый из них умещался в ладони. – Какие чудесные камни!

– Пожалуйста, не трогайте! – быстро произнес Джон. – Это не приказ, а предупреждение... – И после недолгого молчания добавил: – Давайте пройдем к дальней стене.

Лили даже не поняла, как оказалась у дальней стены – или Саймон быстро толкнул ее кресло, или они все скользили по полу. В любом случае они оказались там в мгновение ока. Перед ними висела карта, которая показалась Лили более привычной, чем хайтечные окна с видом на небесные светила. Девушка присмотрелась и догадалась, что на ней изображено.

– Это же план Прибежища! – воскликнула она.

При более подробном рассмотрении Прибежище оказалось гораздо больше, чем она предполагала. Это был практически небольшой город. На плане девушка увидела комнаты на верхних уровнях Прибежища, в которых долго лежала, приходя в себя после трагедии. Она нашла даже открытую площадку, на которой Саймон подарил ей зеркальце.

Больше всего ее поразило то, что большая часть комплекса находилась под землей. Подземные уровни были расположены под ближайшими холмами и долинами и, может быть, даже доходили до далеких гор, которые она видела из окон верхнего уровня.

Лили было сложно разобраться в карте звездного неба, но карту Прибежища она прочитала правильно, и ее поразили гигантские масштабы этого комплекса, по сравнению с которым она почувствовала себя букашкой.

Джон показал им местоположение Подземелья, расположенного на небольшой глубине под океанским дном. Он прикоснулся к экрану и движением указательного и большого пальца «раздвинул» выделенную на карте область.

Потом перешел к соседней стене, на которой в рамке с красной окантовкой висели десять небольших треугольников. Лили уже видела подобные треугольники или пустые места, где они должны стоять, тут и там на стенах Прибежища. Она думала, что они имеют отношение к контролю над температурой помещения или являются выключателями света.

– При помощи этого, – Джон показал на треугольники, – можно мгновенно перемещаться в Прибежище из одного места в другое.

– Здорово! – воскликнула Лили.

– Никогда не слышал о такой технике, – сказал Саймон. – А как она

работает?

– Надо прикоснуться треугольником к тому месту на карте, куда хочешь попасть, и мгновенно в нем окажешься. Треугольник вернется на свое старое место ровно через десять минут. Если хочешь переместиться с ним в другое место, то там, куда ты направляешься, должна быть пустая ячейка для треугольника.

– А я смогу путешествовать вместе со своим креслом? – поинтересовалась Лили.

– Конечно. Все, к чему ты прикасаешься, отправится вместе с тобой. Включая одежду, что очень удобно, и все приличия соблюдаются. – Джон улыбнулся: – Есть одно правило – каждый человек путешествует со своим треугольником. – Джон показал пальцем на другую стену: – А вот эти шары, которые очень понравились Аните, по сути, своего рода треугольники, только для путешествий между мирами. Эти путешествия не для слабонервных, должен вам сказать заранее... или не для тех, кто не знает, куда именно ему надо.

Никто не задал уточняющих вопросов и не осмелился оспорить слова Джона.

– Следующие три комнаты будут попроще, – сказал он, выводя их в коридор, – в особенности Комната Свидетеля и Комната записей. Но вот Кабинет вам точно понравится. Он произведет на вас большое впечатление. – Джон открыл дверь. – В Кабинете Ученые могут работать: изучать все то, что интересуется или может понадобиться Лили. Или же проводить исследования для собственного удовольствия.

В Кабинете были красивые столы, стулья и кушетки, а также письменные и другие принадлежности, необходимые для умственного труда. На полках стояли ряды книг, на столах лежали ручки, перья для письма, стопки бумаги, свитки пергамента. Повсюду стояли столики с чайниками, кофейниками, чашками и вазами с печеньем, орехами и фруктами. Комната была аккуратной и очень красивой.

– И вот в чем вся прелесть этого Кабинета, – сказал Джон. – Вам, Ученым, это будет приятно услышать. Когда любой Ученый входит в эту комнату, он без труда может вспомнить все, что читал, видел и слышал. Все книги и справочные материалы, которые вам понадобятся, находятся в ящиках стола, на полках или в книжных шкафах.

Трое Ученых открыли от удивления рты.

– Я даже мечтать не мог о том, чтобы такое было возможно! – с восхищением произнес Гералд, с нежностью проведя кончиками пальцев по ряду корешков толстых книг на полке.

У Аниты от счастья на глаза навернулись слезы.

– Дорогой мой, – сказала она мужу, – в этой комнате собрано все, что мы сделали и узнали за всю жизнь. Ничего не потеряно, ни одной мысли и ни одной буквы.

– Это настоящее сокровище, – коротко ответил ей муж.

Ученые благодарили Господа за такой удивительный подарок, и Лили с улыбкой слушала молитвы, которые те произносили.

– Давайте я покажу вам еще две комнаты, а то, боюсь, навсегда потеряю вас в этом Кабинете, – шутливо сказал Джон и сменил Саймона, который до этого толкал кресло Лили. – Пожалуйста, следуйте за мной.

Комната Свидетеля оказалась небольшой. В ней были зеленые обои, в центре стоял удобный диван, а в углах – четыре больших и мягких кресла.

– Тут все очень просто, – прокомментировал Джон. – Свидетель ложится на диван, устраивается поудобнее и рассказывает о том, что видел и слышал... Не спрашивайте меня, почему стены в этой комнате зеленого цвета. Считается, что зеленый – это цвет жизни.

Лили подивилась тому, что здесь предусмотрена специальная комната, чтобы свидетельствовать, но решила задать другой вопрос:

– Скажи, а все, о чем я буду свидетельствовать, будут здесь же и записывать?

– Нет, для этого существует отдельная Комната записей, – ответил Джон и вывел их наружу.

Они пошли дальше по коридору, минуя еще одну дверь. Что находилось за ней, Джон объяснять не стал. Лили не сдержалась, взялась за дверную ручку и попыталась открыть. Дверь оказалась запертой.

Шедший впереди всех Джон даже не обернулся.

– Тебе пока рано знать, что за этой дверью, – сказал он.

– А почему? Мне было бы интересно узнать, – заметила девушка.

– Всему свое время, Лили. Доверять – значит ничего не требовать. Не стоит стремиться контролировать все и вся. Доверься мне, и со временем к каждой загадке найдется разгадка.

Лили не ответила Джону, и они вошли в Комнату записей. Стены здесь были ярких цветов: синего, фиолетового и белого, и вся комната производила впечатление тропического сада. Лили даже на секунду показалось, что на полу пляжный песок.

Точно так же, как и предыдущая, эта комната была обставлена очень скромно. В центре стоял квадратный стол, а вокруг него четыре стула с высокими резными спинками. Поверхность стола казалась живой: ее цвет постоянно менялся, становясь то светло-коричневым, то черным.

В одну из стен были вмонтированы ящички шириной около трех сантиметров. В каждом из них лежала черная пластина.

– Вот здесь, Лили, ты будешь записывать все то, что пережила, – объяснил Джон.

Ученые никак не отреагировали на это замечание. Лили не понимала, как именно все будет происходить.

– Но я совсем не писатель, – сказала девушка, – и почерк у меня просто ужасный. А что мне делать, если я забуду какую-нибудь деталь, что-нибудь из того, что со мной произошло?

– Не волнуйся, – сказал Джон и, показывая рукой на обстановку комнаты, добавил: – Смотри, здесь даже нет письменных принадлежностей.

– Так как же я буду записывать все то, что испытала?

Джон подошел к ящичкам в стене, выбрал одну из пластин, вынул и положил на стол, после чего она исчезла в столешнице, словно утонула в воде. Джон подкатил кресло Лили поближе к столу.

– Видишь планшет? – спросил он ее.

– С трудом, – ответила девушка. – Он испускает слабое красное свечение?

– Совершенно верно.

– Поверхность стола постоянно меняется, словно я смотрю на морской прибой, но красное свечение остается на одном месте.

– Когда будешь готова оставить свое свидетельство, надо будет погрузить руки в стол и дотронуться до планшета, который «считает» из твоего мозга все то, о чем ты хочешь рассказать.

Саймон тихо откашлялся:

– Можем ли мы пройти в Кабинет, чтобы немного поработать?

Джон кивнул, и трое Ученых исчезли. Через несколько секунд в комнату вернулась Анита и взяла девушку за руки. Лили едва не поморщилась от боли при прикосновении к руке, в которую ее укусила змея.

– Дорогая, нам нужно поговорить. Не сейчас, а чуть позже. Мне кажется, настало время поговорить начистоту.

Лили глубоко вздохнула и посмотрела в зеленые, как изумруд, глаза Аниты:

– Хорошо. Наверное, ты права. Мы обязательно поговорим.

Женщина приложила ладони к вискам девушки и приподняла ее голову так, чтобы Лили смотрела ей в глаза.

– Не забывай, ты попала сюда потому, что ты Свидетель. Дай еще

разок тебя обниму и пойду в Кабинет. Знай, мы рядом и поможем пережить все то, что готовит тебе судьба.

Они обнялись, и Анита вышла. Через несколько секунд Лили услышала, как женщина пытается открыть таинственную дверь в коридоре. Было ощущение, что она старается создать как можно больше шума. Лили улыбнулась. Она почувствовала, что Анита поддерживает ее желание узнать, что находится за той дверью.

Джон тоже услышал возню Аниты и безуспешно пытался изобразить на своем лице неодобрение.

– Мне надо начинать свидетельствовать? – спросила Лили.

– Думаю, пока не стоит. Дело в том, что сперва ты должна кое-что увидеть в Комнате Свидетеля и только потом прийти сюда, чтобы, так сказать, записать информацию об испытанном.

Лили подумала, что у нее уже неоднократно были видения, но решила пока ни о чем не говорить.

Девушка опустила ладони на поверхность стола, и ей показалось, что время замедлилось. Она увидела, как Джон поднял руки. На его лице был написан ужас. Джон закричал: «Стоооооой!» Звук его голоса постепенно замедлялся в ее ушах.

А потом в глазах стало совершенно темно.

Глава 12

Шесть дней

Лили парила в невесомости. Она чувствовала себя так, словно опять оказалась в жидкости, в которой можно дышать, как было тогда, когда ее лечили. Она ощущала, как эта жидкость попадает ей в рот. Точно так же, как и раньше, ее переполнял ужас. Она ощущала, как жидкость проникает в легкие.

Однако девушка быстро поборолa страх, потому что по опыту знала, что в этой жидкости не задохнется. Она открыла ничего не видящие глаза и расслабилась. Вскоре ее охватило чувство умиротворения. Лили помнила, где находилась и что только что сделала. Она была в Комнате записей вместе с Джоном и положила руки на стол.

День первый

Она увидела мощнейший и долгий взрыв, вспышку ослепительного света самых разных цветов и оттенков спектра. Это был взрыв информации, сопровождавшийся песней, которую запела вся Вселенная. Это был гигантский выплеск вдохновения, чуда и восторга, дарящий жизнь поток воздуха и воды, вспышка огня и звук Божественного голоса.

Из хаоса появилась материя, и в фонтане огненных брызг родились энергия, пространство и время. Гигантские и грациозные существа-духи с восторгом наблюдали за происходящим, и от их тел, как сверкающие драгоценные камни, разлетались капли пота. Вселенная ликовала. Радостные мелодии сплетались и расплетались вокруг основного мотива, который пело все мироздание.

Лили наблюдала первый большой взрыв, в результате которого появилось чрево, из которого потом Господь создаст человека. Девушка знала, зачем ей все это показывают – она должна стать Свидетелем Начала Всех Начал. Она была не в силах ни остановить, ни замедлить то, что видела, поэтому расслабилась, отдавшись на волю несущего ее космического вихря.

Лили понимала, она видит то, что видит, не для того, чтобы понять, судить или изменить происходящее. Она всего лишь Свидетель. Да и как

она может понять тайну света, энергии, неизвестных ей духовных существ или то, что происходит с материей? Ей были незнакомы законы квантовой механики, она и понятия не имела о том, что такое кварки, разные измерения и различные миры. Но Лили совершенно точно знала одно – вся безграничная любовь мироздания, как сконцентрированный линзой луч света, была направлена на небольшую планету, расположенную в Солнечной системе.

Лили приблизилась к центру вращающегося космического гончарного круга, вокруг которого создавалось пространство. Огромная комета с огненным хвостом ударилась о Землю и отколола огромный кусок планеты, который отделился, но не смог улететь далеко из-за любовно притягивающей его силы гравитации. Этот кусок планеты стал Луной.

Лили-Свидетель наблюдала самое начало нового мира, бывшего пока бесформенным пространством, покрытым облаком пыли и газов. Она услышала звуки крыльев Духа и радостные возгласы ангелов, славящих Ее имя: «Руах! Руах! Руах!» Дух сдул окружившее планету облако пыли, и ее поверхность осветил свет ближайшей звезды.

Вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

День второй

Господь прогнал облака, и вместе со светом на поверхности планеты появились тепло и влага. Лили ощущала их кожей лица и раскинутых в стороны рук. Первый утренний свет пробудил песни новой жизни в глубинах морских пучин. Лили наблюдала, как биомасса появилась и закружилась в танце во славу Господа, посадившего семя, которое со временем даст свои всходы, и вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

День третий

Земля задрожала и потрескалась. Вулканы языками огненной лавы тянулись к прокопченным небесам, приветствуя Господа тектоническим салютом. Появилась твердь. Земля постепенно остыла, и на ней появилась растительность. Биомасса стала одноклеточной, а потом многоклеточной, обогатилась фотосинтезом. Господь-Творец в порыве вдохновения разукрасил широкое полотно земли яркими красками.

Рядом с Господом играл, как дитя, Дух, вскормленный бесконечной любовью Творца. Внутри Вечного Человека появилась Та, кто вдохновляет бытие. Вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

День четвертый

Лили увидела, что небесные светила окончательно встали на свои места на небосклоне. В небе зажглись миллиарды звезд, и ночью Луна освещала Землю отраженным светом. Небо расчистилось и стало прозрачным, как хрусталь. Звезды горели, как софиты, освещая сцену, на которой будут разыгрывать написанный Господом сценарий, вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

День пятый

Воды океанов и морей всколыхнулись, и в них показались твари с плавниками, хвостами, жабрами и огромными острыми зубами. На суше появились ползающие и бегающие существа, готовые заселить твердь земную. Все они создавали мир, который задумал Создатель, вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

День шестой

Появились протолюди, а также множество других существ, обитавших на суше, в воде и в воздухе. Лили была поражена их разнообразием, красотой и изяществом.

И мироздание огласилось громким криком. Раздался Глас, который прогремел, как тысячи музыкальных инструментов: «Пришел назначенный час! Собирайтесь! Приходите!»

Наступил вечер, и на зов этого Голоса явились все живые твари. Казалось, что в одном месте собрались космос и мироздание.

Лили стояла на пригорке и смотрела на расстилающуюся под ним равнину. Вдалеке высились стены Райского сада.

– Потрясающе! – раздался громкий голос высоко у нее над головой.

Лили задрала голову, посмотрела вверх и отпрыгнула. Рядом с ней стояла гигантская человеческая нога цвета сандалового дерева. Где-то

высоко-высоко девушка увидела гигантскую улыбку. Гигант встал на одно колено и посмотрел на нее.

– Не бойся, – произнес он, и после этих слов его тело разлетелось миллионом ярких светлячков, чтобы собраться на земле в виде человека ее собственного роста. – Размер и рост – понятия относительные, – сказал человек приятным и мелодичным голосом. – Ты и есть Свидетель?

– А где Ева? – спросила Лили.

– Ева? Я не знаю этого слова.

– Ева! Мать Всех живых.

Человек громко рассмеялся. Его смех казался песней.

– Замечательное новое имя Бога! – сказал он.

Лили огляделась кругом, чтобы удостовериться в том, где она находится, и после этого посмотрела на улыбающееся существо:

– Интересно! Ты не знаешь Еву? А ты сам кто?

– Я Хан-эль. К вашим услугам, – пропело существо.

– Хан-эль? – изумилась Лили. – Ты Хранитель Джона?

Существо снова рассмеялось:

– Я уж точно не Хранитель. Я всего лишь Посланник и Певец. – Хан-эль помолчал и спросил: – А кто такой Джон?

Лили подняла ладонь, показывая, что ей нужно время подумать. Хан-эль протянул руку и дотронулся до ее пальцев, отчего по ее телу, за исключением укушенной руки, пробежало знакомое покалывание.

Она на шаг отступила от Посланника.

– Как же так получилось, что ты знаешь, что я Свидетель, но не знаешь Еву и Джона?

– Адонай возвестил, что здесь будет Свидетель. Мне, Хан-элю, выпала честь служить и помогать тебе.

– Адонай обо мне возвестил?! – Она совершенно не ожидала такого поворота событий.

– Он сказал, что твое присутствие – это большая редкость и просто аномалия. И еще, что Он тебя очень любит!

– Прямо так и сказал? – Лили тут же оказалась в ситуации внутреннего конфликта, почувствовав влечение и отторжение одновременно. – Он сказал, что я аномалия? Тогда ты понимаешь, что я не отсюда.

– И, тем не менее, ты здесь! – радостно пропел Хан-эль.

Лили медленно и неуверенно подняла руку, чтобы прикоснуться к нему, но пальцы прошли сквозь тело Хан-эля.

– Ты не настоящий, – добавила девушка.

Существо рассмеялось.

– Если бы мое существование зависело только от того, можно ли меня потрогать, – сказал Хан-эль, – тогда ты не смогла бы испытать ни радости, ни любви, ни надежды, ни веры, ни других чувств, потому что они относятся к разряду невидимых. Я существо-дух. Я точно так же могу сказать, что ты не настоящая.

Лили скрестила руки на груди и прислушалась к своему учащенно бьющемуся сердцу. Почему с ним все совсем не так, как с Евой? Если то, что происходит сейчас, записывается в Подземелье, означает ли это, что у нее все еще остается возможность остановить Адама?

Значит, именно поэтому Ева пришла к ней до того, как ей пришлось свидетельствовать? «Это случилось только один раз...» – кажется, так она тогда выразилась.

И потом Лили все поняла. До нее дошло, словно в голову ударила молния, и больше не оставалось никаких сомнений – ее позвали увидеть апогей Мироздания Господа. Евы тогда и в помине не было, потому что она должна была появиться только в далеком будущем, где ей было суждено родиться из тела Мужчины.

– Ну, а я очень даже настоящая, – сказала она. – Меня зовут Лили, я и есть тот самый Свидетель.

– Час настал! – раздался могучий голос, и Лили неожиданно оказалась в самом центре сборища.

Вокруг нее стояли сотканные из света существа. Со всех сторон раздавалась музыка и доносились божественные ароматы. В воздухе пахло миррой, сандаловым деревом, морем, гиацинтом, сиренью, лавандой, а также специями: гвоздикой и корицей. Далекие звезды пели свою песню, чуть заметно покачиваясь в ритм мелодии сфер.

Как только все мироздание собралось, двери в стене Райского сада отворились, и в проеме появилось сияние.

– А вот и Они, – услышала Лили голос стоящего рядом Хан-эля.

Лили не могла оторвать глаз от этого сияния, переливавшегося оттенками рубиново-красного, изумрудно-зеленого и отблесками бриллиантов. Цвета переливались, как живые, и, наконец, из самого центра свечения появилась фигура... человека.

– Вечный Человек! – послышался шепот. – Вечный и Бесконечный Бог! Адонай! – И все присутствующие опустились на колени.

Лили почувствовала себя, словно в трансе. Ей с неудержимой силой хотелось броситься навстречу божеству, чтобы рассказать Ему все свои секреты. Она хотела слиться с Ним, растаять в Его величии, забыть свой стыд. Она мечтала о том, чтобы Он изменил ее и сделал ее жизнь

совершенно другой. Адонай, улыбаясь, обвел глазами собравшихся, поднял руки, и все, как по команде, поднялись с колен.

Вечный Человек присел на землю и, как играющий в песочнице ребенок, собрал руками кучку красно-коричневой пыли. Он был сама радость и полностью отдался своему занятию, собирая пыль в кучку у Своих ног.

Все собравшиеся плакали и смеялись.

А потом послышалась песня.

– Это Песня Песен, – прошептал ей на ухо Хан-эль. – Песня Жизни и Всего Живого, песня живородящего слова, хлеба и надежды, песня прощения и благодарения.

Вдруг из-под земли в центре кучки пыли забил небольшой фонтанчик воды, и в сердце Лили проснулась надежда. Уверенным движением Он засунул руки в эту священную землю и выдохнул так громко, что Лили невольно подпрыгнула. Родовые схватки близились к завершению. И вот раздался радостный крик, и Адонай поднял над головой новорожденного.

– Сын родился, родился сын! – раздались крики со всех сторон.

Послышались возгласы ликования, и радость охватила все мироздание.

Перекрывая весь этот шум и гам, послышался голос Вечного Человека:

– Вот радость сердца Моего, вот венец Моего творения! Встречайте – Мой любимый сын, отрада души Моей! Мы назовем их Адамом!

Лили наблюдала, как Господь поцеловал Свое дитя и вдохнул в него жизнь. Все смотрели, как херувим обрезал пуповину, давал клятву верности человеку и как все духи поклонились младенцу.

– Вот чудо всех чудес! – провозгласил Вечный Человек, высоко подняв младенца для того, чтобы все могли его увидеть. – Пусть все славят этот день и, как могут, отмечают это великое событие. Шестой день трудов наших подошел к концу, и сейчас Мы будем отды- хать.

Вечер превратился в утро, и это было Хорошо.

Дрожь пробежала по телу Лили, девушка отдернула ладони от стола и почувствовала резкую боль в горле и укушенной руке. Несколько секунд она ловила ртом воздух, не в состоянии понять, где находится.

– Она вернулась! Лили вернулась! – закричал Джон, и девушка услышала топот ног Гералда, Аниты и Саймона.

Ученые вбежали в комнату. Было видно, что они встревожены, но на их лицах читалось и чувство облегчения. Лили в изнеможении откинулась на спинку кресла. Глаза Джона были красными, словно он плакал или не выспался. Лили обратила внимание, что все в другой одежде, а не в той, в

которой она видела их в прошлый раз.

– Сколько я отсутствовала? – спросила она, думая лишь о том, чтобы боль поскорее прошла.

– Приблизительно... – ответил Гералд, который, судя по всему, вел подсчеты, – пять с половиной дней!

– Пять с половиной дней! – удивилась Лили, почувствовав себя еще более усталой. – С того момента, как я положила руки на стол, я отсутствовала пять с половиной дней?

– Приблизительно пять с половиной, – ответил Саймон.

– Скорее даже почти шесть дней, – добавила Анита.

– Мы уже начали волноваться и думать о том, что вообще тебя потеряли, – сказал Саймон.

– Это точно, – добавил Джон. – Мы даже начали подумывать о том, чтобы вытянуть твои руки из поверхности стола, но это было очень рискованно... – Он покачал головой, на его лице было радостное выражение. – Как хорошо, что ты снова с нами!

Лили посмотрела на свои руки и быстро их опустила. Укушенное запястье немного распухло, и боль была гораздо сильнее, чем раньше.

– Мне просто не верится, что все, что я видела, происходило шесть дней.

– Это в пересчете на наше время, – уточнил Гералд. – То, что ты видела, в особенности если говорить о днях, когда Господь создавал мир, вполне возможно, происходило в течение нескольких миллиардов лет.

– Все это я уже видела раньше, – тихо призналась Лили.

Джон кивнул. Лили подумала о том, что, судя по всему, за прошедшие шесть дней они поняли, что она немного недоговаривает.

– Простите меня, – сказала Лили. – Раньше я думала, что это были галлюцинации, что я теряю рассудок, и именно поэтому ничего вам не рассказывала. Я не была уверена в том, что все это реально. – Она помолчала и потом добавила: – Если честно, я и сейчас не до конца уверена в том, что все это было на самом деле.

– Не переживай по этому поводу, дорогая, – быстро произнесла Анита. – Верить и доверять не так просто, как кажется. Я тебя прекрасно понимаю. Гералд первым из нас предположил, что ты вот уже некоторое время, как стала Свидетелем... Тем не менее, все мы страшно испугались, когда увидели, что с тобой творится... И, как ты понимаешь, мы запаниковали!

– И как ты сама прекрасно понимаешь, – со смешком продолжил Гералд, – страхом и паникой делу не поможешь, хотя и то и другое

отнимает кучу сил.

– Самое важное, что ты снова с нами, – проговорил Джон. – Ты наверняка хочешь пить и есть, и вполне вероятно, тебе надо сходить в туалет.

– Вы, наверное, очень во мне разочаровались? – На лице Лили появилась слабая улыбка.

Этот вопрос был приглашением к более подробному разговору и посему являлся рискованным, что все присутствующие прекрасно понимали.

– Разочаровались? Нет, ни в коем случае. Расстроились? Немного. Готова ли ты верить мне настолько, чтобы позволить себе спокойно расстраивать меня, но при этом не есть себя поедом и не считать, что ты хуже, чем есть на самом деле?

Джон спрашивал ее о чем-то очень важном. Стыд и недостаточно высокая самооценка, а зачастую и презрение к самой себе были неотъемлемой частью ее жизни. Эти чувства безжалостно извращали слова благодарности и признания, которые она слышала в свой адрес, и связывали ей руки во время любого спора или конфликта, постоянно напоминая о том, что она недостойна и хуже, чем все остальные. Джон говорил, что ей надо бороться с этими негативными чувствами. Он просил, чтобы она поверила, что его любовь и уважение – это то, чего она заслуживает.

И если она согласится с тем, что он ей говорит, то должна будет заботиться о нем точно так же, как он заботится о ней.

– Хорошо, – ответила Лили. – Я тебя поняла. То, что ты говоришь, имеет большое значение. Я попробую. Спасибо.

Она сходила в туалет. Рука ужасно болела, но она превозмогала боль. Выехав на кресле из туалета и вытирая руки, она спросила:

– Как же это так получается, что я отсутствовала шесть дней, или в пересчете на другое время несколько миллионов лет, и ни разу не ходила в туалет? Как такое возможно?

– Когда ты дотрагиваешься до стола, – объяснил Гералд, направляясь со всеми в сторону гостиной, – течение времени резко замедляется. Можно сказать, что время для тебя практически останавливается. Твое сердце, например, начинает биться со скоростью один удар в минуту. Я подсчитал, что за шесть дней твое сердце совершило приблизительно 8640 ударов. Можно подумать, что это много, но на самом деле это не так. В обычном режиме твое сердце бьется приблизительно шестьдесят раз в минуту. Следовательно, получается, что для тебя прошло не шесть дней, а всего

пара часов.

– Видимо, поэтому прямо перед тем, как я исчезла, Джон кричал: «Стой!» Это он, должно быть, обращался ко времени, просил, чтобы оно остановилось, – заметила Лили.

Все рассмеялись.

На столе стояло блюдо с тушеным мясом с овощами. Перед тем как приступить к еде, они взялись за руки, и в этот раз Лили вместе со всеми произнесла короткую молитву: «Всем сердцем благодарю Господа за дары на этом столе». Никто никак не прокомментировал то, что она взялась за руки вместе с ними и произнесла слова благодарности, но девушке показалось, что Джон улыбнулся.

Обед был очень вкусным, но общая слабость не позволила Лили съесть столько, сколько требовалось ее организму.

– Лили, – произнес Джон, когда обед подходил к концу, – мы видели практически все, что видела ты. Картинка подавалась прямо на поверхность стола. Все время, пока ты «отсутствовала», по крайней мере, один из нас, а чаще всего и несколько человек сразу находились вместе с тобой в комнате. Нам не хотелось выходить из комнаты не только потому, что мы переживали о твоей судьбе, но и... – он помолчал и продолжил: – потому, что все, что ты видела, было неописуемо красиво. – На глазах Джона выступили слезы.

Лили была совершенно с ним согласна и взяла Джона за руку.

– Я рада, что и вы это видели. Согласна, что описать все это словами практически невозможно, – сказала она.

Наступило неловкое молчание. Гералд в порыве дружеских чувств взял Лили за руку, укушенную змеей, и девушка едва сдержалась, чтобы не отдернуть ее. Джон это заметил, и в его глазах она прочитала немой вопрос.

Лили сказала, что очень устала и хочет спать.

– Уверена, что и вам сон тоже не помешает, – добавила она.

Джон вызвался довезти ее до спальни.

– Скажи, я уже выполнила то, что от меня требовалось? – спросила его Лили, когда они подъехали к дверям ее комнаты. – Я увидела и сотворение мира, и рождение человека. Больше от меня ничего не нужно?

– Не знаю. А ты сама как считаешь?

Девушка поняла, что Джон не только пытается понять, насколько она с ним честна, но и старается восстановить доверие, утраченное после того, как она начала о многом умалчивать.

Лили пожала плечами:

– Не знаю.

Джон глубоко вздохнул:

– Тогда я думаю, что никто, кроме тебя, не в состоянии ответить на этот вопрос. Тебе придется вернуться в Комнату Свидетеля, прилечь на диван и посмотреть, что будет происходить.

– Понятно. – Она чувствовала себя такой усталой, что у нее не было сил вдумываться в то, что все это может для нее значить. – Да, и еще один вопрос.

– Конечно, – улыбнулся он. – Как же без последнего вопроса?

Она улыбнулась в ответ.

– Это точно. Я вот о чем подумала: если бы я не попала к тебе в Прибежище... узнала бы я о сотворении мира и Адаме?

– Вот на этот вопрос очень сложно ответить, – сказал Джон. – Пути Господни неисповедимы. Господь – Художник, а не менеджер, и без нас существовать Он не может. Ты здесь, и это все меняет. Если бы тебя здесь не было, это тоже бы все меняло. Я рад, что ты здесь, пусть это, конечно, и немного эгоистично.

– И я тоже рада, что я здесь, – призналась она. – Или чаще рада, чем не рада.

Ну, вот, снова. Я сказала правду, потому что меня поймали с поличным, и у меня не было выбора. Но я сказала не все. Я знаю, что сделала Джону больно. Я поняла это по выражению его лица. Но проблема в том, что я не рассказала всей правды. Я сжигаю мосты, а люди их снова возводят. Интересно, как долго такая ситуация может длиться? Мне все дико не нравится. От всего этого я чувствую себя слабой. Может, я вру, чтобы спрятаться и быть в безопасности.

Пока «записано» далеко не все, что я успела увидеть. Я не хочу быть Свидетелем бесконечно. Даже от мысли о том, что все это может затянуться надолго, мне становится дурно.

Я хочу остановить Адама. Я хочу посмотреться в зеркальце. Я хочу поговорить с Саймоном. Я хочу умереть, убежать или найти дорожку назад к своему дому. Хотя... не уверена, что хочу вернуться домой, то есть туда, откуда пришла. Я мало что помню из своего прошлого, но и этого достаточно, чтобы не хотеть туда возвращаться. Боюсь признаться даже себе самой, но это странное место под названием Прибежище мне кажется в большей степени домом, чем мой настоящий дом, каким бы он ни был.

Ну, так вот. Сегодня я наблюдала сотворение мира. Все было, как и

тогда, в первый раз, но немного по-другому. Я познакомилась с Хан-элем, который и слыхом не слыхивал о Джоне и Еве. Я ничего Джону об этом не сказала, но мне кажется, он догадывается. Такое ощущение, что зеркальце показывает мое настоящее лицо. Чем лучше я узнаю Лили, тем больше убеждаюсь в том, что она полная дрянь.

Но с другой стороны, может быть, Саймон прав. Может, я действительно Лилит и, прежде чем умереть, я могу изменить ход истории и свою бесполезную жизнь? Надо с этим разобраться и понять, что делать.

Глава 13

Рождение Евы

Лили лежала на кровати в своей комнате, как неожиданно почувствовала, что ее ладонь обхватила уже знакомая ей рука. Девушка вздохнула с облегчением. Она не видела Еву с тех пор, как Господь сетовал на то, что Адам от Него отвернулся. В обществе матери девушка чувствовала себя уверенно и спокойно, все сомнения рассеивались, заботы уходили прочь, и ей уже не казалось, что она не оправдывает чьих-то ожиданий. С Евой девушке было по-настоящему хорошо.

– А можно вопрос... – едва слышно прошептала она, словно не желая нарушать сладостную тишину.

– Конечно. – Улыбка Евы была такой светлой, что девушка чуть не забыла, о чем хотела спросить.

– Почему в последний раз тебя со мной не было?

– Но я же не Свидетель, дорогая моя. Сегодня наши пути разойдутся, но я буду наблюдать за тобой издалека.

– Значит, сегодня мы отправимся в путешествие по отдельности?

– Когда ты снова будешь свидетельствовать, наши пути пересекутся, но не так, как раньше. Что бы ни случилось, не забывай, что я всегда тебя любила и ты была достойна моей любви.

Ева произнесла эти слова, и девушка им почти поверила. Как странно, что признание в любви может привести к такому глубокому самокопанию, от которого становится просто тошно.

Ева наклонилась и поцеловала Лили в лоб и потом в течение нескольких минут гладила по волосам.

– Ты меня узнаешь, а я тебя нет, – сказала Ева. – Но Адонай никогда не забывает. Помни, Он тебя очень любит.

– Не уходи, – попросила девушка Еву. – Мне кажется, я не переживу еще одно расставание. – Ее голос задрожал. – Ева, я не знаю, кто я.

– Задай этот вопрос Адонаю и верь тому, что Он скажет. Кто по-настоящему любит, никогда не врет и не кривит душой. Кто по-настоящему любит, всегда говорит правду, какой бы неприятной она ни была. Лили, ты моя дочь, вне зависимости от разделяющего нас расстояния, мы всегда будем рядом. Ты – во мне, ты – в Господе, а все мы – в тебе, Лили Филдс. Ты никогда не была и не будешь одна.

Лили не спорила с тем, что сказала ей Ева, но ее глубокие душевные раны не исчезали. Неожиданно Ева начала напевать нежную, сладкую мелодию, которая подняла Лили и перенесла в объятия Бога. Девушка заснула спокойным сном, в котором не было ни кошмаров, ни грез.

На следующее утро Лили чувствовала себя гораздо хуже, чем обычно. Правая, укушенная змеей, рука нестерпимо болела при малейшем движении, и девушке пришлось все делать левой.

Пока Лили добралась на своем кресле до Комнаты Свидетеля, где ее ждали Джон с Саймоном, она вся вспотела.

Джон потрогал ее лоб ладонью:

– У тебя температура. Пожалуй, не стоит сегодня свидетельствовать.

– Ты уверена, что у тебя хватит сил? – спросил Саймон. – Тебе решать. Можно все отложить на потом.

– Но я здесь для того, чтобы свидетельствовать, – возразила она.

Как только Лили подъехала к дивану, она почувствовала, что тело расслабилось и боль прошла. Девушка не знала, почему это так, но в Комнате Свидетеля ее состояние улучшилось.

Через мгновение она уже стояла на поросшем лесом, каменистом холме, с которого открывался вид на равнину, где собралось множество животных. У Лили ничего не болело. Вокруг нее возвышались могучие деревья, и когда она потрогала ближайший к ней ствол, тот мелодично рассмеялся.

Лили в испуге отпрыгнула. Оказывается, это был Хан-эль.

– Ты стал деревом? – рассмеялась она.

Девушка была рада, что ангел оказался рядом.

– Нет, но я могу принимать ту форму, в которой ты хочешь меня увидеть, – пропел ангел. – И не забывай, что сейчас ты в лесу.

Лили рассмеялась еще громче. Во всем теле она ощущала невообразимую легкость и дышала свободно и глубоко. Она посмотрела на свои руки и не заметила следов от змеиного укуса и отека от яда. Она приподняла подол платья и глянула на свои ноги, которые оказались совершенно одинаковыми. Неужели она настолько увлеклась, наблюдая сотворение мира, что не заметила произошедших с ней изменений?

Лили, как маленькая девочка, несколько раз покрутилась вокруг себя и встала, повернувшись лицом к солнцу, лучи которого проникали сквозь кроны деревьев и нежно целовали ее щеки. Она закрыла глаза от наслаждения.

– Хан-эль, что я сегодня буду наблюдать?

– Смотри.

Она открыла глаза и увидела, что ангел показывает пальцем на расстилающуюся под ними равнину. Она не успела моргнуть, как вместе с ангелом оказалась внизу под холмом. Лили увидела Адама и Адонаю, а за ними Огонь и Ветер. Адам посмотрел на гиппопотама, подумал и произнес:

– Водяная лошадь.

– О! – сказала Лили. – Я знаю, чем Адам занимается.

– Хорошо, тогда знай, что сегодня последний день наречения, – произнес Хан-эль. – Адам отвернулся от Господа, который не сжег все мосты, оставив Своему сыну возможность снова Ему довериться.

– Как, Адам уже отвернулся от Господа? – ужаснулась Лили. – Скажи, Хан-эль, а как наречение животных может стать возможностью довериться Господу?

– Смотри и все поймешь. Адам уже не видит то, что видишь ты. Он отвернулся и решил, что он совсем один, и эта ложь не дает ему видеть то, что находится вокруг него. Адам уже не видит ни Огня, ни Ветра, да и сам Адонай исчезает и кажется ему всего лишь призраком.

– Но Адама обманули! Его обманула змея, которая сказала, что он один.

– Адам поверил змее и теперь считает, что она сказала чистую правду.

Адам сел на землю у ног Адоная и сжал ладонями голову.

– Я совсем один! – с отчаянием пробормотал он.

– Наречение подошло к концу, – объявил Хан-эль, – но Адам не получил того, на что надеялся.

Адонай протянул руку и положил ладонь на макушку Адама. Потом произошло то, что поразило Лили до глубины души.

Она увидела, как Адонай усыпил Адама и с нежностью уложил на ложе из перьев ангелов. Над ложем возник балдахин из стеблей камыша. Вокруг Адама стояли ангелы. Время шло, и Адам спал. Прошло несколько месяцев, и чрево беременного Адама выросло. И потом время остановилось.

На девять месяцев беременности Господь пробудил в Своем сыне женское начало, чтобы создать в нем нового человека, обладающего силой не меньше, чем сила Адама, но при этом внешне хрупкого и слабого.

Все мироздание затаило дыхание, когда Адонай вынул ее из него, разделив одно на две части. Теперь ни одной из этих половинок не стать цельной самой по себе, но благодаря бесконечной любви Адоная эти половинки могут сойтись вместе, чтобы снова стать единым целым. Теперь стало двое людей, рядом с мужчиной появилась женщина, и им суждено

было жить, повернувшись лицом друг к другу и никогда не забывая об Отце, Сыне и Святом Духе.

Крик девочки-младенца огласил ночь, и Посланники отправились из Рая во все концы Вселенной, чтобы возвестить благую весть.

Лили наблюдала, как Господь закрыл чрево Адама, наклонился и поцеловал сына. Адам проснулся, встал и ощупал свой бок, рана на котором быстро затягивалась и исчезала. Вечный Человек показал ему девочку-младенца, одетую в свет, любовь и чистое чудо. Адам взял младенца на руки и радостно засмеялся.

– Наконец-то! Вот моя вторая половинка, вот плоть плоти моей. Назову ее Иша, то есть слабость, потому что потребовалось много моих сил, чтобы дитя появилось на свет.

Лили запрыгала и начала танцевать от радости. Вместе со всеми животными возрадовалась она, но потом посмотрела на Хан-эля и Адоная и увидела на их лицах выражение сдержанной суровости. Лили прекратила танцевать.

– В чем дело, Хан-эль? Разве ты не счастлив?

– Я в восхищении. Дитя – это ответ любви на то, что Адам отвернулся от Господа. Я предвижу, что благодаря этому ребенку нас ждет примирение и спасение, но вижу я по лицу Господа, что придется заплатить за это великую цену. И становится грустно мне.

– А разве рождение ребенка не искупает вину за то, что Адам отвернулся от Господа?

– Есть на это надежда, – пропел Хан-эль.

– Что ждет Адама? Что готовит ему судьба?

– Сейчас Адам повернется к ней, но это спасет его лишь на время. Дитя это – предложение Адоная Адаму признать свою слабость, не чувствовать себя одиноким, не стыдиться и не отворачиваться от Господа. Но той связи, которая была у Адама с Господом ранее, уже не будет никогда.

Лили покачала головой:

– Он назвал ее не Евой, а Ишей. Он назвал ее, как при наречении, как и всех других тварей.

– О, да! – пропел с грустью Хан-эль. – Даже сейчас Адам, стремясь к власти и царству, отворачивается от Господа. Он назвал ее «слабой и хрупкой», то есть выбрал качества, которые свойственны ему самому и которых он так стыдится. Адам будет продолжать отворачиваться от Господа и Его правды, выберет Адам одиночество, словно сам может стать Господом.

Лили протянула к ангелу руку, но не знала, примет ли ее Хан-эль. Ангел взял ее ладонь и крепко сжал. Девушка почувствовала силу и грусть ангела.

– Мне очень жаль, – произнес ангел, имея в виду Адама.

– И мне тоже, – сказала Лили, хотя решила, что ангел жалеет ее саму.

– Но эта история, – добавил ангел, – только начинается. Смотри!

Тут перед Лили, словно на быстрой перемотке, пронеслась жизнь Иши. Девушка увидела, как Господь вскармливал ребенка грудью и как тот делал свои первые нетвердые шаги под присмотром Адама. Иша подросла и в одеяниях из огня и ветра, за руку с Вечным Человеком начала гулять по лесам и полям. Лили поняла, что девочка вырастет красивой и статной. Иша была сообразительной и веселой. Она росла, и вместе с ней росла ее любовь к Адаму, который тоже любил ее всей душой. Им было хорошо друг с другом.

Когда Ева подросла, Адонай начал разговаривать с ними не только о чудесах мироздания, но и о том, что все существа должны размножаться. Когда Адонай заводил эти разговоры, Ева смущенно прятала глаза и чувствовала стыд, причину которого не могла понять. Адам и Ева не знали тайн плотской любви. Они продолжали жить, как и прежде, в радости и наслаждении и знали, что, когда придет время, познают все тайны любви.

Постепенно Ева выросла и превратилась в молодую женщину. Она была сильной, быстрой, умной и выносливой. Иногда она в одиночестве выходила на прогулку в Райском саду, танцевала и пела мелодию бесконечной любви и всегда возвращалась к Адаму, который встречал ее с распростертыми объятиями.

Однако поведение Адама постепенно стало меняться. Лили заметила, что он часто становится мрачным и замкнутым. Он стал менее нежным, иногда не заканчивал начатые фразы и пел не в такт с Евой. Лили не радовали изменения, происходившие с Адамом.

– Я не хочу видеть того, что вскоре произойдет, – сказала она Хан-элю.

– Я понимаю тебя, Лили, – пропел ангел. – Ты хочешь вернуться туда, откуда пришла?

– Да! – ответила Лили.

И она мгновенно оказалась в Подземелье.

– Привет! – воскликнула Лили и резко оторвала голову от подушки, чем очень удивила Джона, сидевшего с ней рядом.

Резкое движение вызвало боль в теле, Лили застонала и закрыла глаза. Постепенно ей удалось пересилить боль.

– У меня есть вопросы, – сказала она Джону.

– Вопросы? – удивился Джон. – Ты отсутствовала всего несколько минут.

– Всего несколько минут? Ну, как считает Гералд, несколько минут здесь могут равняться паре миллионов лет там. Я не понимаю, почему мне показали то, что я только что видела.

– Хм... – Он почесал затылок. – Я не знаю, что ты там видела.

– Ты приняла решение о том, что будешь Свидетелем, – услышала она голос Саймона и начала крутить головой, чтобы увидеть, где именно в комнате тот находится. – Но ты не можешь выбирать то, что тебе показывают.

– Если честно, я не принимала никакого решения о том, чтобы стать Свидетелем. Я не выбираю то, что увижу в качестве Свидетеля. Так кто же решает, что мне покажут и что я увижу?

– Господь, – ответил Саймон.

– А кто решает, что будет записано?

Джон с Саймоном посмотрели на нее с полным непониманием.

– Не понял твоего вопроса, – ответил, наконец, Джон. – Записывается все то, что ты видишь.

– О, Бог ты мой. – Она глубоко вздохнула. Воспоминания о том, что она видела, были еще очень яркими и свежими. – Хорошо, вы не сможете понять моего вопроса, пока сами не посмотрите запись. Давайте просмотрим, и я смогу спросить вас о том, что меня интересует.

Они перешли в Комнату записей, захватив по пути Аниту и Гералда.

Лили дотронулась до стола, чтобы «перекачать» в него свои воспоминания, после чего все их отсмотрели. Потом Лили повернулась к Ученым и Джону. Гералд закрыл рот рукой, Анита покачивала головой, а у Саймона и Джона были изумленные лица.

– Ну? – сказала девушка.

– Я в течение многих лет изучал священные тексты, – сказал Гералд, – но так и не понял всей глубины того, что там описано. И сейчас, отсмотрев этот материал, я тоже ничего не понимаю. Правда, если раньше мне казалось, что я смотрю на огромную гору священных текстов, стоя у ее подножия и задрвав голову, то сейчас мне кажется, что я забрался на самую вершину.

– Ты видела начало предательства Адама, – произнесла Анита.

– Да я не об этом! – воскликнула Лили. Боль из укушенной руки распространилась по всему телу, и у нее страшно болела голова. – Наречение является не началом предательства Адама, а его результатом. Я

наблюдала самое начало, когда были посеяны первые семена измены, то есть ту часть истории, в которой змея дает Адаму нож, но почему-то в записи этот важный кусок отсутствует.

По выражениям их лиц Лили поняла, что проговорились, но в тот момент ее это мало волновало.

– Секундочку! – произнес Джон.

Лили еще ни разу не слышала, чтобы Джон говорил таким громким голосом, как сейчас. Девушка прикусила губу, чтобы скрыть улыбку. Ей почему-то было приятно видеть его в таком сильном возбуждении.

Все молчали, а Джон собирался с мыслями.

– Лили, мне кажется, сейчас самое время рассказать о разговоре змеи с Адамом и об этом ноже.

Девушка подробно рассказала им эту историю. Она не забыла упомянуть, что при этом присутствовала Ева, а также и то, что Адонай очень расстроился. Лили рассказывала, и любопытство на лицах ее слушателей постепенно сменилось выражением глубокой грусти. Взволнованный Саймон ходил по комнате из угла в угол.

Когда Лили окончила свой рассказ, в комнате на несколько минут воцарилась тишина.

– Эта история вообще нигде не описана, – первым нарушил молчание Гералд.

Джон подошел к стене, в которой находились слоты для пластин, и стал что-то искать.

– Я надеюсь, Лили, ты понимаешь, что все зло, которое есть в мире, все предательства, потери, несправедливости, все страдания, которые выпали на долю человечества, начались с момента предательства Адама, с той секунды, когда он отвернулся от Господа. До того момента все было хорошо. Не было ничего плохого. Все было Хорошо с большой буквы.

– Хан-эль именно так мне и говорил, – заметила Лили. – Но я все-таки не понимаю. Почему в этом виноват Адам? Мне кажется, что в этом виновата змея.

– Нет, дорогая, – поправила ее Анита. – Змея не виновата в том, что Адам отвернулся, и в том, что в его душе появилась тень. Все это сделал Адам, и это его вина.

– Все равно не понимаю, – сказала Лили и начала кружить по комнате в своем кресле. Движение помогало ей сосредоточиться. – Почему все вы упираете на то, что Адам отвернулся? Что в этом такого? Он же не соврал и никого не убил.

– К сожалению, все к этому идет. Все, о чем ты говоришь, неизбежно

произойдет, – сказал Джон, доставая из слота предмет, похожий на небольшую палочку. – Вот одна штука, которая, как я думаю, сможет нам помочь.

Джон повернул основание палочки, которая тут же начала светиться, как яркий фонарь, и направил ее на Лили. Свет ослепил девушку, и она прикрыла глаза рукой.

– Свет сильный, но, не волнуйся, он не причинит тебе вреда, – заверил Джон. – Верь мне, и все будет хорошо. Пожалуйста, посмотри прямо на источник света и ответь на несколько вопросов.

Лили отвела руку и посмотрела на свет. Сперва она сощурила глаза, но потом постепенно привыкла, и ей даже показалось, что этот свет ее как-то успокаивает. Головная боль, как ни странно, прошла.

– Так вот, – продолжал Джон, – ты смотришь прямо на источник света. Скажи мне, видишь ли ты темноту?

– Нет, никакой темноты я не вижу, – ответила девушка.

– Хорошо. Еще вопрос. Как сделать так, чтобы ты увидела тень?

– Допустим, кто-то встанет между мной и источником света.

– Правильно. Но, допустим, никто не встанет.

Лили задумалась, но быстро нашла ответ:

– Мне надо повернуться. Тогда возникнет тень.

– Вот именно, – сказал Джон, – Господь – это свет, и в Них нет никакой тени. Господь освещает всю Вселенную. Адам отвернулся от Господа и создал таким образом тень. Это была его собственная тень. У Адама уже есть свое царство, и это царство вместе со змеей он закрыл своей тенью.

Джон снова повернул основание палочки, и свет померк.

К Лили подошел Гералд.

– Хочу показать тебе еще один простой эксперимент, – сказал он. Гералд вытер ладони о рубашку и протянул их к лицу девушки: – Позволишь?

Она хотела отстраниться, но потом подумала, что Гералд не сделает ей ничего плохого. Она кивнула, и он приложил ладони к ее вискам.

– Смотри. Вот мы стоим лицом к лицу друг с другом. Скажи мне, какая мысль в этом положении точно не придет тебе в голову?

Лили задумалась:

– Мысль о том, что я одна.

– Совершенно верно! – Гералд разжал ладони и сделал шаг назад. – Адам находился лицом к лицу с Господом, и его окружала любовь Отца. Когда он поворачивал голову, Господь поворачивался вместе с ним. Так что Адам должен был сделать, чтобы не видеть любви Господа?

– Он закрыл глаза и отвернулся. И как только он это сделал, ему показалось, что он один! – воскликнула Лили.

– Когда ты всегда лицом к лицу с кем-либо, ты никогда не бываешь один, – сказал Джон.

– Так почему же Адам снова не повернулся лицом к Господу? – спросила Лили.

– Как только Адам поверил, что сделал правильно, отвернувшись от Господа, в его душе появилась тень, – ответила Анита. – Тень стала его новой реальностью. Доверие исчезло, и появилось желание контролировать отношения и дозировать свою любовь. Из-за появившейся в душе темноты Адам по-новому взглянул на все, что было вокруг. Он по-новому взглянул и на Господа, и на свои отношения с Ним. Адам очень быстро забыл о том, что отвернулся от Господа. Он начал думать о том, что он единственный сын Господа, венец творения, и решил быть независимым. Все мы дети Адама, и, к сожалению, все мы продолжаем жить в тени смерти. Каждый из нас сам по себе пытается решать, что хорошо, а что плохо, что зло, а что добро.

– И началось все это с того момента, когда Адам отвернулся от Господа, – продолжил Гералд. – Когда исчезает вера в слово Господа, появляется смерть. Смерть, которая, в конечном счете, является уделом каждого из нас. Все мы хотим управлять своим царством, поэтому появляется политика и религия. Желание человека быть с кем-то дано нам Господом, но мы подменяем это желание эгоистичным стремлением покорять и властвовать. Мы боготворим деньги, словно это самое важное в жизни, превращаем искусство в пропаганду и оружие, заставляющее нас подчиняться. Ради блага многих мы готовы пожертвовать интересами одного человека, мы твердо убеждены в том, что цель оправдывает средства. Каждый из нас сам решает, что хорошо, а что плохо.

Наступила тишина. Гералд по характеру был сдержанным человеком, и все с уважением отнеслись к его словам, в которых было так много страсти. Лили первой нарушила молчание:

– Но ведь все мы являемся и детьми Евы. А ее вообще не было тогда, когда Адам отвернулся от Господа.

– Она была внутри Адама, – произнес Саймон. – Можно сказать, что она тогда спала и еще не успела проснуться. Появление Евы в определенном смысле было предложением Господа Адаму снова повернуться к Нему лицом. Господь создал Еву в чреве Адама для того, чтобы вернуть Своего сына.

У Лили свело шею, и здоровой рукой она начала массировать больное

место. Укушенная рука тоже болела, и девушка чувствовала, как змеиный яд все глубже и глубже проникает в ее тело.

– Мне кажется, тебе надо отдохнуть, – сказал Гералд. – Если честно, я бы и сам с удовольствием прилег. Когда начинаю думать об этом вселенском горе, о причинах того, что человек смертен, мне всегда становится не по себе.

– Мне кажется, что Адам очень сильно расстроил Господа своим поступком, – заметила Лили. Она словно размышляла вслух.

Все присутствующие кивнули.

– Я знаю, как чувствует себя человек, когда от него отворачивается тот, кого он любит, – произнес Саймон и вышел из комнаты.

Анита по-матерински поцеловала Лили в волосы. Девушка легла в кровать и расплакалась. Она чувствовала, как слезы текут из глаз и скатываются на подушку. Ей казалось, что она увидела самый грустный момент во всей истории человечества. Она плакала, потому что ей было жалко Адама, Господа, да и себя саму. Но больше всего ей было жалко Еву.

Глава 14

Тайны контейнера

Лили почувствовала, как ей зажимают рот и наваливаются на грудь. Она открыла глаза и увидела на губах чью-то ладонь.

– Тише! – слышался голос.

Сердце Лили чуть не выпрыгнуло из груди, прежде чем она узнала его. Это был голос Саймона. Лили перестала сопротивляться, и мужчина медленно отнял руку от ее губ.

– Саймон, – прошептала девушка. – Ты с ума сошел! Что ты здесь делаешь?

– Нам надо поговорить. – Он посмотрел на нее с мольбой.

Лили кивнула и нажатием кнопки превратила кровать в кресло.

– Говори, – произнесла она, чувствуя, что сердце все еще учащенно бьется.

– Лилит, ты не должна им верить.

– Что-что? Кому нельзя верить?

– Все остальным: Джону, Аните и Гералду, – объяснил Саймон. – Пожалуйста, пойми меня правильно. Все они искренне считают себя твоими друзьями, и в определенном смысле так оно и есть, но они тебя недооценивают и не понимают, что ты должна сделать.

– А что я должна сделать?

– Ты должна изменить ход истории. Предотвратить катастрофу, с последствиями которой все мы живем и по сей день.

– Ничего себе! И какие в этом сложном деле у меня есть союзники? Только ты один?

– Да, я. И совершенно неожиданным образом и в некотором смысле змея.

– Змея?! – От этой новости Лили чуть не встала со своего кресла. Она бы и встала, но пока еще не могла этого сделать. – Послушай, эта тварь меня укусила. Для меня змея – враг, и точка.

– А вот и нет. Сама подумай и поймешь, что она твой союзник, – произнес Саймон. – Вспомни, что все тебе говорили. Что причиной предательства Адама является вовсе не змея. Адам отвернулся от Господа не из-за нее. Она не виновата. И теперь после того, как Адам отвернулся, человек стал смертным, и вот в этом-то и вся проблема. Но все это можно

изменить. Чтобы избавиться от смерти, необходимо принести человеческую жертву.

Казалось, Саймон еще много чего может сказать по этому поводу, но он остановился и сделал глубокий вдох.

– Прости, – произнес он. – Это очень личная тема, слишком волнительная для меня.

– Я тебе повторяю, змея меня укусила, – настаивала Лили. – Яд медленно распространяется по всему телу. У меня все болит.

– Вот именно! Змея укусила тебя, чтобы передать свою силу. Понимаешь, о чем я говорю?

– Нет, не понимаю. Объясни.

– Смотри. Я не думаю, что в качестве Свидетеля ты в состоянии что-либо изменить, но вот как Лилит ты можешь исправить очень многое. Может быть, присутствие Лилит имеет огромное значение. Ты же уже наблюдала некоторые эпизоды этой истории, которые не были записаны и которые никто не видел. Верно?

– Ну, да. Видела, например, разговор Адама со змеей.

– Точно! – Он радостно улыбнулся. – Скажи, а у ножа, который змея подарила Адаму, есть какое-нибудь название? Может быть, это Мачиара?

– Да! – с удивлением ответила Лили. – А откуда ты это знаешь?

– Слава Тебе, Господи! – воскликнул Саймон. – Я так и знал! Теперь все становится понятнее.

– Ну, я рада, что хоть кому-то становится понятнее, – ответила Лили.

– Мачиара – это не простой нож. Это меч, который на протяжении долгих веков использовали для приношения в жертву животных, чтобы загладить вину Адама. Бог любит и ценит достойное жертвоприношение. А что Адам с этим ножом сделал?

– Не знаю. – Пытаясь вспомнить, Лили наморщила лоб. – Кажется, он взял его с собой в Райский сад.

– Отлично! – воскликнул Саймон и на мгновение задумался. – Тебе не удалось предотвратить измену Адама, но ты все равно в состоянии изменить весь ход истории.

Лили восприняла это последнее замечание Саймона как некую издевку, потому что понятия не имела, как сделать то, о чем он говорил.

– Ну, и как я смогу это сделать? – поинтересовалась она.

– Мне кажется, что змеиный укус дает тебе силу. Благодаря яду ты можешь быть более реальной, более осязаемой. На тебе как бы нарастает плоть в то время, когда ты находишься в том мире. Как Свидетеля тебя мало кто видит. Следовательно, в качестве Лилит ты можешь что-то

изменить. Я пока еще не могу понять, как именно это сделать.

– Все это сплошные догадки, – заметила девушка.

– Я знаю, что делать. Думаю, зеркальце подскажет. Все, что ты видишь в нем, имеет огромное значение. Оно показывает тебе правду о себе самой, которую ты должна понять и, исходя из нее, действовать.

– Нет, Саймон, извини, не могу, – умоляющим тоном ответила Лили. – Если бы ты увидел в зеркальце то, что увидела я, ты бы точно не захотел находиться со мной в одной комнате. Я исчадие ада, омерзительный, подлый и низкий человек.

– Вот именно поэтому тебя и выбрали Свидетелем. Лилит, может, тебе и не очень приятно будет это услышать, но мне кажется, что Господь специально выбрал самое страшное орудие для того, чтобы добиться самого лучшего результата.

Саймон очень обидел ее своими словами, и первым инстинктивным порывом Лили было желание ударить его по лицу, но она сдержалась. Он сообщил ей далеко не самые приятные новости, но, тем не менее, она должна была признать, что в его рассуждениях есть определенная логика. Она подумала о том, что ничего в этом мире не происходит просто так, и почувствовала, что в ее жизни есть смысл, а у нее – миссия, которую она должна выполнить.

Саймон положил руку на ее плечо, и она ее не сбросила.

– Что я должна сделать? – спросила Лили.

– Примириться с тем, кто ты есть, и выполнить то, что суждено тебе судьбой! Но сперва нам надо попасть в хранилище и посмотреть на вещи, которые прибыли вместе с тобой в контейнере. Мне кажется, они помогут тебе вспомнить прошлое, понять, кто ты, после чего ты сможешь спокойно сделать то, что нужно.

– Но как мы туда попадем? Это же очень далеко... Ой, поняла! Ты подумал о перемещении из Картографической комнаты?

– Совершенно верно. Мы можем попасть в хранилище, вернуться и уложиться за десять минут. Ведь Джон говорил о десяти минутах? Разве тебе самой не интересно, что там хранится и кем ты была в той жизни?

– Мне немного любопытно, но, если честно, я боюсь того, что могу узнать.

– Другого выхода нет. Придется рискнуть. Для того чтобы выполнить данное тебе Господом предназначение, ты должна успокоиться и понять, кто ты.

– Не знаю, насколько я буду спокойной после того, что видела в зеркальце, и отрывочных воспоминаний.

Лили сделала над собой усилие, чтобы не вспоминать то, что пыталась выбросить из головы. Ее страшила неизвестность, но одновременно пугало то, что она может узнать.

– Лилит, тебе нечего терять!

Он был совершенно прав. Ей действительно нечего было терять. Отношения с Джоном, Анитой, Летти и Гералдом были, по сути, вымышленными. Всем им нравилась девушка, которой, в лучшем случае, просто не существовало.

Она кивнула, и Саймон выкатил ее в пустой коридор. Все спали. Через пару минут они уже стояли у карты Прибежища, быстро нашли на плане то место, где находились, и то, куда им надо было отправиться. Саймон дал ей треугольник.

– Дотронься треугольником до этого места. – Он показал пальцем на карте. – Я сделаю это сразу же за тобой.

Лили не заставила себя долго ждать. Она почувствовала дуновение ветерка и увидела вспышку света. Потом все на мгновение заволокло серой мглой, и когда она рассеялась, девушка оказалась в коридоре с каменными стенами. Тут же рядом с ней появился Саймон.

– Странное ощущение! – воскликнул он и замотал головой. – Дай секунду, чтобы прийти в себя.

Саймон велел Лили вставить свой треугольник в специальное углубление в стене, после чего через десять минут она автоматически перенесется назад в Подземелье. Сам он отошел к другому углублению в стене и тоже вставил в него свой треугольник.

– Слава Богу, что я быстро нашел место для моего треугольника. Теперь давай скорее искать контейнер. Ты помнишь номер?

– Один – одиннадцать – пятнадцать. То есть год и день, когда меня нашли, и мой возраст.

Почти пять минут ушло на то, чтобы найти нужную им дверь. Она была железной, наподобие задней двери грузовика, и с большим замком. Рядом висела табличка с цифрами 11115 и нечетким очертанием ладони.

Саймон кивнул в сторону отпечатка руки на стене:

– Давай открывай, у меня это не получится.

Девушка медленно подняла руку и приложила ладонь к очертанию на стене.

Механизм начал крутиться, и замок открылся. Саймон показал на ручку, словно сам не хотел к ней прикасаться.

– Не могу, – сказала девушка, – боюсь.

– Никто, кроме тебя, дверь не откроет, – твердо ответил Саймон. –

Если не узнать, кто ты на самом деле, все мы навсегда погрязнем в тех проблемах, которые нам оставил Адам.

Лили прислонилась лбом к стальной двери и застонала. Она чувствовала себя так, словно на ее плечи легла неподъемная тяжесть.

– Почему все зависит только от меня?

Саймон не отвечал.

Спустя несколько долгих секунд Лили двумя руками потянула ручку в сторону, дверь медленно открылась, и внутри контейнера автоматически включился свет.

Сперва она почувствовала запах, и тут же воспоминания накрыли ее пенистой волной. Она ощутила запах табака, который въелся в изношенное ковровое покрытие и все другие поверхности контейнера. Табачный запах смешивался с запахом дешевых духов, гниющих продуктов и плесени. Это был запах ее детства, тех времен, когда она ползала по полу в поисках объедков, чтобы не помереть с голоду. В памяти всплыла музыка, которую она тогда слышала, – мелодии группы Nirvana, Мерла Хаггарда и песня Sunshine on My Shoulders Джона Денвера.

Воспоминания ударили в голову, словно тяжелым кулаком. Она вспомнила все и от ужаса закричала. А потом на мгновение в глазах стало совершенно темно.

Когда она пришла в себя, то почувствовала, что Саймон ее крепко держит. Она брыкалась и вырывалась. Рядом с Саймоном в ее комнате в Подземелье были Джон, Гералд и Анита, которые постоянно повторяли: «Все в порядке» и «Мы здесь, рядом».

Лили постепенно успокоилась. Девушка почувствовала запах прокисшего уксуса и стирального порошка, и ее вырвало.

– Принеси ей горячего чая, – попросила Анита Гералда и потом добавила: – С медом и молоком.

– Все в порядке, дорогая, – услышала Лили голос Аниты. – Мы здесь, и мы тебя не бросим. Ты в безопасности.

Лили заплакала.

– Я все вспомнила, Анита, – произнесла она сквозь слезы. – Я вспомнила то, что совершенно не хотела вспоминать...

– Успокойся, пожалуйста, – просила Анита, крепко обнимая девушку.

Лили слышала, что где-то рядом Джон читает молитву. Ей хотелось исчезнуть, раствориться в объятиях Аниты.

– Никто тебя ни о чем не будет спрашивать. Просто дыши глубже.

Вскоре появился Гералд с чашкой чая и встал рядом с Джоном. Лили дрожала и стонала. Она чувствовала себя невообразимо уставшей.

Только после того как девушка более-менее успокоилась, Анита вытерла мокрым носовым платком слезы с ее лица. Лили сделала маленький глоток чая, и тепло распространилось по всему телу, за исключением укушенной змеей руки, которая оставалась холодной и настырно продолжала болеть.

– Тебе ночью приснился кошмар, ты громко кричала, и мы проснулись. Гералд спросонья не понял, где дверь нашей комнаты, ворвался в кладовку и там упал. Могло бы быть смешно, если бы не было грустно. Слава Богу, никто не пострадал.

Лили улыбнулась.

– Я сперва подумал, что ты где-то в другой комнате, но ты оказалась в своей спальне, – продолжил Гералд. – Звуки в Подземелье распространяются весьма странным образом. Саймон в тот момент, скорее всего, был в Кабинете, а там хорошая звукоизоляция.

Лили подумала, что было бы здорово, если бы она могла спрятаться точно так же, как Саймон. Зачем она согласилась на его предложение осмотреть контейнер? Это было более чем глупо. О чем она думала и на что рассчитывала? Если Джон узнает, что они были в контейнере, ей будет очень стыдно.

– Я очень устала. Больше не могу быть Свидетелем. Я могу все это бросить? – прошептала Лили.

Анита погладила ее по голове.

– Я тебя прекрасно понимаю, – сказала она. – Я знаю, что тебе совсем непросто, и очень тебе сочувствую. Ты слишком быстро становишься старой.

Лили было приятно, что ей сочувствуют, хотя в глубине души она была уверена, что не заслуживает этого.

– Спасибо, что обо мне заботитесь, – сказала она.

– Не стоит благодарности, – завершила ее Анита. – А теперь спи. Один из нас останется дежурить в твоей комнате.

Лили не стала спорить. От выпитого чая ее веки стали тяжелыми, и ей захотелось спать. Она положила голову на подушку и произнесла короткую молитву: «Господи, я сейчас не хочу ни о чем думать. Пожалуйста, дай мне выспаться».

Лили открыла глаза и увидела, что светильники в ее спальне выставлены не на яркое дневное освещение, а на приглушенный ночной свет.

– Сколько я спала? – спросила она сидевшую рядом Аниту.

– Почти четыре часа, – ответила та с улыбкой. – Как ты себя чувствуешь?

– Не могу понять. Сейчас вообще ничего не чувствую. Как очнуться ото сна, который на самом деле является реальностью? В любом случае, мне кажется, что я проснулась, – произнесла она и несколько раз ущипнула свою левую руку так, что боль в ней стала почти такой же сильной, как и в укушенной правой руке.

– Хочешь убедиться, что не спишь? – спросила Анита, удивленно подняв брови.

– Ага. Я сейчас уже практически все ставлю под сомнение, – ответила девушка. Она помолчала и спросила: – Что ты имела в виду, когда сказала, что я слишком быстро старею?

Анита задумалась:

– Все мы – дети вне зависимости от того, сколько нам лет. Несмотря на то что Господь сделал так, что со временем мы умнеем и набираемся опыта, Они предполагали, что в душе все мы останемся детьми. К сожалению, зло в этом мире заставляет нас забыть о том, что мы дети, и слишком быстро нас старит.

– Что ты знаешь о моей прошлой жизни?

– Я знаю, что в прошлом ты перенесла слишком много боли и сейчас пытаешься разобраться с тем, что пережила. – Лили уловила в голосе Аниты гневные нотки. – Я говорю тебе это не как Ученый, а как друг, который тебя любит.

Они взяли за руки.

– Моя мать продала меня. Представляешь, Анита? Моя собственная мать продала меня своему бойфренду, который потом перепродал меня другим мужчинам, – сказала Лили, и слезы покатались из ее глаз. Анита тоже заплакала. – Как мать могла так поступить со своим собственным ребенком? Мать называла меня Крис, потому что ее любимым наркотиком был «кристалл»^[1]. Мужчины называли меня Принцессой.

Анита крепче сжимала ее ладонь и молчала, давая Лили возможность выговориться.

– Знаешь, что самое страшное в изнасиловании? Это не боль, а то, что ты чувствуешь после того, как это произошло. Иногда мать приводила меня к расположенной поблизости от нашего дома церкви и оставляла там. Может быть, это была своего рода попытка исповедаться, а может быть, она хотела, чтобы Господь подлечил мои раны, и потом она снова смогла бы сделать мне больно. Я помню, как сидела в классной комнате с другими детьми. Мне было тогда, наверное, лет пять. Я сидела и думала: «Как эти

дети могут смеяться? Что-то с ними точно не так. Они же могут от меня заразиться». Эти дети смеялись над моими колготками... теми самыми колготками, которые мужчины снимали с меня перед тем, как...

Анита и Лили глубоко вздохнули.

– Я слышала, что кто-то называл все это «изнасилованием души». Мне кажется, это очень правильное название. После этого становишься совершенно пустой и думаешь, что заслуживаешь все то, что с тобой происходит. Получается, ты сама виновата в том, что красивая и тебя выбрали. А если выбрали другую девочку, то ты опять виновата, потому что выбрали не тебя, так как ты недостаточно красивая.

Я много раз убегала от этих мужчин, но они каждый раз меня находили. Они перепродавали меня другим, и перед этим мне делали операцию, чтобы я казалась девственницей. Из-за этих операций у меня исчез менструальный цикл. Я не могу родить. Я не просто пережила трагедию. Вся моя жизнь, да и я сама – сплошная трагедия.

Анита наклонилась и крепко обняла девушку, приподняв ее с подушки. Лили почувствовала, что женщина хочет защитить ее от горя.

– Понимаешь, Анита, – проговорила Лили сквозь рыдания, – у меня уже никогда не будет ребенка. Я всегда мечтала о том, что рано или поздно смогу родить, смогу сделать в этой жизни что-то правильное, что у меня будет ребенок, которого я буду любить, который будет называть меня мамой... Но это невозможно, этому никогда не бывать...

Анита крепко обнимала девушку и слегка раскачивалась. Лили не замечала текущих по щекам слез и поняла, что плачет, только когда почувствовала, что волосы Аниты стали мокрыми.

Потом женщины успокоились, вытерли слезы и долго обнимали друг друга. Лили чувствовала смущение от того, что открыла другому человеку свои тайны. Но что сделано, то сделано, и бывшего назад не вернешь.

– Лили, могу я поделиться с тобой одним важным секретом и чем-то очень личным? – спросила Анита.

– Конечно.

– У нас с Гералдом родилась дочь. Я носила ее девять месяцев, но она родилась мертвой. Это было самое страшное, что случилось в моей жизни. Мы хотели назвать ее Надеждой. У нее были идеальные маленькие ручки и ножки. У нее были уши, как у Гералда, и хотя ему не нравится форма собственных ушей, я уверена, что он бы это пережил. После этого я так и не смогла забеременеть, хотя, поверь мне, мы очень старались. А теперь у меня уже никогда не будет ребенка.

Анита замолчала, и на этот раз Лили взяла ее за руку.

– Конечно, моя история совершенно непохожа на твою, – произнесла Анита. – Я не пережила всего того, что выпало на твою долю. Но у нас есть одно общее горе. Только женщина может понять, как это ужасно – не иметь возможности родить ребенка. У тебя эту возможность отняли, а у меня она просто исчезла. Это рана, которая останется у меня на всю жизнь.

– Мне очень жаль тебя, Анита. Я никому не раскрою твой секрет, – прошептала Лили.

– У настоящих друзей нет секретов друг от друга, – прошептала Анита в ответ. – У друзей есть сюрпризы, которыми они удивляют друг друга.

Лили улыбнулась:

– Что-то я не вижу в твоих словах никакой объективности.

– Научная беспристрастность – это миф, выдуманный для того, чтобы скрыть собственную трусость. Гораздо сложнее и благороднее быть настоящим и искренним. Исцеляя других, Хилеры исцеляют самих себя. – Анита распрямилась и протянула Лили свою руку. – Измена Адама имела колоссальные последствия не только для женщин, но и для мужчин. Тем не менее, многие мужчины нашли в себе силы побороть внутреннюю тень, доставшуюся им в наследство от Адама. Поверь мне, в этом мире достаточно приличных и честных мужчин, сильно отличающихся от тех, с которыми ты сталкивалась. Пойдем найдем таких мужчин и посмотрим, может быть, они приготовили что-нибудь поесть! После такого выплеска эмоций я чувствую, что проголодалась.

Лили громко рассмеялась.

– Иди, – сказала девушка, – я присоединюсь через несколько минут. Мне надо немного прийти в себя.

– Конечно, дорогая, – ответила Анита с улыбкой и снова обняла Лили. – Спасибо за доверие и за то, что поделилась со мной тем, что тебя мучает.

– Спасибо тебе за то, что не оставила меня. – Лили сжала ладонь Аниты. – Ты вот сказала про честных мужчин, и я кое о ком подумала. Еще несколько дней назад я вспомнила лицо одного мужчины, а теперь знаю и его историю. Когда нас отправляли в том контейнере, этот человек пытался нас спасти. В том контейнере собрали совершенно ненужных и уже бесполезных женщин. Помню, кто-то тогда сказал: «Такой товар на этом рынке уже не продашь». У человека, который пытался нас спасти, пропала дочь, и он присоединился к группе контрабандистов, чтобы ее найти. Он подозревал, что его дочь могли украсть и продать, как это произошло со мной. Его дочери в том контейнере не оказалось, но я чем-то напонила ему ее. И этот человек спрятал меня в боковое отделение в стенке

контейнера. Но времени не было, все происходило очень быстро, и я не успела правильно улечься. Когда в контейнер ворвались контрабандисты, они, как мне кажется, застрелили того мужчину первым. Перед тем как потерять сознание, я слышала звуки выстрелов. Этого мужчину звали Абдул Байт. Хотелось, чтобы ты узнала его имя.

Анита погладила Лили по руке:

– Когда мы отсюда выйдем, я сделаю все необходимое для того, чтобы его имя узнали и другие. Но, кто знает, может быть, ты сама сможешь его поблагодарить. Я на это надеюсь.

Анита вышла из спальни, а Лили достала свой дневник.

Надо завязывать с секретами. День у меня выдался непростой. Я наконец узнала, или скорее вспомнила... я даже боюсь выразить это словами на бумаге, потому что от всего этого мне становится нестерпимо грустно. Меня стерилизовали, как паршивую собаку, и я даже не помню, кто это сделал.

Анита сообщила мне, что и она не может иметь детей. Мне очень жаль ее и жаль себя. Я долго плакала. Я так рассердилась и расстроилась, что вообще перестала что-либо чувствовать. Я словно нахожусь под анестезией. Мне даже хочется себя чем-нибудь порезать, чтобы хоть что-то ощутить. Я боюсь того, что чувства уже никогда ко мне не вернуться. Но я ощущаю боль в руке от укуса змеи. И она очень сильная.

Мне хочется, чтобы лед, по которому я иду, треснул у меня под ногами и чтобы я исчезла без следа. О, Господи, даже если я совсем сошла с ума, я хочу, чтобы Ты меня нашел и спас!

Я была внутри контейнера, в котором прибыла в эти края, и тогда вспомнила все, что со мной произошло. Может быть, я вспомнила не все, но более чем достаточно. И потом я рассказала Аните о своем прошлом.

Кажется, я наконец-то поняла, что должна сделать. Саймон прав, я действительно могу изменить ход истории. Но я не могу сделать это в качестве Лили. Лили была маленькой и несчастной девочкой, и она давным-давно умерла. Нужно оставить это несчастное существо в покое. Пора взять новое имя и жить новой жизнью. Я стану Лилит, потому что Саймон в нее верит. Сейчас я Лилит.

Глава 15

Лили

Приняв это решение, девушка успокоилась. Когда она выехала в гостиную, Джон стоял, повернувшись лицом к окну-иллюминатору, и наблюдал за тем, как колышутся водоросли и плавают рыбы. Еда уже была на столе.

Лили остановилась рядом с ним.

– О чем ты думаешь? – спросила она.

– Что? – переспросил Джон, не оборачиваясь. Казалось, он был полностью поглощен внутренним диалогом. – В самом раннем возрасте ты узнала, что такое горе. Возможно, тебе не понять, почему наши души с такой силой стремятся вспомнить и снова пережить трагедию.

– Анита тебе все рассказала?

Он поднял руку, показывая, чтобы она помолчала, и потом медленно ее опустил.

– Мне кажется, – продолжил он грустным голосом, – все, что я делаю, – это только ковыряю твои еще не зажившие раны. Я делаю твою жизнь сложнее, чем она есть. Мне это очень неприятно. Мне не нравится, что я причиняю тебе боль и при этом с каждым днем испытываю к тебе все больше любви и уважения.

Лили протянула руку и дотронулась до его запястья. Она никогда ранее не прикасалась к Джону.

– Тебе не все равно, что со мной будет? – спросила она.

– Нет, не все равно, – ответил он, не отрывая глаз от водорослей за окном. – Я совершенно не ожидал такого поворота событий. Судя по всему, человеческие отношения имеют тенденцию развиваться самостоятельно, без какого-либо контроля с нашей стороны. Это не самое приятное для меня открытие. Но это еще и подарок, я бы даже сказал, что это большая радость. В общем, все это сплошная загадка. – Он глубоко вздохнул и медленно выпустил воздух из легких. – Да, мне совершенно не все равно, что с тобой произойдет, и это мешает мне принимать здравые и взвешенные решения.

Джон поджал губы, словно усилием воли заставил себя остановиться и не говорить больше, чем уже было сказано.

– Тогда хватит волноваться и переживать за меня, – ответила Лили не

без некоторого сарказма. – Я не привыкла к тому, чтобы обо мне заботились. Такое отношение кажется мне немного странным. Это только усложняет и без того непростую ситуацию.

– Если бы все было так просто, как ты говоришь, я бы уже давно сказал тебе, что это всего лишь очередное задание, которое я должен выполнить. Но у меня не получается.

Она рассмеялась так легко и непринужденно, что даже сама этому удивилась.

– Не верю своим ушам. То есть ты пытаешься сделать так, чтобы я тебе меньше нравилась?

Он искоса посмотрел на нее:

– Этот путь кажется мне более безопасным.

– Ох, поверь, – она снова рассмеялась, – все пути неисповедимы. Может быть, безопасность больше зависит от тех, с кем ты общаешься, чем от выбранного тобой пути?

Он с изумлением посмотрел на нее.

– Это похоже на мудрость, которая приходит после тяжелых испытаний, – сказал он. – Спасибо. Постараюсь запомнить.

Она не очень хорошо представляла, что ему ответить, поэтому произнесла ироничным тоном:

– Про себя могу сказать только то, что ты не особенно мне нравишься. Ты любопытный человек, но я в равной степени ощущаю к тебе любовь и равнодушие, фифти-фифти.

Это была неправда, и она подозревала, что он об этом знает.

– Интересно. – Он посмотрел на нее, отвернулся и через минуту снова посмотрел: – Нет, твои слова несколько не изменили моего отношения к тебе. Мои чувства остаются прежними.

Неожиданно у нее промелькнула мысль, которая ее испугала.

– Я надеюсь, ты в меня не влюблен?

– Бог ты мой, нет! – поспешно ответил он. – Любовь – это романтическое влечение, от которого слабеют колени и вообще человек становится довольно бесполезным существом. Если ты говоришь о такой любви, ты сильно ошибаешься.

– Ну и прекрасно! – Она с облегчением вздохнула. – Это могло бы меня сильно напугать. Я не говорю, что в тебя никто уже не влюбится, но между нами той самой любви никогда не будет. Ты же старый... или, скорее, староват, тебе где-то сорок или пятьдесят, верно я говорю? – Она сделала брезгливое лицо, чтобы подчеркнуть свое пренебрежительное отношение.

– Ну, слава Богу, с этим разобрались, – ответил он со смехом. – Ты совершенно права. Мне, по крайней мере, сорок или пятьдесят, а ты всего лишь ребенок.

– Я совсем не ребенок! – твердо заявила она. – Я молодая и сильная женщина!

– И очень настырная! – Он снова улыбнулся, но как только отвернулся к окну, его улыбка исчезла.

– Что загрустил, Джон?

– Потому что я уже знал. Я знал, что сделали с твоим телом, но не знал, как тебе об этом сказать. У тебя отняли способность деторождения, и произошло это задолго до того, как ты к нам попала. Даже наша весьма продвинутая медицина не в состоянии тебе помочь. Мне очень, очень жаль.

– И мне тоже очень жаль, – сказала девушка, – но сейчас я практически ничего не чувствую. Словно под анестезией. Может, это и к лучшему.

– Может быть, – согласился Джон. – Вообще горе – странное чувство. Точно так же, как и радость, оно приходит совершенно неожиданно. Горе – это часть ткани нашего бытия.

– Джон, неужели все страдают и горюют?

– Грусть и потери в этом мире являются совершенно неизбежным явлением. Это общий знаменатель, объединяющий все человечество. Точно так же, как и твоя душа, весь космос разбит на мелкие кусочки. Но вот что я тебе скажу, – Джон присел на стул рядом с девушкой и повернулся к ней лицом, – если ты захочешь исцелиться, то сможешь многое изменить в этом мире.

– Исцелиться? Почему все опять зависит от меня?

Казалось, Джон удивился ее реакции.

– Все зависит от каждого из нас, потому что каждый играет свою роль и каждый важен. Все мы были созданы внутри Адоная. Посредством родства с Адонаем все мы являемся родственниками, хотим мы этого или нет.

Тут Лили услышала, как кто-то громко откашливается. Девушка посмотрела в сторону, откуда раздавался этот звук, и увидела стоящего у двери Саймона. «Интересно, как долго он там находился и что успел услышать», – подумала она. Джон встал и кивнул Саймону.

– Простите, – произнес Саймон и посмотрел на Лили: – Зашел узнать, как ты себя чувствуешь. Судя по всему, я пропустил кое-что интересное.

– Спасибо, я чувствую себя гораздо лучше! – ответила Лили.

И она нисколько не кривила душой. Хотя температура все еще

держалась, ей казалось, что распространение яда в организме приостановилось.

Она думала, что Саймон обрадуется тому, что ей стало лучше, но он выслушал ее реплику с задумчивым и слегка удивленным видом. Лили повернулась к Джону, который, кажется, опять задумался о своем.

– Джон, я готова снова приступить к работе. Давай узнаем, что на этот раз покажут Свидетелю.

Джон глубоко вздохнул и улыбнулся. Лили почувствовала, что ей очень неприятно его обманывать, пользуясь хорошим к ней отношением. Девушка подумала о том, какая же она врунья, и ей стало не по себе, но внешне она никак не показала того, что чувствует.

– Мне кажется, сейчас не стоит, – произнес Джон. – Ты действительно выглядишь лучше, но ты устала. Думаю, космос может и подождать. Если там что-то и происходит, то пусть происходит без тебя. Твое здоровье сейчас гораздо важнее.

«Как он ошибается! – подумала она. – Если бы Джон знал, какая я на самом деле, он бы не относился ко мне с такой заботой».

Но у нее не было выбора, надо было продолжать начатую игру и послушаться его мудрого совета.

– Мы будем сегодня есть? – спросила она.

– Я не голоден, – ответил Джон. – Может, попью немного воды. Но тебе точно надо поесть. И хорошенько отдохнуть. У меня странное и не самое хорошее предчувствие по поводу завтрашнего дня. Пытаюсь кое-что понять, но пока не получается. Анита с Гералдом уже поели.

Джон нагнулся и обнял Лили, продержав ее в объятиях чуть дольше, чем обычно, словно прощался с ней надолго. Потом поцеловал ее в лоб и направился в свою комнату.

– Он очень наивный и сентиментальный, – заметил Саймон, когда Джон вышел и закрыл за собой дверь. – Он тебя любит не просто за красивые глаза. У него есть какая-то причина, какой-то мотив. Лилит, я надеюсь, ему не удалось сбить тебя с толку и ты четко понимаешь, кто он и зачем все это делает.

– Конечно, нет. Я все прекрасно вижу и понимаю.

– Мерзость какая, – продолжал Саймон, – они тебя нагло используют для собственных целей. И хуже всех остальных именно Джон.

– Почему ты так говоришь? Он столько для меня сделал, он меня приютил, он тратит на меня свое время, и я не исключаю, что и деньги...

– Да ничего он для тебя не сделал! Прибежище – это его маленькое королевство, а ты для него – всего лишь пешка, позволяющая укрепить

власть. Ты даже не представляешь, каким авторитетом и властью он будет обладать, когда завладеет записью Начала Всех Начал. Ты понимаешь, что все они стараются на тебе «выехать» и что-то себе заграбастать? Они смогут влиять на весь мир и создать новую мифологию, которая их устраивает. Лилит, они тебя просто используют. Не позволяй им этого.

Лили очень удивили сказанные им слова.

– Ты и вправду уверен, что они используют меня в собственных интересах?

– А ты сама разве не видишь? – Саймон присел за стол и принялся накладывать ей в тарелку еду. – Ты разве не замечаешь, как они шушукаются между собой и прекращают разговоры, как только ты подходишь ближе? Они что-то задумали, и я тебя уверяю, что не в твоих интересах.

Лили поковыряла вилкой в тарелке. Аппетит исчез, как и не бывало.

– Ну, а ты-то с этого что имеешь? Чего ты сам добиваешься? Неужели только ты и печешься о моих интересах?

Он положил на стол вилку и нож и только потом заговорил:

– Нет, Литит, и я тоже думаю о себе и своих интересах. Но, по крайней мере, я тебе не вру.

Саймон взял ее руку. Его ладонь была холодной и влажной. Лили вся горела, и его прикосновение показалось ей освежающим и приятным.

– Я желаю тебе добра, но признаюсь, что у меня есть свои причины тебе помогать.

– Какие именно?

– Лилит, если ты действительно Свидетель, который способен изменить ход истории, ты можешь вернуть мне мою жену.

– Подожди, помнится, ты говорил, что она умерла?

– Для меня она живая. Я сказал, что она ушла в иной мир. Она присутствует в моих снах и каждую секунду, когда я не сплю. Она приходит ко мне, и я даже могу к ней прикоснуться. Она была светом моей жизни, и до того, как я встретил тебя, я уже совсем отчаялся. Ты, Лилит, подарила мне надежду. Мы с тобой можем изменить мир.

Лили была в полном недоумении. Она не могла понять, является ли любовь Саймона к жене истинным чувством или чистым сумасшествием. Однако ее привлекала мысль о том, что когда-нибудь кто-нибудь сможет любить ее саму так сильно, как Саймон любит свою жену.

– Но как? – спросила она. – Я не смогла остановить Адама. Он отвернулся от Господа, а я даже не поняла, что это произошло.

– Согласен, – произнес Саймон. – Но ты можешь остановить ее.

– Кого ее? Ты говоришь о Еве? Остановить ее от чего?

Саймон встал и принялся расхаживать из угла в угол, сжимая и разжимая кулаки.

– Не могу больше говорить об этом, я и так уже слишком многое сказал. Ей самой придется сделать выбор, а если я продолжу, уже невозможно будет что-либо изменить. – Складывалось ощущение, что Саймон разговаривает не с ней, а с кем-то другим. – Но если я промолчу и скажу ровно столько, сколько нужно, то все, может быть, и сложится. Как-то так!

Он подошел к стулу и сел.

– Ты должна вернуться туда сегодня вечером! – безапелляционно заявил он и погладил девушку по руке.

Она съежилась, словно пыталась спрятаться в своем кресле. Он вел себя неадекватно, и Лили испугалась.

– Куда вернуться?

– В Райский сад! Ты сегодня должна свидетельствовать.

– Но...

– Все разбрелись по своим комнатам. У тебя все получится!

– Ты так и не сказал, что я должна сделать!

– Стоп! Перед тем как туда уйти, ты должна еще кое-что сделать.

– Да, что я должна сделать?!

– Ты должна еще раз посмотреться в зеркальце.

– Даже не стоит об этом говорить...

– Лилит, – он присел на корточки около ее кресла и положил ладони ей на колени, – у нас нет другого выхода. Зеркальце не только помогает тебе понять, кто ты, но и делает тебя более реальной, более зримой для всех, кто находится в том мире. Понимаешь, зеркальце позволяет тебе не только видеть и слышать, но и участвовать! Именно зеркальце дает тебе возможность изменить ход истории. Я тебя умоляю!

Лили поняла, что Саймон прав. Она действительно почувствовала, что стала более реальной для обитателей Райского сада после того, как посмотрелась в зеркальце.

«Минуточку! – подумала девушка. – Может быть, это произошло после змеиного укуса и благодаря этому укусу? Так что же сделало меня более реальной?»

Хотя Лили и не могла с уверенностью ответить на этот вопрос, она решила, что змеиный укус и зеркальце каким-то непонятным образом связаны. Самое главное – это то, что по совету Саймона она решила стать Лилит и попытаться изменить ход истории именно в этой новой для себя

роли.

– Ладно. Зеркальце лежит в трюмо в моей комнате, но я не собираюсь засовывать руку в выдвижной ящик, – твердо сказала она.

– Я его принесу, – предложил Саймон.

Они двинулись в сторону ее спальни. В коридоре Лили вспомнила об исчезнувших подарках.

– Саймон, а ты не брал из ящика ключик и кольцо?

– Нет, что ты! Мне они совершенно ни к чему. Я их вообще мельком видел, – ответил он уверенным тоном, и Лили ему поверила.

Саймон быстро нашел зеркальце, скрытое от глаз в своем чехле-хамелеоне, и передал его Лили.

– Сколько раз ты трогала пальцем камень? – спросил он.

– Два раза, – ответила Лили.

– Сейчас тебе надо будет дотронуться до камня три раза. Не четыре, заметь, но не меньше трех.

– Три раза! – возмутилась Лили, но он быстро приложил палец к ее губам, чтобы она замолчала. – Три раза! Послушай, это довольно болезненное мероприятие.

– Все то, что нам сложно дается, делает нас сильнее, – заявил он.

– Отлично! – пробормотала она. – Если это так, то я уже давно должна быть из стали.

– Запомни, три раза. Не четыре.

– Саймон, откуда у тебя такая точная информация? И вообще, откуда ты знаешь, что я должна посмотреться в зеркало для того, чтобы изменить ход истории?

– Моя жена Карин прикоснулась к камню шесть раз, – ответил он спустя какое-то время.

Лили уронила зеркальце себе на колени.

– Так, значит, это зеркальце и убило твою жену?! И теперь ты хочешь, чтобы оно убило меня? Ты с ума сошел!

– Нет, нет, ты меня неправильно поняла. Зеркальце ее совсем не убило, но, когда я видел ее в последний раз, она была с этим зеркальцем. Когда ее нашли, от нее осталось только тело, но ее не было. Карин исчезла и не вернулась. И она дотронулась до камня шесть раз.

– И ты считаешь, что...

– Все, что произошло с Карин, не имеет к тебе никакого отношения. Я ее предупреждал. Я ей говорил, что вообще это зеркальце не для нее и не стоит с ним связываться. Она не была Свидетелем. Этим зеркальцем можешь пользоваться только ты! Но теперь, по крайней мере, в жертве

Карин появился хоть какой-то смысл. Благодаря ей я знаю, как с ним обращаться. Ты Свидетель и можешь изменить мир.

Лили медленно вынула зеркальце из чехла-хамелеона и посмотрелась в него. Как и прежде, по его поверхности плыли плотные и бесформенные серые облака.

– Ты говорил, что Карин находится в ином мире.

– Я не знаю, где именно она находится. Когда она приходит ко мне в ночных видениях, мне кажется, что ей хорошо и она счастлива, но она меня уже не узнает.

Лили поднесла большой палец к камню на ручке зеркальца.

– Подожди! – воскликнул Саймон.

Лили замерла.

– Не забывай, три раза, а не четыре. Если я правильно понимаю механизм работы зеркальца, трех прикосновений будет достаточно для того, чтобы ты могла оставаться там, где сама захочешь.

– А если я решу остаться в Райском саду?

– Тогда ты будешь жить там и сюда уже никогда не вернешься. И станешь частью той истории и изменишь мир.

Он ошарашил девушку серьезностью своего сообщения. Лили не нужна была такая сила, но Лилит эта сила была нужна.

– Может, предупредим Джона и остальных? – спросила она.

– Не стоит. Они не разрешат тебе пойти на такой риск. Их интересует только то, что они от тебя могут получить.

– Саймон, тогда еще раз напости мне, зачем ты все это делаешь?

– Я здесь для того, чтобы служить тебе и, если у меня получится, найти Карин.

Не раздумывая, Лили приложила большой палец к камню. Она почувствовала боль укола, как током пробившую ее от пальца до плеча, словно она взяла в руку кусочек горящего угля. Камень впитал ее кровь, и поверхность зеркала начала постепенно меняться. Она второй раз приложила палец к камню, снова почувствовала боль, которая на этот раз дошла до ног. Лили поморщилась. Она третий раз надавила на камень и почувствовала невыносимую боль. Казалось, все ее тело разрывается на части. Ее словно облили кипятком. Болели все клетки, даже волосы, и ей хотелось закричать в голос.

Она взглянула в зеркальце. Оттуда на нее смотрело ужасное существо с желтыми глазами, следами гниения на коже и омерзительными губами, которые, как ей показалось, произносили проклятья. Это было страшное внешне и абсолютно испорченное в душе создание. За этой маской Лили

увидела еще и то, что это порочное творение не было достойно ни любви, ни уважения. Оно было омерзительным на вид и глупым как пробка. Как ни странно, но отражение в зеркальце наполнило душу Лили решимостью. Ей было совершенно нечего терять, потому что она уже давно все потеряла.

Девушка протянула зеркальце Саймону, который тут же спрятал его в чехол.

– Я – Лилит, – сказала она. – Я готова, и мне сюда больше не хочется возвращаться.

Глава 16

Грехопадение

– Где мы? – шепотом спросила Лилит у Хан-эля, хотя их никто не мог услышать.

– В Райском саду, в самом его центре. Смотри, – Певец показал пальцем на три фигуры, двигавшиеся на некотором расстоянии от них в высокой траве, – идет тот, кто сейчас стал двумя, а вместе с ними змея.

– А змея-то что здесь делает? – удивилась девушка, но тут же сама догадалась: – Аааа, она пришла по приглашению Адама.

Хан-эль молчал. Троица приближалась, и Лилит внимательно рассматривала Адама и Еву. Молодая женщина была чуть выше и темнее Адама, худая, стройная и с благородной осанкой. Точно так же, как и Адам, она была нагой, если не считать полупрозрачного одеяния из света, которое словно каскадами воды струилось вокруг ее тела. Мужчина показался Лилит ненамного старше своей спутницы. Лицо Адама было каким-то потухшим, и выражение внутренней грусти не исчезало даже тогда, когда он улыбался. Таковую же грусть Лили видела в глазах Джона, но тот был совсем не Адамом.

– Хан-эль, в один прекрасный день ты станешь Хранителем.

– О, это огромная честь! Я надеюсь, что стану твоим Хранителем.

– Нет, не моим. Но это будет... очень достойный человек.

Лилит сама удивилась тому, какую характеристику дала Джону, но в тот момент, несмотря на предостережения Саймона, она чувствовала, что поступает правильно.

Адам довольно прохладно относился к женщине, которая, совершенно очевидно, души в нем не чаяла. Ева задала ему вопрос, но Адам или не услышал ее, или проигнорировал. Ева повторила свой вопрос, но так и не добилась ответа, пока не прикоснулась к его плечу.

Казалось, змея стала больше и передвигается над землей, не касаясь ее поверхности. Неожиданно змея остановилась и быстро, как молния, исчезла в лесу. Через мгновение она появилась непосредственно перед Лилит.

Хан-эль тут же оказался между девушкой и змеей, но Лилит жестом попросила его отойти и, широко расставив ноги, встала прямо перед пресмыкающимся. На голове змеи красовалась корона с двенадцатью

драгоценными камнями, которой раньше Лилит не видела. Девушка обратила внимание на то, что трех камней в оправе не хватает.

– Тебе не идет эта корона, – сказала она змее.

– Это подарок Адама за мою службу.

Голова змеи раскачивалась всего в нескольких сантиметрах от ее лица. Лилит почувствовала, что яд в ее руке реагирует на приближение змеи и боль в теле усиливается.

– Ты не из этих мест, и тебе здесь нечего делать, – прошипела змея.

– То же самое я могу сказать и про тебя, – заявила девушка.

– Я нахожусь здесь по приглашению Адама, который является царем всего мироздания и сыном Господа. Ты – из племени Адама, но находишься не там, где тебе положено, и совершенно не в то время, когда должна жить. Кто ты и что здесь делаешь?

– Меня зовут Лилит, и я никто. Я тебе не помешаю.

– Ты говоришь загадками, – прошипела змея. – Послушай меня, смотри, куда ступаешь, будь осторожной и не лезь не в свои дела.

– Ты мне угрожаешь? – спросила Лилит и чуть ближе придвинулась к змее.

– Я тебе не угрожаю. Твое присутствие ничего не меняет.

– Мне нечего терять, – ответила Лилит. – Что ты можешь у меня отнять, чего бы у меня уже не отняли?

– Ты мне не нужна, и мне от тебя ничего не надо. Ты никто и ничто, – прошипела змея и исчезла, чтобы вновь появиться за Адамом и Евой, которые остановились около кромки леса, за которой начинался луг.

– Отнеси меня к ним, – приказала девушка Хан-элю. – Хочу услышать, о чем они говорят.

В то же мгновение Лилит уже стояла рядом с Адамом, Евой и змеей, которые смотрели на фиговое дерево, чьи ветви склонялись к земле от тяжести плодов. Змея посмотрела прямо в глаза Лилит, но задала вопрос Еве:

– Иша, ведь Господь говорил тебе: «Вы можете вкушать плоды со всех деревьев Райского сада»?

Еву удивил вопрос змеи, и она посмотрела на Адама. Джон зачитывал Лилит это место из Библии, и она помнила, что похожая фраза прозвучала в разговоре Господа с Адамом, а не с Евой. Адам поднял ладонь в сторону Евы, показывая этим жестом, что она сама может ответить на вопрос змеи.

– Мы можем вкушать плоды всех деревьев, за исключением плодов дерева, которое растет в самом центре Райского сада. – Ева кивком показала на дерево, перед которым они стояли. – А вот об этом дереве

Господь говорил так: «Не вкушайте плодов этого дерева и не трогайте их, иначе вы умрете».

Адам молча кивнул в знак согласия. Ева, довольная своим ответом, улыбнулась. Именно так говорил ей Адам, и именно такими были слова, сказанные Господом Своему сыну.

– Вы не умрете, если отведаете плодов этого дерева! – произнесла змея.

Ева удивленно подняла брови.

«Очень странное заявление», – подумала Лилит. Это был не намек, а обвинение. Получалось, что змея назвала Господа лжецом.

Казалось, что слова змеи взволновали Еву и сбили с толку. Женщина посмотрела на Адама. Было очевидно, что Ева хочет, чтобы Адам поправил змею. Однако Адам продолжал молчать. Ева опустила глаза. Она смотрела на землю под ногами и не заметила, как Адам и змея кивнули друг другу.

Змея озвучила сомнения Адама. Это был голос темноты, поселившейся в душе первого человека.

– Господь знает, что в тот день, когда вы вкусите плодов этого дерева, ваши глаза откроются, и вы сможете решать, что есть добро, что зло, как это делает Господь, – произнесла змея.

Лилит не знала, говорит змея правду или лжет. Такой поворот событий не был описан в отрывках из Библии, которые ей зачитывал Джон. Или, может быть, девушка просто не поняла то, что он ей читал.

Однако Адам продолжал молчать, предоставляя возможность Еве ответить на слова змеи. Ева переводила взгляд со змеи на Адама и обратно, а потом посмотрела на плоды, висящие на ветках дерева.

Лилит протянула руку, чтобы остановить Еву и не позволить ей сорвать плод, но Хан-эль остановил девушку, положив руку на ее плечо.

– Ты здесь только в качестве Свидетеля, – сказал он.

Лилит опустила руку и беспомощно смотрела на то, как Ева делает шаг к дереву. Ева колебалась. Лилит чувствовала, что Еву гложут сомнения, но при этом ей очень хочется попробовать плодов.

«Господь создал деревья, Господь сказал, что мы можем есть их плоды. Может быть, мы что-то не поняли?» – Лилит казалось, что она читает мысли Евы.

Адам тоже сделал шаг по направлению к дереву, как бы поддерживая Еву и соглашаясь со словами змеи. Дерево было красивым, а его плоды соблазнительными. Казалось, они налились сладким соком. Кроме этого, плоды манили Еву еще и тем, что, попробовав их, она без особых трудов стала бы мудрой, как сам Господь.

Лилит буквально чувствовала, что творится в душе Евы. Женщина говорила себе: «Все, что сотворил Господь, должно дарить добро. Ведь иначе и быть не может!» Она думала о том, что наверняка Господь желает, чтобы они с Адамом стали мудрыми и могли сами решать, что добро, а что зло. Наверняка, размышляла Ева, это испытание послал им сам Господь, чтобы они могли доказать, что достойны царства и власти над всем мирозданием.

Ох, как велико желание человека почувствовать себя Господом!

Ева протянула руку, слегка коснулась плода и тут же отдернула пальцы. Но от прикосновения к плоду ничего не произошло. Значит, змея говорила правду. Прикосновение к плоду ее не убило.

Ева снова протянула руку и на этот раз крепко схватила плод и сорвала. Женщина разломила плод, и Лилит почувствовала в воздухе его сладость. Женщина протянула половину плода Адаму, но он не взял, предлагая ей первой попробовать. Ева медленно поднесла половинку плода ко рту, откусила, прожевала и проглотила. Только после этого Адам взял из ее рук другую половинку и съел.

Улыбаясь, Ева вытерла сладкий сок с подбородка, но уже через секунду приложила ладонь к животу, и ее глаза расширились от страха. Адам поморщился и так же схватился за живот. На вкус плоды были сладкими, но потом оба ощутили горечь. Так Адам с Евой отведали запретный плод. Они поверили словам змеи, нарушили запрет Господа и стали смертными.

Казалось, они и сами это поняли. Одевания из света, покрывавшие их, исчезли, и они почувствовали себя нагими. Слезы покатались из глаз Евы и упали на землю. Адам положил руку ей на плечо:

– Иша, ты понимаешь, что мы сделали? Теперь начинается наше царство. Пелена спала с наших глаз, и мы стали независимыми и мудрыми. Как можно править царством, не познав, что такое добро и зло? Теперь мы стали как сам Господь, теперь мы совершенно свободны.

Ева отвернулась от Адама. Ей стало стыдно за то, что они только что сделали, и она в ужасе прикрыла ладонью рот. Страх был написан на ее лице. Она знала, теперь нет надежды и все, что они сделали, грешно и неправильно.

– Неправильно ходить нагими, – произнес Адам.

Ева, рыдая, упала на землю. Адам ушел, но вскоре вернулся, держа в руках нож. Лилит увидела Мачиару и содрогнулась. Адам стал срезать ветви и передавать их Еве, которая, не говоря ни слова, принялась срывать листья и соединять их между собой. Она делала им одежду, чтобы

прикрыть стыд, и продолжала плакать.

– Господь нас оставил, но мы уже не такие глупые, как раньше, – сказал, наконец, Адам.

Ева молчала. Потом они присели около дерева, уперев взгляд в землю под ногами. Адам крутил в руках нож и хмурился.

– Подожди здесь, – сказал он Еве, – я скоро вернусь.

Адам ушел в лес, и Ева даже не посмотрела ему вслед.

Лилит подошла ближе, чтобы успокоить женщину, но перед ней с шипением появилась змея, и Хан-эль встал между девушкой и Евой. Пульсирующая боль в руке напомнила Лилит о силе змеи, и она не стала приближаться к пресмыкающемуся.

Прошло много времени, и вот Адам, наконец, вернулся и сел рядом с Евой. Он тяжело дышал, был весь потный, и на его теле были пятна, похожие на кровь.

– Что ты сделал? – в ужасе воскликнула Ева, увидев эти пятна.

– Иша, я хотел сделать так, чтобы все было правильно, – ответил он.

Руки Адама были расцарапаны. В правой он держал нож, лезвие которого было в крови.

– Где ты был? Это твоя кровь?

– Нет! – воскликнул Адам, все еще тяжело дыша. – Это не моя кровь. Я уничтожил маленькое Древо жизни.

– Что ты наделал! Зачем? – Она была в ужасе от случившегося.

– Иша, это дерево – соблазн и больше ничего. Нам не нужно это хилое дерево и плоды, которые на нем зрели. Я попытался вырвать его с корнем, но у меня ничего не получилось, – с горечью продолжил он. – Поэтому я обрезал его ветви и листья. Теперь у дерева остались два небольших сука, торчащих в разные стороны.

– Ну зачем ты это сделал?! Это же Древо жизни! Вместе с ним умерла последняя надежда...

– Нет, – ответил Адам и ударил кулаком по стволу, у которого они сидели, – теперь у нас новое Древо жизни. Вот наша надежда. Оно слишком большое, чтобы его уничтожить. Внутри нас его плоды и семена.

Ева закрыла глаза. Ее дыхание стало тяжелым и спертым, и она приложила ладонь к горлу.

– Чья это кровь, Адам? – спросила она.

– Это бесполезное дерево принадлежит Господу. Он вскоре придет и убьет нас. Я решил, что если принести кровавую жертву, то кровь поможет скрыть наше прегрешение, – признался Адам.

– Что ты наделал?! – закричала она. – Чья это кровь?

Он закрыл ей рот ладонью, чтобы она замолчала.

– Тише! – велел он. – Слушай!

Лилит тоже услышала звуки приближающихся шагов, и у нее на душе стало нестерпимо тоскливо от того, что вскоре должно произойти.

К сидящим под деревом Адаму и Еве приближался Адонай вместе с Руахом и Элохимом. Если раньше приближение Господа сопровождалось легким дуновением ветерка, то теперь казалось, что вот-вот начнется буря. Охваченные ужасом, Ева с Адамом забрались на дерево.

– Они стыдятся того, что ослушались, и пытаются спрятаться, – пропел Хан-эль. – Они хотят скрыться, слившись с Добром и Злом.

Но Адам с Евой прятались не из-за стыда или страха. Они прятались потому, что им было невообразимо грустно и жалко самих себя после того, что они натворили. А порывы ветра не предвещали бурю, а пели грустную-грустную мелодию. Адонай и Элохим воззвали голосом ветра-Руаха:

– Адам, где ты?

Джон вскочил с кровати, услышав крик.

– Что-то случилось с нашим Свидетелем! На помощь!

Он быстро оделся и побежал в Комнату Свидетеля, где увидел Лили, бьющуюся в судорогах. Девушка лежала на полу, а ее кресло было раздвинуто в кровать. Джон повернул ее на бок и пальцем освободил ей рот от рвотных масс. Анита и Гералд вбежали в комнату через минуту после него.

Саймон расхаживал из угла в угол.

– Я работал в Кабинете, слышал шум, прибежал сюда и вот что увидел. Я не знал, что делать, потому что никогда прежде не сталкивался с подобными ситуациями.

– Саймон, хватит извиняться, – сказала ему Анита. – Слава Богу, что ты оказался поблизости. Еще бы минута и... в общем, все могло бы быть совсем иначе.

– У нее высокая температура, – заметил Джон, когда Саймон отошел к противоположному углу комнаты. Джон чувствовал раздражение и страх. – Зачем она пришла сюда одна?

– Мне кажется, ее надо перевезти из этой комнаты, – сказала Анита. – Ей нужна помощь врачей, и нам потребуется человек, которому мы достаточно доверяем для того, чтобы пустить его в Подземелье.

– Надо поднимать ее наверх через Картографическую комнату, – произнес Джон. – Если мы этого не сделаем, она может умереть.

Они подняли девушку с пола, положили на кровать и двинулись к

Картографической комнате. Джон распоряжался, что делать:

– Анита и Гералд, соберите все вещи – свои, мои, Лили и Саймона.

– Я могу этим заняться, – предложил Саймон. – Меня немного пугает такой способ транспортировки...

– Нет, я хочу, чтобы ты оставался со мной, мне может понадобится твоя сила. Мы знаем, что в Прибежище проник кто-то посторонний, но не знаем, кто именно и к каким последствиям это может привести.

Было заметно, что Саймону не по душе такое решение.

– Анита и Гералд, когда все соберете, вместе с вещами транспортируйтесь сюда, – указал Джон место на карте. – Потом не тратьте время на поиски слота для треугольников, они вернутся сюда через десять минут. Мы на некоторое время останемся в Прибежище.

Анита с Гералдом вышли, а Джон подошел к небольшому пульта управления, стоящему около карты, и начал тыкать пальцами в кнопки.

– Что ты там делаешь? – спросил Саймон. – Давай быстрее, времени нет.

– Я уже почти закончил. Надо сообщить Хилерам о состоянии Лили и поменять коды для входа в Подземелье. Осторожность превыше всего.

Джону показалось странным, что Саймон ни на шаг не отходит от Лили. Кроме этого, было что-то подозрительное в том, что именно он нашел девушку в Комнате Свидетеля. В общем, у Коллекционера возникли подозрения по поводу гостя.

– Ты пойдешь первым. Мы за тобой, – произнес Джон.

Саймон взял в руку треугольник.

– Прикоснись вот к этому месту.

Саймон сделал это и тут же исчез.

– Я бы с удовольствием отправил тебя на другую планету, – пробормотал мужчина, взял руку Лили и прикоснулся двумя треугольниками к точке на карте.

Они не успели даже моргнуть, как оказались наверху, в комнате, в которой Лили провела несколько месяцев во время лечения. Там уже была Летти с несколькими Хилерами. Саймон вышел, и Джон посмотрел ему вслед. Потом помолился о том, чтобы Лили выздоровела, а также о том, чтобы Господь указал ему, что делать, и дал мудрости.

Холодная дрожь пробежала по телу Лилит.

– Адам, где ты? – слышался грустный Голос.

Господь звал Своего сына, и Лилит понимала, что этот Голос звучит

приговором в ушах Адама и Евы. Ветер стал шевелить листья дерева, на котором они прятались. Адам точно так же, как и Лилит, знал, что от гнева Господа нет спасения.

Он спустился с дерева и встал рядом со змеей, словно надеясь на то, что она его защитит. Потом спустилась и Ева, встала на колени и склонилась перед Господом. Лицо женщины было в слезах.

– Я спрятался, – произнес Адам, – потому что услышал, как Ты идешь по саду. Я был голым и стеснялся своей наготы.

– Кто сказал тебе, что ты нагой? – полным родительской любви голосом спросил Вечный Человек.

Господь протянул к сыну руку, но Адам сделал шаг назад. Господь предлагал Своему сыну вернуться в лоно Любви, но Адам молчал.

– Адам, ты ел плоды с запретного дерева? – спросил Господь.

Эти слова были произнесены тихим и спокойным голосом. Господь не терял надежды на то, что Адам одумается и раскается. Но Адам и не подумал этого сделать.

– Плод с этого дерева дала мне женщина, которую Ты сотворил и поместил вместе со мной в Райском саду. И я съел плод! – Адам показал пальцем на Еву.

Адам обвинял Адоная. Человек желал быть судьей Господа и заявлял, что поступки и слова Его являются злом. Адам окончательно отвернулся от Бога, показав возникшую в его душе тень. Адам возгордился и восстал против воли своего Творца.

И тут Ева поняла. Слова Адама были под стать словам змеи, когда та говорила Еве про дерево, плоды которого Господь запретил им есть. Ева поняла, что Адам ее предал и теперь обвиняет в том, в чем виноват сам, ведь тень предательства зародилась именно в его сердце.

Лилит была вне себя от гнева, но словно застыла и не могла ничего предпринять. Девушка смотрела и слушала. «Какой же наивной была Ева, – думала Лилит. – Зачем она доверилась Адаму? И как Адам мог отвернуться от Господа и свалить всю вину на Еву?»

Но Господь не стал никого винить. Он повернулся к Еве и протянул ей Свою руку.

– Что же ты наделала? – спросил Он ровным голосом, в котором не было и намека на осуждение.

Ева гневно посмотрела на Адама, который, сложив руки на груди, стоял рядом со змеей. Потом взяла протянутую руку Господа, приложила Его ладонь к лицу, поцеловала и горько заплакала. Глядя прямо в глаза Адоная, Ева произнесла:

– Змея обманула меня, и я съела запретный плод.

Господь поцеловал ее в лоб, показывая этим, что услышал ее признание, и повернулся к змее, которая зашипела и стала отползать в сторону. В чешуе змеи и девяти камнях в короне отражался Огонь Господа.

Господь приблизился к змее и произнес слова, обращенные не только к ней, но и к тени, появившейся в душе Адама:

– Ты заставила женщину согрешить, и за это Я покараю тебя, как не карал ни одно другое существо. Ты всегда будешь ползать на животе и питаться прахом смерти, прахом обмана этого человека.

Змея пригнулась к земле, корона упала с ее головы, и Адонай раздавил венец ногой.

– И это не все, – продолжал Вечный Человек. – Отныне воцарится вражда между тобой и женщиной, между ее и твоим потомством. Ее потомство будет убивать змей, а твое потомство будет жалить людей.

Лилит почувствовала: это объявление войны. Женщина встала рядом с Адонаем против Адама и змеи. Лилит еще не решила, на чей стороне будет она сама.

Господь повернулся к женщине и сказал ей слова утешения:

– Предательство это будет причиной твоего горя и мук. В муках будешь ты рожать детей, а этот мужчина будет тобою править.

По спине Лилит побежали мурашки. Она и не представляла, что Адонай велит Еве вернуться к Адаму. Как женщина может вернуться к мужчине, который ее предал? Но тут Лилит, наконец, увидела свой шанс – возможность изменить мир и ход истории. Ей не удалось предотвратить предательство Адама, но еще не поздно было остановить Еву.

Адонай смотрел на женщину, которая только сейчас осознала значение сказанных Им слов. Потом Адонай подошел к Адаму. Господь протянул руки к женщине и мужчине одновременно. В Его глазах стояли слезы, а голос был исполнен нежности.

Адам отвернулся от Господа и стоял, сложив руки на груди.

– Сын Мой, – произнес Адонай. – Ты послушал эту женщину и ослушался Меня. Ты съел плоды с запретного дерева. Ты не только согрешил, но и затаил тень в своем сердце. Теперь трудом своим будешь добывать себе пропитание из земли, из которой был создан. И жизнь твоя будет сложной и суровой. Потом своим будешь добывать свой хлеб до тех пор, пока не ляжешь в землю, из которой вышел. Из праха ты создан и в прах превратишься.

Господь произнес эти слова, и Лилит показалось, что застонало все мироздание.

Адам подошел к Еве. Она не смотрела на него, и мужчина, протянув руки, просил у нее прощения. Ева отказалась брать протянутые руки.

– Перед лицом всего мироздания, – произнес Адам, обратив взор к земле, – говорю я, что отныне имя твое не Иша. Я стал смертным, и теперь зовешься ты Евой, Матерью Всех живых.

Но смирение Адама не произвело на Еву впечатления. Женщина не готова была простить Адама за то, что он сделал.

– Оденьтесь, – произнес Адонай, протягивая им одежды из шкур. – Это лучше, чем одеяния из листьев.

Адам взял одежды из звериных шкур.

– Откуда они у Тебя? – спросил он Адоная, хотя в душе знал ответ на этот вопрос.

– Адам, это шкуры животных, которых ты проклял, убил и насадил на ветви Древа жизни, – отвечал Адонай. – Ты весь в крови этих животных, так оденься в их шкуры.

– Я испугался и устыдился, – произнес Адам, пытаясь объяснить свой поступок. – Я не знал, что делать. Я думал, что, пролив кровь, смогу искупить то, что сделал, и возрадовать Тебя. Жизнь или смерть? – Адам произнес эти слова резким тоном, но в голосе его слышалась мольба.

– Не Нам нужно жертвоприношение, а тебе самому, – ответил Адонай тихим и сладостным голосом, похожим на дуновение прохладного ветерка в знойный день. – Придет день, когда Я закончу то, что ты начал, Адам.

Потом Адонай возвел руки к небу и произнес:

– Адам стал такой же, как и Мы. Познал Добро и Зло, и теперь не может он есть плоды с Древа жизни, иначе соединит воедино свет и тьму, жизнь и смерть, свободу и обязанность. И суждено ему навеки быть мертвым.

И обратился Адонай к Адаму со следующими словами:

– Сын Мой, не достоин теперь ты быть рядом с Тем, кого не любишь и кому не веришь. Тень предательства не позволяет тебе жить там, где всегда светло. Чтобы вернуться, ты должен уйти, но обещаю, Я никогда тебя не покину.

И засвистел Ветер в ветвях. Лилит отступила на несколько шагов и с удивлением увидела, как нежный ветерок Руах превратился в торнадо, которое вырвало дерево, словно сорняк, и унесло его вместе с корнями и плодами к западным границам Райского сада.

– Адам, – обратился к Своему сыну Господь, – ты выбрал это дерево для царства твоего, и теперь принадлежит оно тебе. Древо жизни будет расти в Райском саду.

– Что мне делать? – спросил Адам.

– В поте лица своего будешь трудиться и добывать хлеб свой на земле, из которой был создан. И станет для тебя земля источником жизни. Будет давать все то, что получал ты от Нас. И ты, и твое потомство будете бороться за землю до того дня, пока ты сюда не вернешься.

Адонай, Адам и Ева, а за ними и Лилит медленно шли к западной границе Райского сада. Туда же за ними ползла и змея. Вечный Человек снова протянул руку Адаму, и тот снова отказался ее взять.

– Ты должен был меня остановить, – пробормотал Адам. – Лучше вообще не жить, чем жить одному и смертным.

– Ты не один, сын Мой. Мы никогда тебя не оставим и не забудем. Но из-за того, что отвернулся ты от Нас, не будешь видеть ты лицо Наше.

Адам был вне себя от горя, но гордыня не давала ему показать свои чувства, и он продолжал идти дальше.

– А что со змеей? – спросил он наконец.

– Змея останется с тобой. В Райском саду нет места для предателей. Ты поверил в собственные выдумки, в ложь свою, и тем самым создал ужас и страх. Ты сам выбрал их в попутчики. И из страха и ужаса создашь ты орудия разрушения. И будешь ты поклоняться орудиям смерти и разрушения, потому что согласишься, что даруют они тебе спокойствие и власть. Любовь Наша, Адам, не в состоянии оградить тебя от последствий того, что ты сам выбрал. Мы чтим тебя и поэтому уважаем твой выбор. Но откроем Мы тебе скрытый смысл того, что ты от Нас отвернулся и повернулся в сторону смерти. Придет день, и искупишь ты грехи свои и раздавишь в себе змея.

Они подошли к пологой на водопад стене Райского сада. Адонай с Адамом вышли за пределы сада, а Лилит и Ева остались внутри.

– Ева! – позвал Адам. В его голосе была тоска.

Лилит увидела, что Адам, наконец, понял последствия своего поступка. Женщина была Любовью Господа во плоти, но Адам выбрал вместо нее одиночество. Отвернувшись от Господа, потерял он и любовь женщины.

– Ты обещал, что семя Евы раздавит змею, – сказал он, уже не сдерживая рыданий. – Как это произойдет?

– Это, сын Мой, тайна, которую тебе предстоит узнать.

Из ниоткуда появились два гигантских херувима. Дотронулись до стены Райского сада мечами, и она тут же превратилась из водопада в огонь. После этого херувимы встали на страже стены.

– Выходя из Райского сада, проходишь стену из воды, а вернуться туда

можно только через огонь, – сказал Адонай. – Вот еще одно обещание, которое Мы дадим тебе, Адам. Эти часовые будут сторожить дорогу к Древу жизни.

Вечный Человек положил руку на плечо Своего сына. На этот раз Адам не отошел, но и не повернулся лицом к Создателю.

– Адам, даже до твоего рождения Мы всегда любили тебя. Со временем ты об этом забудешь, но это истинная правда. Мы всегда любили и всегда будем любить тебя, и Мы поможем тебе вернуться домой.

Но когда Адам протянул руку, чтобы дотронуться до Адоная, тот исчез. Адам повесил голову, вздохнул и сел на землю. Змея к нему не приближалась.

В Райском саду Адонай поднял раздавленную корону змеи и один за другим вынул девять драгоценных камней. Из своего собственного свечения Адонай создал еще один драгоценный камень. Одиннадцатый камень Ему передал Элохим, а двенадцатый – ветер-Руах. Потом Адонай запел, запрокинув к небу голову, закрутился так быстро, что стал похож на волчок, и камни взорвались внутри Него и полетели по три в каждом направлении света. Они ударились о стены Райского сада и взорвались ярким, радужным свечением.

Адам встал лицом к огненной стене и закричал:

– Ева!

Он кричал долго и громко, пока не потерял голос.

– Если можешь, прости меня, – прошептал он наконец.

Ева и Адонай стояли по другую сторону огненной стены и слушали крики Адама.

Потом Адам развернулся спиной к Райскому саду и повернулся лицом к смерти.

Глава 17

Сожаление

– Кто-нибудь видел Саймона? – спросила Анита, входя в комнату, в которой Лили лежала без сознания.

К телу девушки были подключены разные трубки и провода с приборами.

– Он был здесь, когда мы вернулись в Прибежище с Лили, но с тех пор я его не видел, – ответил Джон с едва заметной ухмылкой, которая, однако, не осталась незамеченной Анитой.

– Джон, что ты сделал?

– В общем-то, ничего особенного. Просто принял некоторые меры предосторожности.

– А можно поподробнее?

– Я подумал, что никому из нас не надо в Подземелье, если, конечно, там что-нибудь не спрятано, поэтому изменил координаты возвращения треугольника Саймона.

– Значит, ты его куда-то отправил?

– Треугольники исчезли, как и полагается, и, как выяснилось, Саймон исчез вместе с ними. Загадка, – пожал плечами Джон.

– Ты хочешь сказать, он что-то задумывал? – Анита бросила взгляд на Лили. – Я вообще-то переживала за него. После всей этой истории с Карин он сильно изменился.

– Мне кажется, он от нас что-то скрывает. До тех пор пока не пойму, что именно, пусть не вмешивается в наши дела.

– Что ж, вполне разумно, – ответила Анита. – А где он сейчас находится?

– В небольшом дружественном нам поселении, расположенном в сотнях километров отсюда. Он сможет вернуться сюда только через несколько месяцев. Когда найду время, вернусь в Подземелье и постараюсь узнать, что он от нас скрывал.

В комнату вошел Гералд.

– Как самочувствие Лили? – спросил он.

– Плохое, но стабильное, – ответил Джон. – Кажется, такое состояние Лили называла комой. У нее что-то в крови, но что именно, нам пока не удалось определить. Мне кажется, заражение началось в Подземелье.

Может быть, вы мне поможете установить, чем именно она заражена? В любом случае, Ревизор за ней еще не пришел, и это значит, что у нас есть какое-то время.

Гералд кивнул.

– Я останусь с ней, – сказала Анита. – Кто-то из нас должен быть рядом, когда она придет в сознание.

– Согласен, – ответил Джон. – Гералд, давай возьмем с собой немного еды и воды и отправимся в Подземелье.

Джон и Гералд вышли из комнаты.

– Что мы там будем искать? – спросил Гералд.

– Мы поймем, как только это найдем, – ответил Джон.

Вот уже три дня подряд Лилит чувствовала, что становится для обитателей Райского сада все более реальной. Кроме этого, она начала есть фрукты и пить воду. Каждую ночь она спала все спокойней и отдыхала лучше, чем раньше. Хан-эль всегда был поблизости. Большую часть времени Лилит проводила рядом с Евой, которая все еще не могла ее видеть. Впрочем, даже если бы и могла, она бы вряд ли ее заметила. Ева была полностью поглощена своим горем. Лилит чувствовала, что должна что-то предпринять и сделать это как можно быстрее.

Каждый день перед закатом Адам выходил из леса, вставал перед огненной стеной Райского сада и умолял Еву выйти к нему. Снаружи то, что находится в Райском саду, не было видно, но из Райского сада можно было прекрасно увидеть все, что происходит за его пределами. Лилит видела стоящего на коленях Адама, который рвал на себе волосы и стонал. Адам не видел того, что происходило в Райском саду, и от этого ему было еще больнее.

На третий день после изгнания Адама Ева увидела, как мужчина вышел из леса и спустился к пруду. Лилит видела, как Ева зарылась лицом в плечо Адоная и начала плакать и бить Господа. Адонай обнял ее Своими крепкими руками, чтобы успокоить.

– Я ненавижу его! – кричала Ева, найдя слова, описывающие ее состояние. – Ненавижу!

– Ты ненавидишь того, кем он стал, – поправил ее Адонай. – Но он не тот человек, которым стал. Сила добра перевешивает его вину – то, что он от Нас отвернулся.

– Ты его все еще любишь?

– Для Нас, в отличие от тебя, никогда не было в этом сомнений. Мы всегда знали, и Мы его и сейчас любим.

– Если Ты все знал, как же Ты позволил этому случиться?

– Настоящей любви не бывает без полной свободы. Если у человека нет возможности отказаться, любовь будет иллюзией.

– Ты все знал заранее, но все равно его создал.

– Ева, ты – чудо, созданное по Нашему образу и подобию. Человек – это венец Моего творения, чудо из всех чудес. Мы создали его для того, чтобы поделиться с тобой жизнью и любовью. Но Мы всегда знали, что на Наше «Да» вы рано или поздно скажете «Нет».

– Но зачем Ты вообще создавал его, если заранее знал, чем все это обернется?

– Ева, когда будешь матерью, ты поймешь. На настоящую, истинную любовь влияют решения, а также последствия решений, которые принимает твой любимый.

– Я могла его остановить. Я могла Тебя спросить, но не сделала этого. Я хотела быть больше, чем я есть на самом деле. Я хотела это ради него и ради Тебя. Я так хотела быть таким, как Ты.

Ева дотронулась до стены. Она знала, что при желании может спокойно пройти сквозь стену и уйти из Райского сада.

– Адам, – прошептала Ева едва слышным голосом, – и ты меня прости. Господи, как же я зла! Он вырастил меня, он заботился обо мне, а потом меня предал. Это же так горько! – Потом Ева задумалась о судьбе Адама и добавила: – Но мне нестерпимо и то, что он там без меня. Один.

– Он действительно без тебя, – согласился Адонай, – но никогда не будет один. Он для этого слишком слаб.

Ева улыбнулась:

– Может быть, мне это и приятно услышать, но не ему. Что он будет делать, как будет жить? – спросила она.

– Адаму суждено работать в поте лица своего и строить свой рай, в котором уже не будет Нас и наших напутствий. Он обернется к земле, чтобы найти себя, смысл жизни, чтобы поила и кормила его земля. Но не сможет дать ему земля то, чего у него еще нет.

– Ты сказал, что у меня родится ребенок. Но как это возможно, когда нас с Адамом... – Она замолкла и посмотрела на стену Райского сада.

Господь улыбнулся:

– Доверься Мне. Я создал тебя из ребра Адама, а его самого – из земли, из пыли мироздания. У Меня слово с делом не расходится. Подожди, и Я тебя удивлю.

– Ты говорил, что однажды я снова повернусь к нему. Я сейчас не хочу этого делать. Стоит ли мне к нему вернуться?

– Повернувшись к нему, как сам Адам повернулся к земле, требуя от него то, что он не в состоянии тебе дать, устыдишь ты его. Он не знает, кто он, и поэтому или убежит от тебя, или будет тобой править, как своим царством. Ты сама решишь, хочешь ли к нему повернуться.

– Но зачем мне опять к нему поворачиваться?

– На то будут свои причины. Ты свободна: можешь верить и можешь от него отвернуться. Вот в этом-то и заключается таинство любви и совместной жизни.

– У меня всегда будет эта ужасная свобода?

– Всегда! Потому что это любовь.

И в тот момент Лилит почувствовала к Еве такую великую любовь и такое сострадание, каких никогда в жизни не испытывала. Она должна была оградить Еву от судьбы, которая постигла Адама. Лилит решила, что Ева не должна уходить из Райского сада. Если ей удастся заставить Еву остаться в Райском саду, она изменит не только ход истории, но и свою собственную судьбу. Она сможет спасти жену Саймона и многих других женщин. Может быть, и она сама станет достойной. Время действовать пришло.

– Будь здесь! – приказала она Хан-элю. – Не следуй за мной.

Ангел поклонился и остался стоять на месте. Лилит вышла из Райского сада. Она знала, что назад больше не вернется.

– Представляешь, нашли! Вот оно! – громко закричал Гералд. – Мы нашли то, что прятал Саймон!

Анита как раз села ужинать. Она с изумлением посмотрела на стоящих перед ней Джона и Гералда. Джон поднял руку, как бы демонстрируя ей что-то. Но в его руке... не было ровным счетом ничего.

– Потрясающе! – воскликнула Анита, вытерла рот и закатила глаза. – Посылаешь мужчин что-то найти, и они возвращаются в ажиотаже от того, что не нашли ровным счетом ничего.

– Сердце мое, – сказал Гералд, – то, что мы нашли, находится в чехле-хамелеоне, который поглощает свет и становится практически невидимым. Именно поэтому этой вещи мы ранее не замечали. Но когда на этот раз мы осматривали комнату Лили, то оказалось, что эта вещь лежит прямо на ее дневнике.

На лице Аниты появилось заинтересованное выражение:

– Ничего себе! А вы нашли кольцо и ключ?

– Нет, но зато нашли очень древнее зеркало с камнем, всасывающим кровь.

Джон аккуратно вынул зеркальце из чехла, держа его двумя пальцами за рукоятку, и положил на стол. Все трое склонились над зеркальцем.

– Я читал о таких зеркалах, – проговорил Гералд. – Их осталось очень мало. Черная магия. Это зеркала, которые врут.

Анита усмехнулась:

– Я бы сказала, что все зеркала врут.

– Но, поверь, не так, как это, – ответил Гералд. – Видишь, зеркальце ничего не отражает, кроме серого цвета? – Гералд, держа руку на безопасном расстоянии, осторожно показал пальцем. – А вот это камень, который всасывает кровь, в данном случае рубин. Если к нему прикоснешься, он проколет руку и заберет капельку крови. Если присмотреться, то вокруг него видна запекающаяся кровь. Думаю, это кровь Лили. Говорят, что зеркальце показывает правду о том, кто в него смотрится, показывает его душу.

– Неужели? – удивилась Анита.

– Полная ерунда, – заверил ее Гералд. – Сплошные фокусы. Отвлекают внимание разговорами о том, что камень всасывает кровь, а на самом деле вводят в организм наркотик, нейротоксин или сочетание того и другого, чтобы человек стал более внушаемым. Играют на страхе и чувстве несостоятельности.

– Надо передать зеркало Ученым, – заявил Джон и спрятал его в чехол. – Наверняка нам будет сложно понять, что в зеркальце увидела Лили, но, скорее всего, ничего хорошего.

Лилит не пришлось долго искать змею, девушка столкнулась с ней практически сразу, как вышла за пределы Райского сада.

– Что ты здесь делаешь? – спросила змея, и Лилит улыбнулась.

На этот раз змея совсем невысоко подняла голову над землей, и Лилит оказалась гораздо выше пресмыкающегося.

– У меня есть взаимовыгодное предложение, – ответила девушка.

Лилит собиралась найти Адама и поговорить с ним, но заручиться поддержкой этой твари тоже было не лишним.

– Я тебя слушаю, – ответила змея.

– Я слышала, как Адонай пророчествовал о том, что в один прекрасный день потомство Евы раздавит твое потомство.

– И к чему ты все это говоришь?

– Пока Ева находится в Райском саду, этому не бывать, потому что дети должны родиться от Адама. Если Адам и Ева никогда больше не встретятся, твое потомство будет в полной безопасности.

Змея долго молчала.

– Адам безутешен, – проговорила она наконец. – Он хочет ее вернуть.

– Он отвернулся от Господа и теперь совсем один. Я могу скрасить его одиночество.

– Ты? – удивилась змея. – А зачем тебе приносить себя в жертву?

– Чтобы Ева и многие другие были в безопасности.

– Аааа, ты дочь Евы. В таком случае ты представляешь опасность как для меня, так и для Адама. Адонай сказал, что потомство Евы раздавит меня. Кто знает, может быть, он имел в виду именно тебя.

– Нет! Ева говорила о сыне. А я не могу рожать детей и не представляю для тебя никакой опасности. И поэтому я могу быть полезной и Адаму, и Еве.

– А где гарантия, что Адам захочет жить с такой бесполезной пустышкой, как ты, готовой ему продаться?

Своим замечанием змея попала в самое яблочко, она сказала о Лили самую страшную правду. Девушка, которая до этого расхаживала перед змеей из стороны в сторону, остановилась.

– Ты хочешь сказать, что я шлюха? Какое это имеет значение, даже если так оно и есть? Самое важное – все получают, что хотят.

Змея свернулась на земле, словно готовилась прыгнуть на Лилит, потом опустила голову и задумалась.

– Темнота в душе Адама сгущается, но темнота в твоей душе чернее ночи. Или тебе не известно, кто ты, или уже совершенно все равно. Я найду Адама.

Змея уползла, и Лилит почувствовала, что ей холодно. Наступал вечер, и температура падала. Она присела на камень и принялась рассматривать свои грязные ноги и изодранное ветками платье. Рядом тек впадающий в пруд ручеек, и Лилит умылась. Солнце садилось, и на поверхности воды Лилит увидела отражение молодой красивой девушки. Она провела рукой по воде, появилась рябь, и отражение исчезло. Оно было ложью, скрывающей печальную правду.

Вскоре она услышала шаги и голос приближающегося Адама. Он с кем-то громко разговаривал, но как только увидел Лилит, замолчал и уставился на нее так, что девушка почувствовала себя неловко.

– Кто прислал тебя сюда? – спросил Адам.

– Ева. Она любит тебя, ей грустно и очень одиноко. – Такое утверждение не было заведомой ложью, но не было и абсолютной правдой. Скажем так, это была правда на грани лжи. – Адам, я буду твоей спутницей. Оставь Еву в Райском саду. Ей там будет хорошо. Со мной ты

никогда не почувствуешь себя одиноким. Я удовлетворю все твои желания. Прощу тебя, оставь ее Господу.

Адам поднял руку, делая знак, чтобы она замолчала и дала ему спокойно подумать.

– Ты права, – произнес он. – Я думал только о себе и о том, что потерял. Я понимаю, с тобой мне не придется каждый день ходить к стене и умолять ее выйти. Она действительно находится там, где хорошо, где не надо потом своим добывать хлеб и где все согрето любовью Господа.

Адам сел на землю, поднял горсть земли, растер в ладони и посыпал себе голову.

– Мне так одиноко! Мне так ее не хватает! С каждым днем я все меньше хочу жить.

Лилит присела на землю рядом с ним, но не стала к нему прикасаться. Адам плакал, и земля на его лице превратилась в грязь. Не поднимая головы, он протянул руку и взял ее за запястье.

– Змея говорит, что ты дочь Евы. Так ли это?

– Да, это так.

– И почему ты хочешь стать моей женой? Почему ты приносишь себя в жертву ради своей матери?

– Это мой собственный выбор.

– Можешь ли ты обещать мне сына?

Лилит поняла, что это ловушка. Знал ли Адам о том, что она не может родить ребенка? Если она ему соврет, а он уже знает правду, это серьезно расстроит ее планы. Но если она скажет ему как есть, их отношения могут прекратиться, так и не начавшись.

– Есть вещи, которые происходят не сразу...

– Лилит, – произнес Адам и крепче сжал ее ладонь, – можешь ли ты обещать мне сына?

– Нет, Адам, не могу, – произнесла она, и в ее голосе звучало отчаяние.

– Посмотри на меня, – с нежностью сказал он.

Превозмогая саму себя, она подняла голову и посмотрела в его темные с золотыми прожилками глаза. Его лицо было измазано грязью, но он улыбался.

– Даже если бы ты обещала мне сына, я бы все равно не согласился. Я люблю одну только Еву, и мне придется привыкнуть к тому, что ее нет рядом со мной. Я не предаю ее во второй раз. Ни Еву, ни тебя, Лилит, не заменит никакая другая женщина. Я вижу в тебе черную тень, из-за которой ты будешь продавать себя без любви. Я знаю, что ты такая из-за меня. Когда-нибудь ты сможешь меня простить, потому что я твой отец.

Лилит отвергли. Она ненавидела себя и еще больше мужчин. Из-за них ее жизнь сложилась так, что она стала товаром с просроченной датой. Она выдернула ладонь из руки Адама и поднялась с земли.

– Я тебя ненавижу! – крикнула она и убежала в темную чащу леса.

Адам не стал ее удерживать. Единственное, что она хотела, – это умереть.

Джон вбежал в комнату, в которой Гералд с Анитой склонились над книгами.

– Состояние Лили резко ухудшилось, – сообщил он.

– Кто с ней сейчас остался? – спросила Анита.

– Летти.

– Вот этого-то я и боялся, – сказал Гералд, громко захлопнув толстую книгу. Он взял том и с силой ударил им по столу. – Я не могу найти противоядие. Мы знаем, из каких растений приготовлен яд, знаем его химическую формулу, но как бы мы ни старались, мы не в состоянии найти противоядие. Она умирает, и мы не можем ей помочь. Я уже давно молюсь об ее выздоровлении.

– И я тоже молюсь! – прошептала Анита.

Она крепко обняла мужа и заплакала на его плече.

– А может быть, никакого противоядия вообще не существует, – заметил Джон.

– Я тебя не понимаю, – сказала Анита, – если есть яд, должно быть и противоядие.

– А если яд – это что-то другое, не просто соединение каких-то химических веществ? Может быть, то, что Лили увидела в зеркале, отняло у нее последнюю надежду? Или смысл жизни, всего ее существования?

– Или веру в любовь, – высказала предположение Анита. – В этом случае можно хоть как-то объяснить ее состояние. Без надежды умирает и совершенно здоровый человек. Лили только начала оправляться от физических травм, а о психологических я даже не говорю.

– Это очень похоже на правду, – произнес Гералд. – Так что будем делать?

– Гералд, ты уже сказал, что делать, – ответил Джон. – Нам остается только это. Мы будем молиться, петь и умастим ее маслом. Ее судьба теперь в руках Господа. Мы же с вами старейшины, не так ли?

В комнату вошла Летти:

– Простите, что отвлекаю, но у меня есть новости. Не надо делать большие глаза, Анита. Лили ни на секунду не остается без присмотра. Завтра прибывает Ревизор, но мы еще не знаем, к кому именно. Возможно,

к Лили.

Это был неожиданный и болезненный удар, от которого первым оправился Джон.

– В таком случае давайте скорее молиться. Где масло? Я знаю, что молитва – это не панацея и чудеса в мире случаются не часто, но сейчас у нас нет другого выхода. Поэтому молимся изо всех сил.

Лилит надеялась, что смерть придет быстро и не принесет много боли, и свернулась калачиком под большим деревом. Ей стало холодно. Лилит подумала, что ждет скорой смерти и при этом испытывает дискомфорт от холода. Это показалось ей насмешкой судьбы. Иногда возможности человеческого организма больше мешали, чем приносили пользы.

Лилит всей истерзанной душой хотела умереть. Настало время отбросить всю ложь, в которой она жила, и перейти в другой мир. Слова, брошенные Адаму напоследок, можно было бы назвать подведением итогов бесполезно прожитой жизни.

Ложь уже не могла ее спасти.

– Будь ты проклят, Адам! Будь проклят Бог! Будь проклята я! Да будут прокляты все!

Но с другой стороны, кто она такая, чтобы делать такие серьезные заявления? Никто и ничто.

Лилит лежала под деревом, и в ее уме проносились картинки, словно она просматривала фотоальбом собственной жизни. Каждая картинка не несла никакого позитива, а являлась еще одним подтверждением того, что она жила так, что лучше было бы и не рождаться. В ней не было и нет ничего доброго.

Она вспомнила, как маленькой девочкой в обносках танцевала посреди комнаты, а на полу валялись сломанные игрушки. Музыка постепенно становилась тише, а цвета – ярче, и вдруг появилось лицо Адоная, но маленькая девочка отвернулась в сторону. Лежащая под деревом Лилит почувствовала неожиданное умиротворение.

«Что ж, умирать не так уж и плохо, – подумала девушка. – Хорошо, что я умираю. Наконец-то не будет никаких проблем. Понятное дело, в Рай я не попаду, но и ад не может быть хуже всего того, что я пережила в своей жизни».

Тут ее внутреннему взору вновь предстало улыбающееся лицо Адоная, она почувствовала прикосновение Господа и снова попыталась от него отвернуться.

Перед тем как улечься под деревом, Лилит сделала небольшую

подстилку из листьев и мелких веток. И сейчас неожиданно это ложе показалось ей мягким, как пуховая перина. У девушки возникло ощущение, что ее поднимают вверх, и перед тем как в глазах стало совсем темно, в голове пронеслась мысль:

«Умирать так приятно! Почему я раньше этого не сделала?»

Глава 18

Лицом к лицу

Лили лежала не на подстилке из листьев и веток, она покоилась в сильных и нежных руках Адоная. Он сидел под деревом и пел древнюю песню о звездах и Начале Всех Начал, о радости, надежде и любви. Эта сладкая песня лечила ее душевные раны. Эта песня пробуждала забытые чувства и звала ее домой.

Лили глубоко вздохнула и открыла глаза. Если в другом мире она могла отрицать существование Адоная, то сейчас не было ничего более реального, чем Бог и Его присутствие. Лили долго скиталась, убегала и падала на землю и вот, наконец, попала в тихую гавань и нашла свой дом. И Лили сделала то, что в ее ситуации сделал бы любой ребенок. Она уткнулась лицом в грудь Адоная и расплакалась.

Ей казалось, что всю свою жизнь она ждала именно этого момента. Она это знала, и Бог-мужчина знал и понимал ее без слов. Его присутствие было как трогаящая до глубины души музыка, мелодия которой никогда не забывается. У нее не было сильнее желания, чем быть рядом с Ним, чтобы Он ее обнимал, видел, слышал и чувствовал.

– Лили, Я люблю тебя, – произнес Вечный Человек, и от Его слов возликовала ее душа.

Ей казалось, что она всю жизнь ждала этих слов, и больше ничего не хотелось ни слышать, ни знать. Окутанная этими словами, она почувствовала, что ей вернули все, что было отнято, и ее душа возрадовалась и воспарила.

– Лили, ты Мне веришь?

Это был вопрос даже не о вере, а об их отношениях, вопрос, который завис во времени и пространстве. Это был простой, прямолинейный и честный вопрос, на который она, не задумываясь, ответила сквозь слезы:

– Верю.

Отвечая на этот вопрос, она несколько не покривила душой, но тут же почувствовала какое-то внутреннее сопротивление и начала сомневаться:

– То есть я имею в виду, что мне бы очень хотелось.

Адонай обнял ее чуть сильнее.

– Лили, – проговорил Он, – ты всегда была достойна любви, и Я всегда тебя любил. И так было всегда, хотя ты об этом не знала.

Эти слова стрелой поразили ее в самое сердце, попали в самый центр ее сознания, туда, где гнездились чувства неуверенности, неустроенности, заниженной самооценки, грусти и отчаяния. Она почувствовала, как ее поднимает и уносит теплая волна, и ощутила, как Его любовь сжигает все наносное, неискреннее, болезненное в ее душе. На какое-то мгновение ей показалось, что огонь Его любви сожжет и ее саму, но ей было совершенно все равно, потому что в тот момент она всем своим существом верила Адонаю.

В эти блаженные секунды Лили, казалось, прожила целую жизнь, но когда она вернулась в эту реальность, то почувствовала, что Вечный Человек все еще ее обнимает.

– Лили, – произнес тихим и исполненным нежности голосом Адонай, – вера и доверие не имеют никакого отношения к власти и к тому, кто главный. Когда два человека вместе танцуют, они ведут поочередно. Каждый из танцующих внимательно следит за движениями партнера. В танце все должно происходить в нужный момент, в такт, а это уже территория Руаха.

– А Ты веришь Святому Духу?

– Верю, – произнес Адонай и потом добавил: – Мне бы очень хотелось верить.

Услышав свои собственные слова из уст Адоная, Лили рассмеялась.

– С доверием у меня всегда были проблемы, – сказала она. – Для меня это всегда было непросто.

– А все очень просто, Лили. Надо полностью, до самой глубины, отдаться другому человеку. Не надо стыдиться и бояться показаться слабой. Твой жизненный опыт подсказывает, что доверие – это высокая гора, на которую тебе никогда не суждено взобраться. Но ты можешь покорить эту гору, и ты это обязательно сделаешь.

– Правда, Адонай? Я действительно взойду на эту гору?

– Ты уже на нее всходишь, шаг за шагом поднимаешься вверх. Ты никогда не была и не будешь одна.

Она снова положила голову Ему на грудь и закрыла глаза. Солнце пригревало, и вокруг раздавалось пение птиц и жужжание насекомых.

– Как Тебе удалось меня найти? Я была уверена, что умираю. Мне казалось, что умереть – это так просто.

– Лили, Я никогда тебя не оставлял. Ты могла чувствовать, что потерялась, сбилась с пути, но Я всегда тебя видел.

Лили блаженно улыбнулась:

– И что произойдет сейчас? Мы можем так остаться навсегда?

– Пойдем, – сказал Он, встал и поставил ее на ноги. – Ты Мне веришь, Лили?

– Верю! – без колебаний ответила она.

Они взялись за руки, обогнули пруд, прошли вдоль ручья и вышли к огненной стене-границе Райского сада.

– Зачем мы сюда пришли? – удивленно спросила Лили.

– Я хочу, чтобы ты вернулась со Мной в Райский сад. Ты мне веришь?

– Я не смогу пройти сквозь эту стену, – с тоской произнесла Лили. – Я не из Райского сада, и мне не суждено там жить.

– Ты права только наполовину. Лилит не сможет пройти сквозь огонь, но Лили это под силу, потому что она всегда там жила.

Лили снова оказалась на перепутье и должна была сделать выбор. Она понимала, что если пройдет сквозь огненную стену, то пламя уничтожит всю ложь, которая в ней есть. Что делать? Отказаться от личины Лилит и убить ее? Лилит в душе девушки не сдавалась и умоляла о пощаде.

– Лили, – произнес Адонай, – посмотри Мне в глаза. Я здесь, и Я тебя никогда не оставлю. Как Я тебе говорил, в танце партнеры ведут попеременно. Так вот, дорогая Лили, теперь ты сама решаешь, что делать, и Я покорюсь твоей воле.

Вечный Человек, повернувшись лицом к девушке, спиной вступил в огненную стену и протянул Лили обе руки. Его глаза возгорелись вечным пламенем, а Его одежды охватил огонь, и казалось, что Его ноги превратились в два раскаленных медных столба.

Он три раза спросил ее о том, верит ли она Ему, и девушка решилась. Она протянула Адонаю свои руки, и Он медленно ввел ее в стену огня. Она почувствовала нестерпимую боль, ощутила, как пламя сжигает накопившуюся в душе ложь, очищая дух и тело.

И потом, когда ей казалось, что от нее уже ничего не осталось, потому что вся она исчезла в божественном огне, девушка услышала голос:

– Живое будет жить вечно, а мертвое сгорит дотла.

Лили сделала шаг вперед и открыла глаза.

– Летти? – спросила Лили. – Что ты здесь делаешь?

– Вяжу, ты что, не видишь? – ответила миниатюрная женщина хорошо знакомым ей певучим голосом и снова принялась что-то про себя напевать.

– Где мы?

– В твоей комнате в Прибежище. Все пошли спать, все очень устали. Температура у тебя снизилась, и состояние теперь стабильное. Ты идешь на поправку, слава Тебе, Господи. А мы-то думали, у тебя уже нет шансов.

Лили рассмеялась.

– Нет шансов? – хриплым голосом произнесла она. – Ничего себе! Значит, тебе не повезло? Досталась ночная смена у моей кровати?

– Нет, я сама вызвалась с тобой посидеть. Мне не надо спать, как всем остальным. – Летти перестала вязать и опустила спицы. Потом нагнулась к лицу девушки: – Скажи мне, что произошло? Почему ты вернулась? Мы действительно потеряли надежду и были уверены, что ты умрешь.

– Это Адонай. – Лили откашлялась, чтобы было легче говорить. – Все это только благодаря Ему. Он нашел меня и очистил божественным огнем.

– Возрадуемся! – Лицо Летти расплылось в улыбке. – Все проходят через очищающий огонь Его любви, дорогая. Но ты должна понимать, что в этом огне сгорает все, за исключением чистой любви.

– Все эти изменения, произошедшие со мной... они навсегда?

Летти рассмеялась:

– Правда – это навсегда. Но тебе придется найти свой путь в новой жизни, где ты нагая и ранимая.

– Но ведь именно такими Он нас создал – нагими и ранимыми? Мы нагие, ранимые и этого не стыдимся, верно?

– Совершенно верно, – кивнула Летти и снова взялась за вязание.

– А что ты вяжешь? – поинтересовалась Лили. – Я не видела, чтобы здесь кто-нибудь вязал, кроме тебя. Судя по всему, вязание здесь – не самый популярный вид рукоделия.

– Понятия не имею, но это помогает мне сосредоточиться, думать и молиться, – ответила Летти. – Я уже и не знаю, куда девать все то, что связала... Получается что-то неопределенное без конца и начала. Надо сшить все вместе, может быть, из этого что-нибудь да выйдет.

– Какая ты молодец! – похвалила ее Лили.

Ночь была тихой и звездной. Летти снова отложила рукоделие и заговорила очень серьезным тоном:

– Лили, я должна тебе кое в чем признаться.

– Ты что-то не так сделала?

– Нет, я совсем не об этом. Хочу признаться в том, что долго держала от тебя в секрете.

– Отлично, больше никаких секретов! Я лично с секретами завязала.

– У меня это даже не секрет, а скорее сюрприз, который долго ждал своего часа.

– И этот час настал?

– Да, настал. Я не совсем... как бы это сказать... не совсем человек.

– Ничего себе! – удивилась Лили. – Вот это действительно сюрприз! Я никогда и не задумывалась о том, кто ты. Если ты не человек, то кто?

– Я... – Летти хихикнула.

Совершенно очевидно, она получала удовольствие от этого разговора. Хихиканье становилось все громче, и наконец Лили с Летти рассмеялись.

– Не томи, рассказывай, – попросила девушка.

Летти успокоилась, перестала смеяться, наклонилась ближе к Лили и снова начала вязать, позвякивая спицами.

– Ты знаешь, что у Джона есть Хранитель по имени Хан-эль? – Лили кивнула, и Летти продолжила: – Ну, а я твой Хранитель.

– Мой Хранитель? – изумилась Лили. – Неужели? Настоящий Ангел-Хранитель?

– Неожиданный сюрприз, да?

Лили откинула голову на подушку:

– Но ведь ты участвуешь в общественной жизни Прибежища,ходишь в какой-то совет или что-то в этом роде?

– Я много чем занимаюсь. Но это больше факультатив, дополнительная нагрузка.

– И ты всегда была моим Хранителем?

– Всегда.

– Но у меня всегда было ощущение, что Хранители... как бы это лучше выразиться... хранят и охраняют?

Летти оторвалась от вязания.

– Ты думаешь, об этом надо было раструбить направо и налево? – Она рассмеялась. – Лили, наша работа могла бы быть гораздо проще, но люди – сложные существа. Очень многим свойственна, увы, низкая самооценка, и очень многие даже не осознают всей важности собственного выбора и решений, которые они принимают в своем «царстве». Ко всем решениям человека, даже к тем, которые были приняты под влиянием тени в его душе, надо относиться с уважением. Поэтому мы, ангелы, просто смотрим, присутствуем и вмешиваемся только тогда, когда нам это дозволено. Мне очень нравится вмешиваться и помогать. Вы молитесь, и это дает нам возможность вмешаться в вашу жизнь и помочь. Ваши молитвы обладают огромной силой.

В коридоре послышались приближающиеся шаги Джона. Он насвистывал какую-то грустную мелодию.

– А он знает? – поинтересовалась Лили.

– Нет, – ответила Летти и усмехнулась. – Он думает, что я старушка со странностями. Джон зовет меня Скупердядкой или Скупердячкой.

Джон вошел в комнату и посмотрел на Лили. По его лицу было видно, что он очень рад тому, что она пошла на поправку.

– Лили! – воскликнул Джон и распростер руки.

Девушка крепко обняла его и почувствовала, что все сомнения по поводу Джона исчезли, как будто их и не было.

– Как же я рад! Судьба не могла преподнести мне лучшего подарка, чем этот. А я смотрю, вы здесь активно общаетесь.

– Болтаем, – согласилась Лили. – У меня к тебе есть куча вопросов. Я подозреваю, ты уже знаешь о Саймоне и его зеркальце?

Ей было приятно говорить начистоту и не держать никаких секретов. Она решила, что и в будущем никогда не сойдет с выбранного пути и именно так будет строить свои отношения с людьми.

– Да, мы обо всем узнали, – сказал Джон. – Мы знали, что в душе Саймона вот уже некоторое время, как появилась тень.

– Вы знали, но ничего мне не сказали? – спросила Лили.

– А ты бы нам поверила?

– Может быть, и нет, – согласилась она. – Почему же вы его не остановили, если знали о болезни?

– Мы должны были понять, что он хочет. Ты тогда сама боролась с темными силами, с тенью в собственной душе, поэтому, не имея никаких доказательств его вины, мы не хотели усложнять твою жизнь.

– Знаешь, а он говорил о вас очень неприятные вещи.

– Надеюсь, что с обаятельной улыбкой? – ответил Джон. – Он всеми силами пытался достичь своих целей, вот и все.

– Интересно, где он сейчас находится? – спросила Лили, и Джон с Летти переглянулись.

– Я отправил его далеко-далеко. Он сейчас в сотнях километров от нас на севере, а его жена Карин на юге, тоже в сотнях километров от него. Чтобы снова быть вместе, каждый из них должен понять, что он не одинок.

– Карин! Это его жена! А я думала, что она...

– Карин – это та самая, с теневой болезнью. Помнишь, Ученые упоминали, что одна из их коллег заболела по пути к нам? Судя по всему, ее болезнь во многом связана с тем самым зеркальцем. Ужасное, просто адское изобретение. Как бы там ни было, я уверен, что после прохождения курса лечения они снова будут вместе и им обоим будет очень стыдно за то, что они натворили.

– А почему он навязывал мне это зеркальце и настаивал на том, чтобы я в него смотрелась?

– Когда я задал ему этот вопрос, Саймон ответил, что искренне верил, что зеркальце поможет тебе изменить ход истории и вернуть ему жену.

– И где же сейчас это зеркальце?

– Под замком в Прибежище. Ученые пытаются раскрыть его секреты. – Джон хлопнул в ладоши, давая понять, что дискуссия на эту тему закончена. – Ну, что, Лили, есть у тебя еще вопросы? Если нет, пора двигаться на кухню и поесть. Да, забыл тебе кое-что сказать. Я тут встречался с Хилерами, и они считают, что ты идешь на поправку не по дням, а по часам. Они говорят, что прогресс просто невиданный. Именно такое слово они использовали – невиданный. Они утверждают, что ты уже можешь вставать и начинать ходить. Состояние твоего здоровья это позволяет. Но не торопясь, медленно и под присмотром.

Лили была рада это услышать. Джон помог ей сесть на кровати и поставить ноги на пол. Она медленно встала, впервые с тех пор как попала в Прибежище. У нее немного закружилась голова, но потом все прошло. Девушка сделала несколько нетвердых шагов, после чего снова села на кровать и нажатием кнопки превратила ее в кресло.

– Молодец, – похвалил ее Джон. Летти улыбалась до ушей. – Постепенно и не торопясь. Интересно, в чем причина того, что ты так быстро пошла на поправку?

– Это Адонай, – ответила Лили.

– Конечно, – согласился Джон. – Именно Адонай, – произнося эти слова, он поднял голову к небу, словно обращался к Господу.

Летти шла по коридору первой, за ней Джон толкал кресло с Лили. Девушке казалось, что в ее душе наступила весна, и все ее чувства обострились до предела. Она произнесла про себя молитву тому, Кто ее слышит.

Они пришли на кухню, где Анита и Гералд бросились к Лили с распростертыми объятьями. Точно так же, как и чуть ранее Джона, девушка крепко обняла их.

Только они сели за стол, как Лили произнесла:

– Всем сердцем благодарю за эти дары. – Все с некоторым удивлением посмотрели на нее, и она добавила: – Если я собираюсь научиться молиться, надо же когда-то начинать?

Они ели яичницу с мягким белым хлебом с маслом. Хлеб был вкусным и прямо таял во рту. Во время еды каждый из них поочередно рассказывал свою версию событий, произошедших за последние несколько дней. Они посмеялись, а иногда и пустили слезу.

– Я плохо с вами обошлась, – сказала Лили. – Я многое утаивала. Пожалуйста, простите меня за это.

– Не переживай, дорогая, – ответила Анита. – Все мы предполагали, что с тобой происходит чуть больше, чем ты нам рассказываешь.

– Поверьте, все было более чем запутано, – воскликнула Лили. – Саймон с помощью зеркальца убедил меня в том, что я – Лилит.

– Лилит? Ничего себе! – выпалил Гералд, которому это очень не понравилась. – Фигня полная! Мифы, которые не имеют под собой никаких оснований.

– Мне прекрасно известна твоя точка зрения, но тогда я была не в силах устоять. Яд и отражение в зеркальце только наложились на внутреннюю ложь, и я поверила, что все это правда. Поверила, что я совершенно бесполезный человек, просроченный товар, ничто. И чтобы искупить свое прошлое, мне нужно сделать в этой жизни всего одно доброе дело – остановить Еву, не дать ей отвернуться от Господа.

– Интересно! – воскликнул Джон. – И как ты этого собиралась добиться?

– Даже как-то неловко об этом говорить, – медленно произнесла Лили. – Я собиралась предложить себя Адаму вместо Евы. Тогда Ева осталась бы в Райском саду, и в результате мир мог бы полностью измениться.

– Знай я об этом... – ужаснулась Анита. – Слава Богу, что мир не изменился. Или все-таки изменился?

– Думаю, что не изменился, – ответила Лили, хотя у нее начали закрадываться сомнения по этому поводу.

– Так чем все это закончилось? – спросил Джон.

– Адам меня отверг, или, скорее, отверг не меня, а Лилит. Он выбрал Еву. Вот тогда я поняла, что настала пора умереть. Потом появился Адонай и спас меня.

– Так, значит, ничего не изменилось, – произнес Джон. – Но все-таки в какой-то момент Ева не удержалась и ушла из Райского сада.

– Вот об этом я уже ничего не могу сказать, – ответила Лили. – Но, судя по всему, так оно и вышло. По крайней мере, Адонай считал, что так все и произойдет. Как вы можете объяснить то, что она ушла из Райского сада?

Все высказали свои предположения, которые Лили показались маловероятными, потому что она хорошо знала Еву.

Разговор продолжился, но в какой-то момент Лили заметила, что Анита с Гералдом «жмутся», не едят, и не вылезают из-за стола, и вообще ведут себя так, будто хотят ей что-то сказать. Лили не выдержала:

– Что вы там, двое, задумали?

Анита плотно сжала губы, поэтому заговорил Гералд, всхлипывая и глотая слезы:

– Нам прислали приглашение отправиться в другое место и время. И мы приняли его. Мы не знали, как тебе об этом сказать. Сейчас мы сидели и болтали, и было такое чувство, что все по-прежнему. Глупо, конечно... В общем, нам грустно с тобой расставаться, – объяснил Гералд наконец.

– Вы уезжаете? Когда?

– Очень скоро, – с грустью в голосе сказала Анита. – Если точнее, то через несколько часов. Все это очень неожиданно, даже для нас самих. Прости, Лили... Вот как-то так.

– Да нет, все в порядке. Просто действительно неожиданно... Вы оба стали для меня очень близкими людьми... и мне самой грустно.

– Мы тоже тебя очень любим, – произнес Гералд.

– И послушай, Лили, – продолжила Анита. – Я всю свою жизнь полагаюсь на волю Господа. Я доверяю Ему все то, что люблю и что мне дорого. А ты нам очень дорога. И твоя история только начинается. Если бы это было не так, мы бы точно остались с тобой.

Лили помолчала и потом произнесла:

– Подождите немного, я хочу вам кое-что принести. Пожалуйста, пока не уходите, хорошо?

– Хорошо. Мы слышали, что к нам едет Ревизор и будет здесь через несколько часов. Мы не знаем к кому, но на всякий случай решили поиграть с ним в прятки и скрыться.

– Я вас не очень хорошо понимаю. Что за человек этот Ревизор?

– Лили, я тебе потом объясню, – сказал Джон, – а сейчас Аните и Гералду надо собирать вещи. Давайте встретимся через часок и спокойно попрощаемся.

– Летти, отвези меня, пожалуйста, в мою комнату, – попросила девушка.

Ангел-Хранитель без слов встал позади и начал толкать ее кресло.

– Спасибо, – поблагодарила ее Лили. – Все это так грустно, что слов нет... Словно я только что нашла семью, а ее у меня тут же отнимают.

– Все в жизни меняется, дорогая, – сказала Летти. – Доверять – это не решение, которое принимаешь однажды и навсегда, а выбор, который приходится делать раз за разом. Мы благодарны за подарки судьбе. А ты один из них. И расставаться всегда очень грустно.

– Я всего лишь пытаюсь жить. Вы, вполне возможно, считаете, что я в этой жизни натворила много глупостей.

– Перестань, – заметила Летти. – Ты просто юная девушка. В этом случае надо исходить из того, что без глупостей не обойдется.

Они рассмеялись, и на душе у Лили стало гораздо легче.

Когда пришло время прощаться, Лили передала Аните свой дневник.

– Лили, это же твой дневник! Зачем ты его отдаешь?

– Это и есть подарок, который я хотела вам сделать. Пожалуй, для меня это самая важная в мире вещь. А вы для меня – бесценные люди, поэтому я хочу подарить вам эту вещь.

Анита и Гералд чрезвычайно удивились. Джон с добротой и потечески смотрел на эту сцену.

– Спасибо, – поблагодарил Гералд. – Это один из самых дорогих подарков, которые мы когда-либо получали.

– Сам дневник в свое время мне подарил Джон. На самом деле это записывающее устройство, приблизительно как тот стол в Подземелье. Здесь запись всего того, что мне довелось пережить. Всего плохого и хорошего. Я уже выполнила свою миссию, и если науке это интересно, то, пожалуйста, пользуйтесь.

Потом Джон показал Лили, как добавить в качестве пользователей дневника еще двух человек, чтобы они могли его открывать.

– Думаю, что для этого дневника вам надо будет найти свое собственное Подземелье там, где вы скоро окажетесь. Там можно будет его хранить и просматривать, – сказал Джон.

– Мы обязательно увидимся, Лили. Рано или поздно. Это лишь вопрос времени.

Потом они обнялись, соприкоснулись лбами, после чего Ученые ушли, ни разу не оглянувшись, по причинам, которые Лили прекрасно понимала.

Лили подъехала к стене с поручнем и остановилась. Джон подошел поближе, чтобы при необходимости помочь и поддержать ее. Она медленно и осторожно встала и сделала несколько неуверенных шагов.

– Ура, получилось! – с гордостью воскликнула она, и Джон громко похлопал в ладоши.

Девушка вернулась к своему креслу и села.

– Джон, ты можешь отвезти меня на террасу? Хочу погреться на солнышке и подышать морским воздухом.

Он на секунду задумался и потом произнес:

– Да, с большим удовольствием.

Они уже преодолели подъем, выводящий на террасу, и вот-вот должны были открыть дверь и выйти на солнце, как неожиданно рядом появился Хан-эль.

– Джон, – сказал ангел с улыбкой, – я с тобой!

– Спасибо! – произнес Джон и наклонил голову.

– Что-то происходит? – спросила Лили, но ответа не получила.

Джон вытолкнул ее кресло через дверной проем на солнце. Но Лили не почувствовала солнечного тепла, потому что ее сердце похолодело. У парапета, повернувшись к ней спиной и глядя на воду, стоял человек в костюме-тройке и с черным котелком на голове. Его кожа была иссиня-белой и казалась немного влажной.

– Ах, вот он какой, Ревизор, – пробормотала Лили, сдерживая страх.

Мужчина не повернулся к ней, а продолжал смотреть на воду.

– Я уже давно ищу одного старого друга, – проговорил он, – Коллекционера. Мне кажется, ты с ним знакома? Он ведь где-то здесь.

– Я здесь, Ревизор. Слово ты сам этого не знаешь, – произнес Джон.

Мужчина повернулся. У него были темные и глубоко посаженные глаза. Внимание Лили привлекла «бабочка» алого цвета, ярким пятном выделявшаяся на темном костюме. Девушке показалось, что Ревизор, услышав ответ Джона, слегка улыбнулся, впрочем, она могла и ошибаться – если улыбка и была, она молниеносно исчезла.

В поведении, словах и внешнем виде незнакомца было что-то зловещее и внушающее уважение, поэтому Лили отъехала в своем кресле в сторону. Интуитивно она ощущала, что сейчас надо быть от него подальше. Не то чтобы она чувствовала непосредственную угрозу, скорее вид мужчины вызывал у нее необъяснимый трепет. Ей было сложно представить, что Ревизор и Коллекционер могут быть близкими друзьями.

– Странный у тебя друг, – тихо сказала Лили. – У меня от него мурашки по телу.

– Друзья бывают разными, – с усмешкой произнес Джон. – И степень близости тоже.

– Он чем-то напоминает работника похоронного бюро. Правда, у него «бабочка» не по костюму.

– «Бабочка», говоришь? Я тоже, если честно, не в восторге. – Потом Джон обратился к незнакомцу: – Значит, ты за мной пришел?

Лили очень удивилась, когда услышала этот вопрос.

– Постой! – сказала она Джону. – Ты знал, что он здесь? Почему же не отказался, когда я предложила подняться вверх?

– Лили, я никогда ни в чем тебе не отказывал, и сейчас точно не время начинать. – Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

Ревизор сделал к Джону шаг:

– Здравствуй, старый друг. Долго я за тобой гонялся, и найти тебя было непросто. – Он кивнул Хан-элю и снова повернулся к Джону: – Теперь пора домой.

– Куда ты с ним направляешься, Джон? – прошептала Лили, хотя в

душе боялась услышать ответ.

– Это куда – домой? – спросил Джон Ревизора. – На другой остров, затерянный между мирами и пространствами?

– Нет, – ответил тот. – Сейчас по-настоящему домой.

И тут Джон расплакался:

– Неужели действительно домой?

Его колени подогнулись, и он упал рядом с креслом, на котором сидела Лили. Она нагнулась и обвила рукой его шею. Ей было невообразимо грустно, потому что за один день она теряла уже третьего дорогого ей человека.

– Я знаю, зачем ты сюда поднялся, – прошептала она ему на ухо. – Ты сейчас умрешь?

Джон встал и отряхнул одежду. Лили увидела, что он сквозь слезы улыбается.

– У нас есть время попрощаться? – спросил он Ревизора.

– Ровно столько, сколько нужно для прощания. А потом мы с танцем – домой.

Отвернувшись от Ревизора, Джон присел около девушки.

– Лили, я не был до конца уверен. У меня были подозрения, но все получилось так, как получилось. Извини, что так скоро.

– Ох, как мне все это не нравится!

– Я тебя прекрасно понимаю, – сказал он. – Но послушай меня, Лили. Благодаря Адонаю то, что тебе кажется смертью, для меня будет жизнью.

– Это слишком сложно, я не понимаю.

– Со временем все поймешь.

– Но разве тебе не грустно? Мне так грустно, что я бы плакала и плакала.

– Всегда с грустью покидаешь одно место и время, чтобы попасть в совершенно другие временные и пространственные координаты. Грустно покидать тех, кого любишь. Но прожив столько, сколько я, ты сама будешь ожидать нового начала. Отпустить все и возвратиться – это очень приятно.

– Джон, ты помог мне найти саму себя и понять, кто я. Ты первый из мужчин, кому я верила и кого любила.

– Это большая честь, – сказал он. – По воле Господа никто никогда не излечивается в одиночку. В один прекрасный день ты, возможно, поймешь, что сильно помогла мне и излечила меня.

– Я тебе помогла? Я излечила тебя?

– Лили, я не прошу верить мне всю жизнь. Достаточно того, что ты поверишь мне сейчас, в эту минуту. Ты мне веришь?

Она расплакалась и сказала:

– Да, сейчас, в эту минуту, я тебе верю.

– Тогда давай прощаться.

И они попрощались. Она обняла и поцеловала его в обе щеки, и плакала, и плакала.

– До свидания, Джон, – прошептала она. – Еще увидимся.

– Обязательно увидимся! – подтвердил мужчина.

– Постой, последний вопрос!

Джон рассмеялся:

– Да, конечно.

– В Райском саду Господа называли разными именами. Как ты сам Его называешь?

– Ну, это очень простой вопрос. Я называю Господа Двоюродным братом!

– Двоюродным братом?

– Для меня Господь всегда был Двоюродным братом, – сказал Джон, и ей показалось, что он помолодел на пару десятков лет. – Адонай, Иисус, второй Адам... Чем Двоюродный брат звучит хуже?

Джон повернулся к Ревизору, и Хан-эль мгновенно встал рядом и взял его за руку.

– Я тебя люблю, Лили Филдс! – громко и радостно сказал Джон.

Ревизор поднял руку и открыл появившуюся в воздухе дверь. Он взял Джона за другую руку, и все трое разом шагнули в проем, после чего исчезли. Тут же исчезла и дверь. Лили смотрела на все это разинув рот. Портал растворился в воздухе, как будто его и не было.

– Ну и показуха! Как они любят спецэффекты, – пробормотала Летти. – Пошли, Лили, у нас еще есть дела. Слава Богу, что я не обязана подниматься и спускаться по лестницам. Вперед!

Глава 19

Троица

Когда туман рассеялся, Лили поняла, что они с Летти стоят около входа в Подземелье.

– Я же тебе говорила! – воскликнула Летти. – Вот так гораздо проще и быстрее, чем тащиться по лестницам!

Несмотря на странную пустоту в душе, Лили рассмеялась.

– Что мы здесь делаем? – спросила девушка.

– У нас с тобой встреча, – ответил ее Хранитель с улыбкой.

– Встреча в Подземелье?

– Нет, не в Подземелье, – поправила ее Летти. Она сделала драматическую паузу и, показывая на дверь рукой, произнесла: – Нам сюда!

– В дверь?

Лили внимательно посмотрела на уже знакомую ей резьбу с изображениями сгребającego землю Адама, протягивающей к нему руки Евы, горы с масонским глазом в треугольнике и проглатывающей свой хвост змеи. Хотя она стояла перед этой дверью всего несколько дней назад, ей показалось, что с тех пор прошла целая вечность.

– Я припоминаю, Ученые говорили о том, что если коснешься рисунка, то обратно уже не вернешься.

– Вот поэтому-то я с тобой! – Летти громко захлопала в ладоши. – Я хорошо знакома с такими дверьми, со мной ты не пропадешь.

– Понятно. Так что же мы делаем?

– Возьми меня за руку и дотронься до того места, куда бы ты хотела попасть, – ответила Летти.

– Я хочу встретиться с Евой.

– Я так и думала. – Летти широко улыбнулась.

Девушка встала со своего кресла, взялась за мягкую, как у ребенка, руку Хранителя и прикоснулась к изображению Евы на двери. Лили словно ударило разрядом тока, и все вокруг заволокло туманом.

Когда туман рассеялся, Лили увидела, что они стоят на небольшом возвышении и прямо перед ними расстилается долина. Растительности в долине было немного, хотя по ней протекало несколько ручьев. Ветер доносил до них запах скота и возделанной земли.

На востоке Лили увидела поднимающийся в небо дым.

– Там воюют за пастбища и поля, – объяснила Летти.

Лили почувствовала, что ладонь Хранителя в ее руке стала другой. Она обернулась к Летти и обомлела. Женщина-карлик исчезла, и на ее месте находилось высокое существо, светящееся синим светом. Лили тут же вспомнила синих стражей, стоявших по краям великой толпы, собравшейся посмотреть на рождение Адама.

Казалось, что в груди Хранителя что-то пульсирует. Видимо, в другом мире эта пульсация проявлялась в том, что Летти постоянно что-то напевала себе под нос.

– Ого! – воскликнула Лили. – Так вот как ты на самом деле выглядишь!

– Ты что, серьезно думала, что я низкорослая старушка? – ответило существо. Юмор и ирония напомнили девушке о Летти, но голос был гораздо сильнее и казался моложе. – Впрочем, и в образе старушки есть свои плюсы, – добавил Хранитель и рассмеялся.

– Согласна, – ответила Лили. – И лично мне ты в образе старушки очень нравишься.

Воздух был сухим и чистым, солнце ласково пригревало.

– Нам туда. – Летти показала пальцем в обратную сторону от долины.

Девушка повернулась и увидела, что в сотне метров от них возвышается каменная гора, закрывающая полнеба. К основанию этой горы стекал водопад, и рядом с ним приютилось несколько десятков хижин. Сильный ветер грозил унести эти жилища в небо. Даже на расстоянии было слышно, как хлопают на ветру сделанные из шкур пологи.

– Ева там? – спросила Лили.

– О, да! – ответила Летти. – Хочешь пройтишь или просто около них оказаться?

– Давай прогуляемся, – ответила девушка. – Здесь поблизости случайно нет змей?

– Когда я рядом, тебе не стоит бояться змей, – ответил Хранитель, и Лили ему поверила.

Летти шла впереди. Свет ангела был похож на мираж. Там, где прошел Хранитель, на голой земле расцветали цветы и появлялась свежая трава.

– Видишь, что еще я умею делать? – проговорила Летти. – Превращать пустыню в цветущий сад. Это у меня получается лучше, чем вязать.

– Летти, ты преподносишь мне сюрприз за сюрпризом.

– Кстати, именно благодаря этим качествам я умею находить общий язык с детьми, – заметил ангел. – Дети любят сюрпризы.

Они приближались к поселению, и Лили обратила внимание на еще

одну узкую полосу земли, поросшую цветами и травой, точно такую же, как и та, что оставалась за ангелом. Эта зеленая «тропа» вела к расположенной в самом центре хижине.

– Это след другого Хранителя, – сообщил ангел.

За палатками до самого склона горы тянулись огороды с небольшими деревьями и цветущим кустарником. Там же были грядки с овощами.

У водопада долина сужалась, и оттуда открывался вид на луга, на которых паслись овцы и козы. Звуки водопада ласкали слух, высокая скала давала длинную тень, и в воздухе разливались ароматы цветов и трав.

Они подошли к самой большой хижине, из которой вышла женщина. Лили сразу ее узнала. Это была Ева. Казалось, она немного постарела. Лили перешла с шага на бег и, приблизившись, обняла Еву. Когда ее обнимал Адонай, девушка ощущала, что вернулась домой. Точно так же Лили почувствовала себя в объятиях Евы.

– Я так давно ждала этой встречи и мечтала с тобой познакомиться, – произнесла Ева и еще крепче обняла девушку.

– Я тебя не понимаю, – удивилась Лили. – Мы же с тобой много раз встречались и прекрасно знаем друг друга.

– Ну, – ответила женщина с улыбкой, – может быть, ты меня уже видела, но я с тобой встречаюсь впервые. – Ева повернулась к ангелу и наклонила в приветствии голову: – Давно не виделись, Летиция. Я рада, что ты здесь.

– Мать Ева, большая честь быть с тобой рядом в этот прекрасный и знаменательный день.

– Да, день действительно знаменательный, – ответила Ева. – Проходите внутрь и отдохните. Лили, надеюсь, что ты голодна. И у нас есть для тебя несколько сюрпризов.

Ева откинула полог, и они прошли внутрь хижины. На полу лежали ковры, на которых сидело несколько женщин, готовящих еду и растирающих в ступах разные специи и травы. Одна из женщин играла с маленькими детьми, другая в углу ткала пряжу на ткацком станке.

– Это мои дочери, – сказала, улыбаясь, Ева. – Все произошло так, как обещал Адонай. И вот эта девушка, – обратилась она к женщинам, показывая на Лили, – тоже одна из моих дочерей.

По сравнению со зноем снаружи в хижине было прохладно. Пахло свежесвеженным хлебом, на столах было выставлено угощение: сладости, фрукты, орехи, мед и вяленое мясо. Ева жестом пригласила Лили присесть на ковер, на котором лежало несколько вышитых подушек.

– Дай-ка я тебя получше рассмотрю, – сказала она, оглядывая девушку

с головы до ног, и в ее глазах появились слезы. – Мне просто не верится, что мы наконец встретились! Мне всегда обещали, что нас будет трое, но я уже и не надеялась на то, что это произойдет при жизни.

– Ева, прости меня, конечно, но я не очень понимаю, о чем ты, – сказала Лили.

– Она действительно не знает, – произнес ангел, оставшийся стоять около полога.

Ева закрыла ладонью рот и потом рассмеялась:

– Неужели? Действительно не знает? Вот это подарок! Лили, дорогая, мне выпала большая честь сообщить тебе хорошие новости.

– Интересно, – произнесла Лили.

– Но сперва я должна узнать, зачем ты к нам пожаловала.

– Я хотела с тобой поговорить! У меня к тебе куча вопросов, и мне немного странно слышать, что мы видимся впервые.

– Ох, Лили, – воскликнула Ева. – Хотя мы не встречались, я тебя очень хорошо знаю.

Одна из дочерей Евы подала Лили пиалу с теплым козьим молоком, на поверхности которого плавали небольшие пузырьки. Девушка сделала глоток.

– Скажи мне, где мы находимся? – спросила она Еву.

– Мы за пределами Райского сада, недалеко от его стены на востоке.

– И какой сейчас год?

Ева подняла взгляд вверх:

– Как же лучше тебе объяснить? Понимаешь, я слежу за ходом времени. Времена года сменяют друг друга. Их четыре в году. Для меня отсчет начался с тех пор, как я ушла из Райского сада, чтобы быть с Адамом.

«Значит, все случилось именно так, как предсказывал Гералд», – подумала девушка и спросила:

– А сколько лет прошло с тех пор?

– Почти четыре сотни времен года...

– Так почему же ты ушла из Райского сада? Почему не захотела остаться с Господом? – эти слова Лили произнесла чуть резче и громче, чем ей хотелось бы. Впрочем, как девушке показалось, эти вопросы нисколько Еву не обидели.

Ева глубоко вздохнула. А Лили уже знала ответ, глядя на морщинки на лице женщины и появившуюся седину в волосах.

– Я потеряла веру, – ответила Ева. – Веру в то, что Адонай осуществит мои желания. Мне хотелось быть рядом с Адамом. Я не представляла себе,

как Господь выполнит данное мне обещание, и решила, что если хочу иметь детей, то должна выйти из Райского сада. Адам повернулся к земле, из которой родился. Он в поте лица добывал свой хлеб, и земля для него стала смыслом всей жизни. Она дарила ему любовь и уверенность. И я тоже начала обрабатывать землю. Я повернулась к тому, откуда произошла. Я вернулась к Адаму.

– И что было потом? – Лили чувствовала, что разочаровалась не только в Еве, но и в самой себе.

– Земля может дать ровно столько, сколько может дать, и то только с Божьей помощью. Прежде чем землю обрабатывать, ее надо расчистить от леса и кустарника, а это совсем непросто. А теперь наши дети, ставшие мужчинами, воюют друг с другом за эту землю, потому что считают, что им ее мало.

– А что произошло с тобой, Ева? – спросила Лили и отставила в сторону пиалу с козьим молоком.

– Я отвернулась от Господа и повернулась к Адаму, а теперь Адам и наши сыновья воюют друг с другом, и каждый из них пытается расширить свое царство. Вот в каком мире я сейчас живу, – произнесла Ева и, посмотрев на сидящих в хижине женщин, чуть тише добавила: – А дочери воюют друг с другом, выбирая в мужья моих сыновей.

Это были не самые обнадеживающие новости.

«Люди отвернулись от Господа, и сколько несчастий это принесло», – подумала Лили.

– Расскажи мне, как ты покинула Райский сад. Как это было? – попросила Лили.

– Каждый вечер Адам подходил к огненной стене и звал меня. Он предал меня, и я была на него зла и в то же время хотела быть с ним. Возможно, Господь даровал нам умение прощать и заново строить сожженные мосты. Видимо, способность прощать – это часть нашей человеческой природы, от которой никуда не деться.

Потом Адам перестал появляться, и я приходила к стене, ожидая услышать его плач и стенания. Каждый день я молила Господа дать мне совет. И каждый день Господь отвечал, что я должна Ему верить. Шли дни, а Адам все не возвращался. Я думала об обещании Господа о том, что мое потомство раздавит потомство змеи. Чем больше я думала об этом, тем сильнее чувствовала свое одиночество. Мне все меньше хотелось видеть Господа, и постепенно я от Него отвернулась. Я устала Ему верить, мне нужны были точные ответы.

– И почему же Господь не отвечал на твои вопросы? – спросила Лили.

– Господь просил, чтобы я Ему верила, – ответила Ева. – Но я все равно от Него отвернулась. И в этом была моя ошибка.

– Так почему же Господь тебя не остановил? Почему Он позволил тебе отвернуться?

– Лили, со временем я поняла, что любовь Господа ко мне сильнее, чем моя собственная любовь к себе. Господь не противится решениям, которые мы принимаем. И чтобы моя любовь стала настоящей любовью, мне надо было от Него отвернуться. Адонай никогда от меня не отворачивался и не прятал Своего лица, но Он и не предотвратил последствий моего решения. И вот сейчас многие из моих детей, как дочери, так и сыновья, проклинают имя Господне. Но Господь их за это не наказывает, а спокойно принимает их выбор.

Лили расплакалась:

– И во всем этом виновата я!

Ева снова нежно ее обняла, как любящая и заботливая мать. Одна из женщин принесла теплый хлеб и мисочку с оливковым маслом, словно еда могла помочь Лили не чувствовать себя такой несчастной.

– Что ты говоришь, дорогая? Почему ты в этом виновата? – спросила Ева.

– Адам перестал приходить к границе Райского сада из-за меня.

– Перестань! Я же говорила, Лили, что хорошо тебя знаю.

– Интересно, откуда? – спросила девушка между приступами рыданий. – Как ты можешь об этом знать?

– Адам мне обо всем рассказал.

Лили подняла глаза и посмотрела на Еву, которая протягивала ей платок, чтобы вытереть слезы. Лили взяла его и высморкалась.

– Адам сказал, что ты тогда называла себя Лилит, – Ева улыбнулась, – но Адонай послал мне сон, в котором я увидела всю правду о тебе.

– Неужели Адам рассказал тебе, как я предлагала ему себя? – Лили было ужасно стыдно.

– Да, во всех подробностях. Но Адонай поведал мне о том, кто ты на самом деле. Ты никогда не была Лилит. Лилит – это полный обман.

Рассказав Еве о своих похождениях в роли Лилит, девушка перестала плакать. Потом они еще долго разговаривали и смеялись. Девочка с широко раскрытыми глазами принесла Лили белый цветок. Он вырос на пустынной земле, там, где ее коснулась стопа Хранителя. Девушка с благодарностью взяла его из маленьких рук. Она посадила ребенка себе на колени, и Ева погладила девочку по взъерошенным волосам.

– Я все-таки не до конца понимаю, почему ты ушла из Райского сада.

Тебе стало жалко Адама?

– Не совсем так. На самом деле все гораздо сложнее. Я потом долго размышляла и поняла, что сделала это для самой себя. Я отвернулась от Господа и вернулась к Адаму для того, чтобы заполнить возникшую в душе пустоту. Я боялась, что не осуществятся мои самые заветные мечты. Но в то время я даже сама себе в этом не признавалась. Тогда я оправдывала свои действия красивыми словами и надуманными предложениями.

Просто я не могла понять, как смогу родить обещанное Господом потомство без Адама. Потом я начала думать, что Господь меня просто испытывает, чтобы я стала мудрее и могла сама принимать решения. Я перестала верить Господу и решила, что данное Им обещание сбудется только тогда, когда я уйду из Райского сада. Не было никакого обмана, и змея тут ни при чем, я сама себе все напридумывала и во все поверила. Я решила, что, покинув Райский сад, я выполню волю Господа и сделаю доброе дело.

– О, Бог ты мой, – сказала Лили. – Я точно так же рассуждала, когда уходила из Райского сада и предлагала себя Адаму.

– Ну, я думаю, что мы с тобой далеко не единственные, кто стремится осуществить то, о чем мечтает. Сперва Адам очень разозлился, когда меня увидел, но спустя время мы помирились и я зачала. Ну, и потом родила нашего первого ребенка.

– Того самого, которого тебе обещал Господь?

– Я убедила саму себя, что этот мальчик и есть ребенок, обещанный мне Господом. Когда он родился, я была вне себя от радости и кричала: «Я родила сына, Адонай!» И еще много лет после рождения Каина я верила в то, что сбылось пророчество Господа, но потом увидела, как мальчик, подобно его отцу, отворачивается от Бога. Когда у Каина родился брат, я назвала его Абелем, что значит «вздых», потому что я уже начала терять надежду.

Адонай предупреждал, что наши дети от Него отвернутся. Когда Каин убил Абея, Адонай протянул ему руку, но тот ее не принял. Каин ушел от нас в край скитаний и мытарств. Потом он построил в тех краях первый город, который назвал Энохом, что означает «начало». Это также имя, которое носит один из моих внуков. Каин уже больше никогда не говорил об Адонае, у него только один Бог по имени Элохим. Каин уже не помнит и Руаха. Все мое потомство по линии Каина – это темные, алчные и злые люди.

Обе женщины склонили головы.

– Скажи, у нас осталась хоть какая-то надежда? – спросила наконец

Лили.

Ева вздохнула и улыбнулась.

– Адонай – вот наша надежда, и именно поэтому мы с тобой здесь встретились.

– Я не очень понимаю свою роль.

– Лили, ну я же тебе говорила, что есть троица.

– Какая еще троица? – спросила Лили и покачала головой.

– Три женщины, которые повлияют на ход истории. Есть женщина, которой Господь обещал потомство. Это я. Есть и другая женщина, которая тоже произведет на свет новое потомство и исполнит волю Господа. Вот она...

Ева повернулась и кивнула в сторону невысокой женщины, сидевшей неподалеку и лепившей буханки из теста. На первый взгляд эта женщина показалась Лили одного с ней возраста. У нее были темные глаза, а цвет кожи казался гораздо светлее, чем у остальных женщин в хижине.

– Да, это я! – отозвалась женщина и широко улыбнулась.

– Как видишь, Лили, ты сегодня у нас не единственная гостья, – заметила Ева.

Женщина встала и стряхнула муку с ладоней, после чего подошла к Лили.

– Точно так же, как и Ева, я всю жизнь ждала минуты, когда мы с тобой встретимся.

Лили ссадила с колен девочку, которая тут же убежала играть с другими детьми, и встала, чтобы поприветствовать незнакомку.

– Я вас слушала, и мне очень трудно было сдержаться, чтобы не вступить в разговор, – сказала женщина и обняла Лили.

Тут девушка заметила, что рядом с Летти стоит еще один дух, очень похожий на ее собственного Хранителя, с той лишь разницей, что вибрация и оттенок кожи у него были немного другими.

– Кто ты? – спросила Лили женщину.

– Я – Мария, мать второго обещанного Господом сына, второго Адама по имени Иисус.

Тут Лили все поняла.

– Не может быть! – воскликнула она. – Ты – Мария, мать Иисуса? Джон рассказывал мне о втором Адаме, но я, если честно, ничего не поняла.

– Кстати, Джон передает тебе привет, Лили. Он по тебе скучает, – произнесла Мария.

– Джон! Он в моей жизни многое изменил.

– Да, Джон это умеет. Он, кстати, тоже был Свидетелем.

Лили незаметно ущипнула себя за руку для того, чтобы убедиться, что ей все это не снится.

– А кто в этой троице третий?

– Ты! – хором ответили Ева с Марией.

– Я? – удивленно заморгала Лили.

– Да, ты! Ты – Невеста, та в которой будет объединено все обещанное семья.

– Я? – Лили почувствовала комок в горле. – Но я никому не нужна. Я в этом смысле совершенно бесполезна.

– Ты нужна моему сыну, – сказала Мария. – И чтобы показать Свою любовь, Он прислал тебе подарок. Летиция?

Из сотканых из света одеяний Летти вынула кольцо, которое в свое время Лили подарил Гералд.

Лили громко рассмеялась.

– Так это ты взяла мое кольцо? – спросила она.

– Ну, не змее же его оставлять? – ответила Летти вопросом на вопрос.

– Это кольцо – подарок судьбы, и оно твое по праву, – произнесла Мария и протянула ей кольцо. – Это обещание жениться.

– Адонай хочет на мне жениться. Почему?

– Лили, пойми, что все мы заключены в тебе. Ты – символ нашей болезни и нашего выздоровления, – ответила Ева. – Ты – та, кого все мы долго ждали.

– Но я не могу родить!

– Я тоже долго думала, что не могу, – сказала Ева. – Я не верила, в отличие от Марии. Понимаешь? И в ситуации, когда мне дали обещание, но я не понимала, как оно может осуществиться, я отвернулась. А вот Мария никогда не отворачивалась от Элохима и всегда верила. Господь сделал невозможное, и все случилось так, как Он обещал. – Ева взяла Лили за руку. – Дочь моя, разве ты не сделала выводов из того, как поступила я, из того, что я отвернулась? Господь хочет быть с тобой лицом к лицу. И быть с Господом – это высшее благо.

– Но как тебе, Мария, это удалось? – спросила Лили. – Как ты продолжала верить в ситуации, когда любой другой потерял бы веру?

– Я не была одна, – ответила Мария и посмотрела на стоящего рядом с Летти ангела. – Верно, Габриель?

– Это так, я тебе немного помогал, – послышался громкий голос Хранителя.

– Он всегда такой скромный, – произнесла Летти.

– Все это очень похоже на брак по договоренности, организованный свахой, – заметила Лили.

– А что, существуют какие-либо другие браки? – спросила Мария и засмеялась.

– У меня последний вопрос, – сказала Лили.

– Джон предупреждал, что ты любишь задавать вопросы, – произнесла Мария.

– Что мне сейчас делать?

– Ждать, – ответила Мария, – ждать, когда придет назначенное время. Каждый день работать и верить. И когда время придет, мой Сын устроит для тебя самую красивую свадьбу в мире.

– Ты принимаешь эти условия? – спросила Ева. – Ты будешь верить и ждать?

– Да, – ответила Лили и надела кольцо на палец.

Мария и Ева пожали ей руку и соприкоснулись с ней лбами.

– Господь всегда выполняет Их обещания.

– И я Им верю, – ответила Лили и закрыла глаза.

Глава 20

Начало конца

Лили открыла глаза и увидела, что стоит у двери в Подземелье. Летти снова превратилась в старушку и стояла рядом, держа девушку за руку.

– Неужели все это действительно произошло? – спросила Лили.

– Все было так здорово, что нет слов, – ответила Летти тонким голосом, по которому Лили уже успела соскучиться.

– И что мы будем делать сейчас?

– Думаю, ты и сама уже догадываешься, – ответил Хранитель. – Сейчас-то и начинается все самое интересное. Вот, возьми, тебе пригодится.

Лили увидела, что Летти протягивает ей серебряный ключик, и рассмеялась.

– Вообще-то я могла бы догадаться, что и ключик тоже у тебя.

Летти пожала плечами:

– Мне было известно гораздо больше об этих вещах, чем тем людям, что их тебе подарили.

Девушка покрутила в руках ключик.

– Кажется, я знаю, какую дверь этот ключик откроет, и мне от этого становится немного страшно, – произнесла она.

– Все люди боятся. Но не забывай, ты любима.

– Никто никогда не поверит тому, что со мной произошло. Скажи, а я все это запомню?

– Господь поможет тебе найти слова мудрости, которыми ты сможешь поделиться с другими. И ты никогда не забудешь.

– Спасибо тебе за все, Летиция.

– Можешь звать меня просто Летти.

– Хорошо. Летти, в один прекрасный день расскажешь мне, сколько раз ты меня спасала.

– Ох, эти мне молодые девушки! – рассмеялась Летти. – Все им расскажи и покажи!

Лили сделала шаг в сторону от Хранителя и неожиданно почувствовала, что держится на ногах не совсем твердо.

– Кстати, вот к этой штуке тебе придется некоторое время привыкать, – заметила Летти и постучала тростью по ноге девушки.

Раздался гулкий звук, будто стучали по чему-то пустому.

– Что?! – Лили приподняла подол платья и посмотрела на свою ногу, которая оказалась сделанной из металла. – Не понимаю, а куда подевались все веснушки?

– Это протез, – объяснила Летти. – На самом деле лучший из всех, что могут сделать в то время, в которое ты сейчас живешь. Привыкай.

Лили обняла Хранителя:

– Не покидай меня навсегда, хорошо?

– Лили, я всегда буду с тобой рядом. И не забывай о том, что Адонай любит тебя. Как сказала Мария, Они всегда держат свои обещания.

– Не забуду. Ну, теперь вперед!

Летти пошла впереди нее по коридору. Идти пришлось недолго, и вскоре они стояли перед запертой дверью, которую Джон просил не открывать в тот день, когда девушка впервые попала в Подземелье.

Лили попробовала повернуть ручку. Дверь была закрыта.

Она с минуту стояла перед запертой дверью, зная, что, как только ее откроет, ее жизнь изменится навсегда. А может, и нет. За это время столько всего произошло. Ее представление о себе самой сильно изменилось, и все то, что она пыталась скрыть, было известно Адонаю. Стремление контролировать все и вся оказалось ненужным и иллюзорным. Она знала, что ее работа в Прибежище выполнена. Если теперь все сводилось к тому, что она должна верить Адонаю, и Летти всегда будет с ней рядом, можно было отбросить страх и жить спокойно. По крайней мере, сегодня.

Лили вставила серебряный ключ в замочную скважину и повернула его. Потом открыла дверь.

Она вошла в уютное и красиво обставленное помещение – комнату с диваном, столом, стульями и книжными полками. Лили узнала эту комнату, потому что уже много раз в ней была. Это было место, в котором ей нечего было бояться.

– Доброе утро! – услышала она голос. – Проходи.

Эти слова произнесла сидевшая около компьютера женщина. Она закрыла ноутбук, сняла очки, положила их на стол, встала и протянула Лили руку.

Женщина была худой и темнокожей, одетой в яркую юбку и блузку. Она казалась благородной, как королева.

– Садись. Чай, кофе?

– Нет, спасибо, – ответила Лили и села в удобное кресло.

Женщина опустила в соседнее кресло.

– Я не уверена в том, помнишь ли ты меня, но я врач, который помогает тебе пережить последствия трагедии. Меня зовут Эвелин.

Девушка улыбнулась:

– А меня зовут Лили Филдс.

Казалось, женщина-врач была приятно удивлена ее словами.

– Что ж, прекрасно, Лили. Иногда, оказавшись в моем кабинете, ты называлась другими именами, что вполне понятно, учитывая все то, что тебе пришлось пережить.

– Другими именами?

– Да. Иногда ты называла себя Крис, иногда Принцессой.

– А, ну это легко объяснить, – сказала Лили, услышав имена из своего далекого прошлого. Так звала ее мать и мужчины, которые ее использовали. – Но теперь все эти имена мне уже не нужны. Если я собираюсь выздороветь, мне придется привыкнуть к тому, что у меня всего одно имя.

Эвелин чуть приоткрыла губы. Казалось, что Лили снова ее сильно удивила.

– Замечательно. Иногда уходит много лет на то, чтобы пациенты пришли к такому выводу.

– И как давно я здесь нахожусь?

– Около года. Но большую часть времени ты провела в палате, где тобой занимались медики. Чтобы поставить тебя на ноги, потребовались усилия, пожалуй, самых известных специалистов нашей страны. Не знаю, что именно ты помнишь из того, что с тобой было ранее, но ты находилась на грани смерти, когда тебя нашли.

– Я помню. Меня нашли в контейнере. Я была частью живого груза современных работоторговцев.

Опять Лили показалось, что своим заявлением она очень удивила женщину. Эвелин снова улыбнулась.

– Прекрасно. Вот об этом и поговорим.

Она взяла со стола папку и вынула из нее лист бумаги.

– Лили, мы получили просьбу от твоей биологической матери. Мы нашли ее с большим трудом. Сейчас она в клинике для наркоманов, где лечится от зависимости. Твоя мать просит разрешения тебя увидеть. Если ты, конечно, готова с ней встретиться.

Лили совершенно не ожидала такого поворота событий. «Главное – верить», – пронеслось в голове девушки. Она посмотрела в окно, чтобы выиграть время и собраться с мыслями.

– Я должна дать ответ прямо сейчас? Пока я не готова сказать что-либо

конкретное.

– Нет, ты совсем не обязана давать ответ прямо сейчас. Я просто тебя информирую. Я не сторонница секретов. Вместо секретов я предпочитаю...

– Сюрпризы? – закончила за нее мысль Лили, и женщина рассмеялась.

– Совершенно верно! Хочу также сообщить, что тобой займутся два терапевта, муж и жена. Это новые специалисты, недавно перешедшие в нашу клинику. Ты с ними познакомишься завтра, сегодня их только вводят в курс дел. Я очень надеюсь, что ты найдешь с ними общий язык.

– А что там с Джоном? – эти слова буквально вырвались изо рта Лили.

Эвелин откинулась на спинку кресла и задумалась.

– Ты имеешь в виду Джона, волонтера, который работал в клинике?

– Да, – ответила Лили.

– Джону было уже много лет, и он умер несколько дней назад. Он заснул и не проснулся. Прости, что никто тебе об этом не сообщил.

– Не страшно, – ответила Лили и почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. – Он часто приходил ко мне. Он мне очень нравился. Он был ко мне добр, а вот я не всегда отвечала ему тем же, и он очень многое для меня сделал. Мне его будет не хватать.

Доктор кивнула:

– Горечь от утрат и потерь – чувство, свойственное всему человечеству. Мы помним и чтим тех, кто был важен для нас, но ушел из жизни.

– А что с Летти?

– С Летти? Ты, наверное, имеешь в виду медсестру, работавшую в ночную смену? С ней все в порядке. Очень занятная женщина! Постоянно что-то вяжет и потом дарит мне, но у меня язык не поворачивается сказать ей, что я и понятия не имею, что это такое и что мне со всем этим делать. – Эвелин громко рассмеялась. – Ну, вот сама посмотри. Эту штуку она подарила мне вчера, – с этими словами Эвелин показала ей что-то бесформенное, связанное из шерсти.

– Я это возьму, если не возражаешь! – произнесла Лили, протягивая руку. – И если она подарит что-нибудь еще, чему ты не сможешь найти применения, отдай мне. Я такие вещи собираю.

– Значит, ты коллекционер? Хорошо, договорились, – ответила Эвелин и передала Лили непонятный предмет. – Какое у тебя интересное кольцо. Раньше на тебе его не было, – добавила она.

Лили покрутила кольцо на пальце:

– Это не простое кольцо. Его подарил один из тех немногих мужчин, кому я доверяю. Это обещание, что я достойна любви.

– Лили, если ты знаешь эту важнейшую заповедь, я уверена, что твое окончательное выздоровление не за горами.

Лили улыбнулась:

– Я в этом тоже уверена!

Эвелин взяла со стола пачку распечаток:

– Ну, что, Лили, начнем? Дело это непростое, но игра стоит свеч.

– Я готова. Начнем.

Стихотворение, написанное Лили

Есть справедливость
на небесах,
правда, заключенная
в Одним или Двух.
И вместе
Троица поет
очищающую песню
Любви, дарующую нам жизнь.
Пусть смерть
пока подождет,
пусть подождут
и заботы.
Я от них отвернусь.
Я хочу вдыхать
жизнь и возвращаться,
слышать Голос
и верить ему,
Голос, освободивший меня
и подаривший
возможность отныне и навсегда
видеть, слышать
и чувствовать.

Примечания автора

Дорогой читатель, на обложке этой книги изображение, которое поразило меня до глубины души, а также вызвало бурные споры в издательстве Simon & Schuster.

– Нам очень понравилась книга, – говорили первые, тестовые читатели, – но мы совершенно не понимаем, почему на обложке изображено яблоко, хотя в тексте Адам и Ева едят плоды фигового дерева.

– Ага, – отвечал я на эти комментарии, – очень хороший вопрос.

Я люблю хорошие вопросы. Собственно говоря, я пишу для того, чтобы отвечать на хорошо поставленные вопросы. Мне интересны представления и теории по поводу самых фундаментальных вопросов нашей жизни. В мире не существует более эмоционально заряженного символа, чем яблоко. Его изображение украшает обложку этого романа, несмотря на то что яблоко вообще не упоминается в ранних текстах Библии. Яблоко появилось позже, когда монахи-переводчики решили поиграть словами и их смыслом. Дело в том, что с латыни слово «яблоко» переводится как *malus*, а «зло» как *malum*.

На протяжении многих веков в разделе устной Торы под названием Мидраш высказывались самые разные предположения о том, какой именно плод явился причиной грехопадения. Но интересно вот что – и в Библии, и в традиции Мидраш встречается название одного плода. И это не яблоко, а фига. Мне кажется, что плоды фигового дерева символизируют определенный разлом в истории и судьбе человечества. Вы, вероятно, помните, что в Новом Завете Иисус проклинает фиговое дерево, а также то, что именно из его листьев Адам и Ева сделали свои первые одежды?

Съедая яблоко, мы не глотаем его косточек. Однако когда едим figу, неизбежно проглатываем мелкие семена. И тогда этот символический разрыв становится частью нас самих. Вот этот момент мне кажется очень важным.

Обратите внимание, что на обложке книги ненадкусанное яблоко. В начале романа у Лили совершенно четкое представление о том, что грехопадение произошло именно через яблоко. Такое представление было с детства вложено и мне, и вполне вероятно, многие читатели его разделяют. Я очень надеюсь на то, что мне удалось поколебать теорию, с которой многие из нас выросли, и довести читателя вместе с Лили до более глубокого и прочувствованного понимания Господа. Этот роман –

приглашение всегда находиться лицом к лицу с Божественным, заявление о том, что каждый из нас является совершенно уникальным и неповторимым.

Я очень надеюсь на то, что поднятый в романе вопрос о непреложности истины и слепом принятии на веру поможет читателям изменить свою жизнь и стать более счастливыми. Пусть этот роман поможет избавиться от стереотипов и предположений, в которые мы слепо верим, пусть он поможет вылечить сердца и способствует положительным изменениям как в каждом из нас, так и в обществе в целом.

*С любовью,
Уильям Пол Янг*

Благодарности

Должен признаться, что на работу над этим романом у меня ушло тридцать лет. Это были тридцать лет сомнений и исследований. Бесспорно, такой грандиозный труд был бы мне не под силу, если бы я работал в одиночестве. Меня окружали члены семьи, друзья, дальние и близкие родственники, до меня размышляли и излагали свои мысли многие блестящие философы, художники, ученые и мыслители. Все они внесли свою лепту в создание этого произведения.

Хочу отдельно поблагодарить Ким, ставшую якорем в моей бурной жизни. Она верит в меня, но ее никогда не обманывает мишура и внешний блеск. Я благодарен нашим детям, их супругам и женам, нашим внукам за ту радость, которая делает любую кропотливую и сложную работу истинным счастьем. Мои благодарности, как волны от брошенного в ровную гладь пруда камешка, расходятся все дальше и дальше, и я хочу выразить признательность всем моим прекрасным друзьям. Я не могу перечислить имена всех, потому что для этого понадобится целая книга, но вот некоторые из них: Клоснер, Вестон, Фостер, Ниндзя и его команда, Сканлон, Линда Йодер, Грейвз, Трой Браммел, Миллер, еще один Миллер, Гарратт, Toronto and Vancouver Minions, Хафф, семья ТСК, Ларсон, Сэнд, Джордан, Семья НЕ, моя канадская семья (Янг и Брунески), а также мама, папа, Дебби, Тим и члены их семей, клан Ворренсов, в том числе Сила / The Force, Гофф, Марин, Гиффорд, Хендерсон и МакМуррей.

Мои благодарности Бакстеру Крюгеру, который пару раз помог мне спуститься на землю после того, как фантазия унесла меня слишком далеко, и который всегда старался привнести в мое произведение серьезную научную основу, но подать это так, чтобы никому не было скучно. Благодарю также сотрудников издательств Howard Books и Simon & Schuster, которые меня поддерживали. Хочу отдельно отметить Джонатана Мерка и Каролин Райди, которые с самого начала с энтузиазмом поддержали мой творческий проект.

Я всегда говорил, что хороший редактор стоит золотом ровно столько, сколько весит. Спасибо Амии МакКоннелл, Беки Несбит, Аманде Рукер и, конечно, Эрин Хили (Эрин, мне тебя послал сам Бог, честное слово).

Спасибо всем тем, кто выступал и выступает за то, чтобы наш век стал Веком Женщин / Century of the Woman. Спасибо Джимми Картеру, Стивену Льюису и Эмме Вотсон (потрясающая речь в ООН!), спасибо организациям

Opportunity International и Stop Demand, спасибо целому ряду благотворительных, религиозных и деловых организаций, которые борются за права женщин.

Во время работы над романом я использовал труды целого ряда лингвистов, специалистов по древней истории, философов, психологов, теологов. Чтобы перечислить всех, потребуется еще одна книга. Спасибо Жаку Эллию, который уже в мире ином и смотрит на все с небес, спасибо Катрин Бушнелл, Вильяму Ло, Киту Барту и Джорджу МакДоналду. Благодарю Фаза Рана, Хью Росса, всех сотрудников организации Reasons to Believe, которые помогли мне описать процесс сотворения Вселенной максимально близко к тому, как это произошло, по мнению современных ученых.

Я привык работать под музыку, и чтобы перечислить всех любимых музыкантов и исполнителей, мне, опять же, потребовалась бы отдельная книга. Хочу поблагодарить Брюса Кокберна, поэта и композитора, которого я уже давно слушаю. Если бы я вовремя получил разрешение, в конце этой книги были бы напечатаны тексты двух его песен: Creation Dream и Broken Wheel.

Спасибо вам, Билиске Майерс (из Спокана), Джей и Дженни Вестон (из Худ), за то, что предоставили мне пространство, в котором я мог сконцентрироваться и спокойно работать. Вы сделали мне бесценный подарок.

Проект написания этой книги был связан с двумя семьями, без которых никогда не был бы реализован. Спасибо, Дан Полк и Вес Йодер, за то, что с такой любовью отнеслись к каждой детали. Благодарю вас от всего сердца!

Спасибо вам, читатели и слушатели. Я надеюсь, что мой рассказ затронет ваше сердце, обнимет вас и прошепчет на ухо, что вы всегда были достойны того, чтобы вас любили и обожали. Спасибо всем, прочитавшим мою книгу в переводе. Я надеюсь, что эта история даст женщинам и мужчинам чуть больше свободы.

И наконец, спасибо бескорыстной любви Отца, Сына и Святого Духа, так прекрасно выраженной в лице Иисуса. Все мы стараемся снова повернуться к тебе, учимся верить в тебя, а также в людей, которые нас окружают. Спасибо всем!

Примечания

1

Crystal meth – метамфетамин. – *Примеч. пер.*